

3(70)

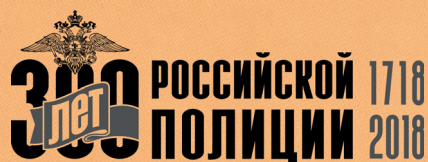
сентябрь 2018

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

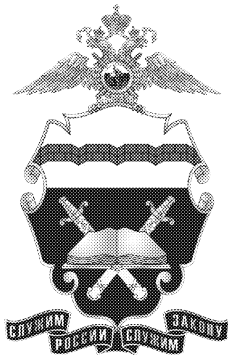

ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- Особенности объективной стороны преступления, совершенного в соучастии
- Информационные технологии в розыскной деятельности
- Административный процесс: основные подходы к пониманию и место в системе административного права
- Понятие справедливости в общественной психологии русского народа

№ 3 (70) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК Омской академии МВД России научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

Научное обеспечение противодействия правонарушениям. Scholarly Provisions for Counteracting Offences

Пудовочкин Ю. Е. Особенности объективной стороны преступления, совершенного в соучастии	3	Pudovochkin Yu. Ye. Specifics of the Objective Part of Crime committed in Accompliceship
Галкин В. В. Уголовно-правовая оценка общественно опасного деяния невменяемого лица	10	Galkin V. V. Criminal Law Estimate of the Socially dangerous Act performed by the Insane
Спирин А. В. Формирование внутреннего убеждения государственного обвинителя	15	Spirin A. V. Forming State Prosecutor's Inner Conviction
Коломеец Е. В. Систематизация используемых прокурором в уголовном досудебном производстве средств реагирования	20	Kolomeets Ye. V. Systematization of Response Measures used by the Prosecutor in Pre-Trial Criminal Proceedings
Даш Т. Новое в аресте подозреваемого по УПК Монголии 2017 года	25	Dash T. New in Arresting the Suspect according to the 2017 Criminal Procedural Code of Mongolia
Буряков Е. В. Информационные технологии в розыскной деятельности	29	Buryakov Ye. V. Information Technologies in Crime Detection
Грибунов О. П., Малыгина Е. А. Планирование расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта в зависимости от следственных ситуаций	33	Gribunov O. P. Planning the Investigation of Embezzlement of Component Parts of Railway Transport Objects due to Investigative Situations
Сургутсков В. И. Административный процесс: основные подходы к пониманию и место в современной системе административного права России	39	Surgutskov V. I. Administrative Procedure: the Main Approaches to Understanding and its Role in the Modern System of the Russian Administrative Law
Репьев А. Г., Красилова Е. В. Административно-правовые меры охраны здоровья граждан (на примере пресечения реализации крепких спиртных напитков непромышленного производства)	45	Repyev A. G. Measures of Administrative Law to Protect Citizen Health (exemplified by suppressing sale of strong alcohol drinks of non-profit manufacturing)
Болотин С. С. Основания защиты интеллектуальных прав на средства индивидуализации	50	Bolotin S. S. Grounds for Protecting Intellectual Rights to the Means of Individualization

Право и общество. Law and Society

Джойс Э. А., Симаков А. А. Цифровой суверенитет и правовое регулирование пиринговых платежных систем	54	Joys E. A., Simakov A. A. Digital Sovereignty and Legal Regulation of Peering Payment Systems
Зацепин Д. Е. Природа залога обязательственных прав	61	Zatsepin D. Ye. The Nature of the Pledge of Obligation Rights
Клоков Е. А. Реформа налогообложения недвижимого имущества физических лиц: от ожиданий к первым результатам. Часть II	66	Klokov E. A. Tax Reform concerning Individual's Real Estate: from Expectations to the first Outcomes (Part II)
Мараев К. Е. Внесение денежных средств как способ обеспечения исполнения контракта: вопросы регламентации	76	Maraev K. Ye. Payment as the Way to Insure Performance of the Contract: Questions of Regulation

Философский и методологический инструментарий. Philosophical and Methodological Toolkit

Петров А. В. Fides как момент тождества канонического и секулярного права	82	Petrov A. V. Fides as the Point of Identification of Canon and Secular Law
Гроздилов С. В. Понятие справедливости в общественной психологии русского народа как отражение его бытия	88	Grozdilov S. V. The Concept of Justice in Social Psychology of the Russian People as the Reflection of their Being

Информация для авторов	93	Information for Authors
Сведения об авторах	95	Annotated List of Authors (in Russian)

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук, профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук, доцент (Алматы, Казахстан)
В. В. Бабури, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент (Пермь, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук (Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. В. Головки, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор (Омск, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызская Республика)

- Е. А. Клоков**, кандидат юридических наук, доцент — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор (Красноярск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)
К. Ляковска, доктор юридических наук, профессор юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь)
Н. А. Мартишина, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент (Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор — *заместитель главного редактора* (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор — *главный редактор* (Омск, Россия)
Ю. П. Соловей, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук — *заместитель главного редактора* (Омск, Россия)
В. В. Хилыута, кандидат юридических наук, доцент (Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия)

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
L. M. Prokumentov, Doctor of Law, Professor (Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor (Perm, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy (St. Petersburg, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)

- A. S. Dezhnyov**, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor (Omsk, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Ye. A. Klokov, PhD in Law, Associate Professor — *assistant editor* (Omsk, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor (Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor (Minsk, Belarus)
N. A. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor (Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor — *chief editor* (Omsk, Russia)
Yu. P. Solovey, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, PhD in Law, Associate Professor (Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia)

Вниманию подписчиков!

18630 — наш индекс в издании «Газеты. Журналы» АО «Агентство „Роспечать“»

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Г. Ч. Синченко*

Редактирование *О. В. Арефьевой*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Дизайн и компьютерная верстка *А. В. Сергеева*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогнова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати:

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25982 от 13 октября 2006 г. выдано Роскомнадзор.

Выход в свет: 28.09.2018. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 11,2. Заказ № 151.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2018

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ SCHOLARLY PROVISIONS FOR COUNTERACTING OFFENCES

УДК 343.01 © Ю. Е. Пудовочкин, 2018

Особенности объективной стороны преступления, совершенного в соучастии

Ю. Е. Пудовочкин, Российский государственный университет правосудия (Москва). E-mail: 11081975@list.ru

В исследовательских целях разумно разграничивать понятие «соучастие в преступлении» и «преступление, совершенное в соучастии» и на этой основе анализировать признаки последнего. Объективная сторона преступления, совершенного в соучастии, существенно отличается по своим параметрам от объективной стороны преступления, совершенного одним лицом. Эти отличия имеют место как в ситуации соисполнительства, так и в соучастии с распределением ролей. Они состоят в том, что: (а) объективная сторона преступления в соучастии образуется вкладами соучастников, в связи с чем действия каждого из них признаются частью действий другого; (б) выполнением объективной стороны признается не только совершение действий, непосредственно описанных в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, но и иных действий, направленных на оказание содействия исполнителю во время и на месте совершения преступления; (в) совершение преступления имеет различные формы — исполнения, подстрекательства, пособничества и организаторства, которые соотносятся между собой как часть и целое. Эти особенности оказывают непосредственное влияние на квалификацию преступления, определяют объем обвинения и ответственности соучастников.

Ключевые слова: соучастие в преступлении; объективная сторона преступления;
соисполнительство; пособничество; подстрекательство.

Specifics of the Objective Part of Crime committed in Accompliceship

Yu. Ye. Pudovochkin, the Russian State University of Justice (Moscow). E-mail: 11081975@list.ru

For research reasons it is appropriate to distinguish the term “complicity” from “crime committed in accompliceship” and analyze the features of the latter basing on this distinction. The objective side of the crime committed in accompliceship according to its parameters significantly differs from the objective side of the crime committed by one criminal. These distinctions can be found both in the situations of joint accomplishment and joint participation with the roles distributed. The distinctions are as follows: (a) the objective side of the crime in accompliceship is made up of participants’ contribution, and therefore each participant’s actions are recognized as the part of the other’s actions; (b) the objective side implies not only the actions directly described in the disposition of Article in the Special Part of the Russian Criminal Code but also other actions aiming to aid the perpetrator at the time and place of crime; (c) commission of a crime has different forms: accomplishment, abetting, aiding and organizing which correlate as a part and the whole. These peculiarities immediately influence the classification of crime, determine the punishment and responsibility of accomplices.

Keywords: joint participation in a crime; objective side of a crime; joint accomplishment; aiding; abetting.

В рамках исследования вопросов соучастия в уголовном праве один из продуктивных приемов состоит в четком различении двух взаимосвязанных понятий — «преступление, совершенное в соучастии», с одной стороны, и «соучастие в преступлении» — с другой.

Признаки преступления, совершенного в соучастии, частично отражены в нормативной дефиниции соучастия, частично разрабатываются доктриной уголовного права и устанавливаются правоприменительной практикой. В рамках настоящей публикации обратим внимание лишь на один аспект в характеристике таких преступлений, а именно на их объективные признаки.

Важный вопрос, который предстоит решить в связи с этим, состоит в обосновании тезиса о том, что объективной стороне преступления, совершенного в соучастии, присущи значительные отличия от такого же по виду преступления, но совершенного одним субъектом. Этот тезис имеет свои особенности в ситуациях соисполнительства и соучастия с распределением ролей. Рассмотрим их детально.

По общему правилу, вытекающему из принципов личной и виновной ответственности, субъект может нести уголовную ответственность только за те деяния, которые выполнены им лично (теория посредственного причинения позволяет, как известно, признавать выполненными лично и деяния, которые совершены посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности). При этом мы исходим из того, что признаки преступного деяния, по крайней мере, признаки объективной стороны оконченного преступления, исчерпывающе описаны в статье Особенной части уголовного закона.

В ситуации соисполнительства эта привычная установка должна быть скорректирована. Поскольку преступление совершается двумя или более соисполнителями совместно, его объективная сторона складывается из действий этих лиц и является общей (единой) для каждого из них. В связи с этим соисполнители несут уголовную ответственность не за те деяния, которые выполнены ими лично, а за то деяние, которое содержит объективную сторону совместно выполненного преступления. Иными словами, каждому соисполнителю вменяется не только конкретное действие, выполненное им лично, но и действие, совершенное иным соисполнителем.

Это правило находит многократное подтверждение в судебной практике и не оспаривается в науке.

Так, согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 4 декабря 2014 г. «О су-

дебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹, изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, совершенными группой лиц (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой), должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственное половое сношение или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему или к другим лицам. При этом действия лиц, лично не совершавших насильственного полового сношения или насильственных действий сексуального характера, но путем применения насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера.

Аналогичные правила зафиксированы в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»². В пункте 14 документа сказано: «Если применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, охватывалось умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, все участники совершенного преступления несут ответственность по ч. 2 ст. 162 УК РФ как соисполнители и в том случае, когда оружие и другие предметы были применены одним из них».

Такое вменение «чужого как своего» основывается на признаке единства деяния всех соисполнителей: вклады каждого из них оцениваются как одно действие, а потому вклад в деяние каждого вменяется всем. Важно, однако, подчеркнуть, что такое единство деяния должно носить не только объективный, но и субъективный характер. Каждый соисполнитель должен понимать, что действует согласно общему плану, внося свой вклад в общее дело. Не случайно документы Верховного Суда РФ в данном случае говорят о соисполнителях, действующих по предварительному сговору.

Однако осознание общего дела возможно и вне предварительного сговора, например, в ситуации присоединяющейся деятельности, на что также обратила внимание высшая судебная инстанция³. Сегодня это правило возведено в ранг общего требования в п. 14¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже,

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.

² Там же. 2003. № 2.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 3 квартал 2009 г. : постановление Президиума Верховного Суда РФ № 157-П09) // Там же. 2010. № 2.

грабеже и разбое». Даже если соисполнитель разбоя (грабежа) не принимал участия в применении насилия к потерпевшему и предварительным сговором охватывалось совершение лишь тайного и насильственного хищения чужого имущества, мы можем считать его действия разбоем (грабежом) в ситуации, когда он, осознавая изменение параметров предварительных договоренностей, присоединяется к действиям иных соисполнителей, допускающих эксцесс. Насилие, примененное соисполнителями, допустившими эксцесс, становится частью действий соисполнителя, непосредственно не применявшего этого насилия, если он присоединяется к открытому хищению.

Субъективные признаки общего деяния приобретают особое значение в ситуации, когда часть действия, выполненного одним соисполнителем, неизвестна другому соисполнителю. Например, один субъект применил насилие к потерпевшему и приступил к изъятию имущества, и в этот момент к хищению присоединяется другой субъект, который не осведомлен о ранее примененном насилии. Границы общего действия заданы здесь не только объективными данными, но и умыслом. Эти требования являются переложением к тематике соучастия общего учения о деянии, о единстве его объективных и субъективных признаков.

Следующий момент, характеризующий общее деяние, совершенное соисполнителями, состоит в том, что их вклады далеко не всегда представлены действиями, непосредственно описанными в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона. И это также одна из существенных особенностей преступления, совершенного в соучастии.

Дело в том, что при наличии хотя бы одного исполнителя, который непосредственно выполняет деяние, описанное в диспозиции статьи Особенной части, соисполнителем может быть признан субъект, чье поведение не включает непосредственного выполнения такого деяния. Предельно четко эти правила также зафиксированы судебной практикой.

Например, согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», «уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении престу-

пления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством»⁴.

В этой и иных аналогичных рекомендациях высшей судебной инстанции весьма отчетливо содержится отсылка к старой классификации соучастников по английскому праву. Еще в середине прошлого столетия английские специалисты писали, что «соучастники преступления могут быть главными и дополнительными (акцессорными), при этом главные преступники могут делиться на участников первой и второй степени... Главным участником первой степени признавался исполнитель — непосредственный или посредственный, а главным участником второй степени — лицо, содействовавшее преступлению во время его исполнения (подстрекатель и пособник во время совершения преступления) [1, с. 145–146].

В современном российском праве хотя и отсутствует официальное деление исполнителей на степени, но по существу признается, что соисполнителями могут выступать как лица, непосредственно выполняющие объективную сторону состава преступления, так и лица, которые при наличии «исполнителей первой степени» на месте и во время совершения преступления выполняют согласованные действия, направленные на оказание им помощи, хотя бы эти действия и не были формально описаны в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона.

Можно подвести итог: объективная сторона преступления, совершаемого соисполнителями, во-первых, является общей для всех соисполнителей, независимо от их личного вклада, а во-вторых, включает действия, которые формально нельзя признать элементом исполнительских действий, если бы они выполнялись субъектом единолично.

Проанализируем объективную сторону преступления, совершаемого в соучастии с распределением ролей. С одной стороны, здесь нет сложностей: объективная сторона исполнительских действий описана в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, объективная сторона действий организаторов, подстрекателей, пособников — в соответствующих частях ст. 33 УК РФ. Однако отсутствие проблем в данном случае лишь видимое.

Напомним, что в судебной практике отдельные виды и формы соучастия принято соотносить между собой по принципу «части» и «целого». Исходя из этого:

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

— выполнение функций организатора поглощает собой подстрекательские и пособнические действия⁵;

— выполнение в преступлении исполнительских функций поглощает собой действия подстрекателя, пособника и организатора;

— исключение судом из обвинения квалифицирующего признака «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» не исключает уголовной ответственности подстрекателя и пособника⁶.

Такая «включенность» обвинений и соотношение объема действий создает возможности для судебной перекалфикации содеянного соучастниками с учетом общего правила, закрепленного в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 55 от 29 ноября 2016 г. «О судебном приговоре»⁷. Суд вправе изменить обвинение и квалифицировать действия (бездействие) подсудимого по другой статье уголовного закона, по которой подсудимому не было предъявлено обвинение, лишь при условии, если действия (бездействие) подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от поддержанного государственным (частным) обвинителем обвинения, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту.

В теоретическом плане такая ситуация порождает крайне важный вопрос: являются ли в действительности действия соучастников частью действий исполнителя, можно ли считать, что обвинение в исполнении преступления охватывает собой обвинения в иных соучастных действиях.

Значимость этого вопроса актуализируется в связи с одним из важнейших прецедентов Европейского суда по правам человека. Речь идет о постановлении Европейского суда по правам человека от 25 марта 1999 г. по делу Пелисье (Pelissier) и Сасси (Sassi) против Франции⁸.

Обстоятельства дела следующие. Сасси и Пелисье было предъявлено уголовное обвинение в банкротстве компании «Бле Марин». Суд вынес оправдательный приговор, сославшись, среди прочего, на то,

что у него отсутствует возможность определить, являются ли Сасси и Пелисье (акционеры этой кампании) фактическими управляющими обанкротившегося предприятия, что требуется для подтверждения обвинения. В апелляционной жалобе на этот приговор потерпевшая сторона, выражая свое несогласие, указывала на возможность признания Сасси и Пелисье соучастниками банкротства. При рассмотрении дела в апелляционной инстанции было подтверждено, что Сасси и Пелисье, действительно, не могут рассматриваться как фактические управляющие компанией. Однако признано доказанным, что они были уведомлены о серьезных трудностях компании и «совершали добровольные и основанные на фактах реальные действия, которые облегчали, помогали или содействовали» третьему лицу (Ф. Кортесу, который и признан «фактическим управляющим») в сокрытии части имущества от преследования кредиторов, что нанесло ущерб компании «Бле Марин». Из апелляционного постановления суда следует, что Сасси и Пелисье в рамках направления их дела на рассмотрение апелляционного суда являлись «обвиняемыми в банкротстве». Однако апелляционный суд принял решение перекалфицировать содеянное с исполнения состава банкротства (обвинения, предъявленного заявителями), на соучастие в банкротстве путем сокрытия части имущества. Сасси, в частности, было вменено то, что он представил поддельную справку для подтверждения выплаты денежной суммы в рамках оспариваемой операции.

Сасси и Пелисье подали кассационную жалобу на решение апелляционного суда. Сославшись на ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на справедливый суд), они посчитали, что перекалфикация, сделанная апелляционным судом, не была рассмотрена с участием сторон и является нарушением их прав на защиту. Сасси дополнительно указывал, что апелляционный суд использовал факты, которые никогда не были ему предъявлены и которые не могли служить обвинением в соучастии в банкротстве. Кассационный суд Франции оставил кассационную жалобу без удовлетворения.

Сасси и Пелисье обратились за защитой своего права в Европейский суд по правам человека. Приняв жалобу, суд рассматривал дело с точки зрения обоснованности использования в апелляционном

⁵ Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции : определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 6-100/00, утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ 26 января 2005 г. URL: <http://www.supcourt.ru> ; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31 января 2007 г. № 596-П06 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 12 ; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2013 г. : постановление Президиума Верховного Суда РФ № 107-П12 // Там же. 2014. № 1.

⁶ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 71-О10-14 от 15.07.2010 г.

⁷ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

⁸ Дело Пелисье (pelissier) и Сасси (sassi) против Франции : постановление Европейского суда по правам человека от 25.03.1999 г. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=13970 (дата обращения: 24.01.2017).

суде доказательств, которые не были рассмотрены в рамках разбирательства дела по первой судебной инстанции (справка о подтверждении денежной выплаты), соблюдения разумных сроков разбирательства (дело в общей сложности длилось около шести лет), а также с точки зрения допустимости переквалификации обвинения в апелляционной инстанции с исполнения состава банкротства на соучастие в банкротстве. В рамках настоящей работы последнее представляет собой интерес⁹.

Заявители не оспаривали само право французских судов переквалифицировать содеянное. Они возражали только против условий, при которых такая переквалификация является вмешательством в ход судебного разбирательства. В связи с этим Сасси и Пелиссье настаивали на наличии нарушения принципа состязательности. Не имея возможности участвовать в переквалификации, решение о которой принято в ходе совещания судей апелляционного суда, заявители фактически не располагали временем и необходимыми возможностями для подготовки своей защиты. Они утверждали, что переквалификация правонарушения из банкротства в соучастие в банкротстве, учитывая специфику понятия «соучастие» во французском праве, заставляет принять новую систему защиты и представить другие аргументы. С их точки зрения, переквалификация неизбежно изменила «характер обвинения».

В своих возражениях власти Франции утверждали, что принцип сбора доказательств *in rem* судами, в соответствии с которым суды рассматривают факты и не обязаны принимать правовую квалификацию, фигурирующую в постановлении о принятии дела к производству, позволяет переквалифицировать факты, если только они не основываются на новых фактах. В данном случае переквалификация, совершенная апелляционным судом, не изменила принцип уголовной квалификации деяния, поскольку она представляет собой только разный уровень участия заявителей в преступлении, квалифицируемом как банкротство. Власти Франции считали, что понятие соучастия не автономно и является предметом очень гибкого применения в судебной практике. В связи с этим соучастие выступает элементом, присущим первоначальному обвинению, тем более что факты, по которым они осуждены как соучастники, фигурируют в первоначальном обвинении, тогда как предвидимая для заявителей совершенная переквалификация существенно не изменила характер выдвинутого против них обвинения, речь шла о простом изменении оценки уровня их участия.

Европейский суд в своем постановлении отметил, что положения подп. «а» п. 3 ст. 6 Конвенции указывают на необходимость тщательного отношения к уведомлению заинтересованного лица об обвинении. Конвенция признает право обвиняемого быть уведомленным не только о причине обвинения, т. е. о реальных фактах предъявленного ему обвинения, лежащих в основе обвинения, но также о правовой квалификации, данной этим фактам, которая должна быть как можно более подробной.

Однако в рассматриваемом деле заявителям не было официально предъявлено обвинение в соучастии в банкротстве, нет свидетельств и того, что квалификационная версия о соучастии проверялась в досудебном следствии или рассматривалась в рамках разбирательства в первой судебной инстанции. В ходе судебного разбирательства в апелляционном суде, начатого на основании апелляционной жалобы, поданной прокурором, заявители также не имели представления, в какой момент власти предъявили им обвинение в возможном соучастии в банкротстве: при вызове в суд или в ходе дебатов. В итоге Европейский суд счел, что в действительности заявители не были уведомлены о возможности переквалификации их действий на соучастие в банкротстве апелляционным судом. И учитывая «необходимость приложить все усилия для того, чтобы официально уведомить об обвинении заинтересованное лицо», и определяющую роль, которую играет обвинительное заключение в уголовном преследовании, Европейский суд указал, что ни один из доводов, выдвинутых властями Франции, не может являться достаточным для того, чтобы гарантировать соблюдение положений подп. «а» п. 3 ст. 6 Конвенции.

Особое внимание Европейский суд обратил на вопрос о том, предполагает ли понятие соучастия во французском праве, применительно к заявителям, возможность переквалификации преступления из банкротства в соучастие в банкротстве (для справки заметим, что французское право различает соисполнительство и соучастие, к последнему относятся случаи пособничества и подстрекательства).

Европейский суд установил, что положения Уголовного кодекса Франции, применявшегося на момент происшедших событий, недвусмысленно предусматривают, что соучастие может быть установлено «только в совокупности некоторого количества специфических элементов, строгих и сопоставимых условий». Разумеется, по своему характеру соучастие сопровождает основное преступление, совершенное исполнителем. Действия соучастника приобретают

⁹ Европейский суд установил нарушение властями Франции права на рассмотрение дела в разумный срок, но признал, что в рассматриваемом случае использование апелляционным судом оспариваемого заявителями документа в качестве доказательства не имело решающего значения для установления его вины.

уголовный характер только в связи со ссылкой на преступление, совершенное этим исполнителем, что отражает понятие «соучастие в преступлении». Однако, кроме этого первого образующего элемента, соучастие нуждается также в присутствии реально-го элемента, т. е. совершения особого деяния, как это предусмотрено в Уголовном кодексе, и преднамеренного элемента, т. е. сознательной помощи в совершении преступления. Исходя из этого Европейский суд указал, что он не может следовать логике властей Франции, когда они утверждают, что соучастие представляет собой только уровень участия в основном преступлении. Уголовный кодекс, действовавший на момент происшедших событий, предусматривал иное, к тому же в статьях уголовного закона четко различаются соучастник и исполнитель.

Европейский суд не стал давать оценку обоснованности средств защиты, которыми могли пользоваться заявители, если бы они имели возможность обсуждать соучастие в банкротстве, он просто отметил: допустимо утверждать, что эти средства были бы отличными от средств, выбранных для того, чтобы оспаривать основное преступление (исполнение банкротства). Обвиняемые в соучастии Пелиссье и Сасси должны были убедить суды, что, с одной стороны, они не совершали каких-либо действий по соучастию в совершении преступления, предусмотренного законом, и с другой (если им были предъявлены действия, характерные для соучастия), — что они не имели сознательного умысла содействовать совершению преступления. Принцип строгого толкования уголовного права запрещает обходить эти элементы, характерные для соучастия. Довод властей Франции о том, что соучастие в некоторых случаях приравнивалось судами к деяниям, совершенным в соисполнительстве, не может быть принят в данном случае.

Учитывая вышеизложенное, Европейский суд также счел, что соучастие не является элементом, присущим первоначальному обвинению в исполнении преступления, с которым заявители были ознакомлены с начала судебного разбирательства (суд упомянул при этом свое постановление по делу «Де Сальвадор Торрес против Испании»¹⁰). В связи с этим Европейский суд счел, что апелляционный суд, применив свое неоспоримое право на переквалификацию фактов, которые он рассмотрел надлежащим образом, должен был дать возможность заявителям эффективно и действительно осуществить свое право на защиту по этому пункту обвинения. В данном случае Европейский суд не отметил какого-либо элемента, который мог бы объяснить, например, от-

сутствие оснований для направления дела на новое рассмотрение или, в случае необходимости, для направления запроса заявителям о представлении ими письменных замечаний в ходе вынесения судебного постановления. Из материалов дела, напротив, следует, что заявителям не была предоставлена возможность организовать свою защиту в связи с новой квалификацией, поскольку они получили возможность ознакомиться с изменением квалификации только в постановлении апелляционного суда, что было, очевидно, поздно.

Принимая во внимание все эти элементы, Европейский суд пришел к выводу, что в рассматриваемом случае имело место нарушение права заявителей быть подробно уведомленными о характере и причине предъявленного им обвинения, а также их права располагать необходимым временем и возможностями для подготовки своей защиты.

Внимательно анализируя аргументацию Европейского суда по правам человека, несложно заметить, что она основана на строгом следовании началам акцессорной теории соучастия, на понимании пособничества (это же будет справедливо и для подстрекательства) как участия лица в «чужом преступлении». В этом случае, действительно, деяния соучастников хотя и связаны с поведением исполнителя, но являются самостоятельными, образуя самостоятельное основание уголовной ответственности, которое не выводится из обвинения, предъявленного исполнителю.

Принимая и разделяя озабоченность Европейского суда проблемой обеспечения права обвиняемого на защиту, нельзя вместе с тем согласиться, что система его аргументации может быть в полной мере применена для оценки российской практики судебной переквалификации действий соучастников.

Наша правовая система опирается на эклектическую, смешанную теорию соучастия, в рамках которой столь жесткое противопоставление деяний исполнителя и иных соучастников вряд ли будет правильным. Все эти действия являют собой вклад нескольких совместно действующих лиц в общее для них преступление. А потому сформулированное выше правило о том, что находящиеся в рамках общего плана отдельные действия соисполнителей вменяются каждому из них, с определенными оговорками применимо и в данном случае, в ситуации распределения ролей.

Здесь целесообразно, по-видимому, провести разграничение терминов «совершение», который прямо указан в ст. 32 УК РФ, и «исполнение». Совершение преступления охватывает собой все формы

¹⁰ *Де Сальвадор Торрес против Испании* : постановление Европейского суда по правам человека от 24 октября 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

участия в нем, и исполнение — только одна из форм, наиболее полная. Совершение практически любого умышленного преступления объективно включает в себя деятельность по его инициированию, организации, планированию, исполнению. При этом, как и в ситуации с неоконченным преступлением, эти действия выстраиваются «матрешкой»: исполнение как бы поглощает собой все остальные виды действий, а потому, когда они совершаются одним лицом, мы имеем дело с индивидуальным субъектом преступления. В соучастии же «матрешка» раскладывается: одно преступление совершается несколькими лицами, что естественным образом отражается на квалификации. Основанием квалификации выступает состав преступления, и в этом отношении у каждого соучастника он свой: состав организации, состав подстрекательства, состав пособничества, состав исполнения. Эти составы образуются единством предписаний Общей (ст. 33 УК РФ) и Особенной частей уголовного закона, что обуславливает необхо-

димость обязательной ссылки на ст. 33 УК РФ при квалификации действий лиц, не являющихся исполнителями, и единую статью Особенной части УК РФ у всех соучастников.

С этих позиций состав исполнения преступления допустимо рассматривать в качестве общего по отношению к составам отдельных соучастных действий, которые можно рассматривать в качестве его частей. Допустимо, вслед за аргументацией французской власти в приведенном выше деле Пелиссье и Сасси, рассматривать соучастие как «уровень участия», но не в «чужом», «основном» преступлении, а в едином для всех соучастников деянии. Общий умысел и план дают возможность признать: в той мере, в какой деяния исполнителя могут быть вменены соучастникам, в той же мере деяния соучастников могут быть вменены исполнителю преступления. А потому обвинение лица в исполнении преступления вполне охватит собой обвинение в организации, пособничестве и подстрекательстве.

Список литературы

1. Дженкс Э. Английское право (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право). М., 1947.

Уголовно-правовая оценка общественно опасного деяния невменяемого лица

В. В. Галкин, Управление Федеральной службы судебных приставов России по Тюменской области.
E-mail: vova.galkin20@mail.ru

Освещаются вопросы, возникающие при квалификации общественно опасных деяний невменяемых лиц. Дается характеристика объективных признаков поведения невменяемого лица. Формулируются правила квалификации при различном соотношении сознательно-волевых процессов, образующих содержание субъективной стороны деяния невменяемого лица. Обращается внимание на формальный подход к установлению психологического критерия невменяемости и возникающие в связи с этим ошибки в судебно-следственной практике при оценке деяний невменяемых. Сформулированы предложения по внесению изменений в действующее уголовное законодательство и иные нормативные правовые акты.

Ключевые слова: невменяемость; общественно опасное деяние; квалификация; критерии невменяемости.

Criminal Law Estimate of the Socially dangerous Act performed by the Insane

V. V. Galkin, the Directorate of the Russian Federal Bailiff Service in Tyumen region. E-mail: vova.galkin20@mail.ru

The paper dwells on the issues caused by classification of socially dangerous acts performed by the insane. Objective features of insane behaviour are given. The author formulates the rules for classification due to different correlation of conscious-volitional processes which constitute the content of the subjective side of the action performed by the insane. The focus is made on the formal approach to establishing the psychological criterion of the insane state and consequent miscarriages of justice and investigation when the actions of the insane are estimated. The author shares his suggestions as to the changes in the current criminal legislation and other normative legal acts.

Keywords: insanity; socially dangerous act; qualification; criteria of insanity.

Признание лица невменяемым и применение к нему на этом основании принудительных мер медицинского характера, предусмотренных ст. 99 УК РФ, зависит, в том числе, от правильной уголовно-правовой оценки его поведения, обеспечивающей гарантии прав и свобод человека. На необходимость юридической оценки поведения лица при установлении невменяемости обращено внимание в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». В то же время квалификация деяний невменяемого затруднена тем, что нормы уголовного закона в части описания признаков общественно опасных деяний в Особенной части ориентированы на вменяемых лиц.

Уголовно-правовая оценка поведения невменяемого лица с учетом его объективных и субъективных признаков имеет свои особенности.

Объективные признаки поведения невменяемого лица (объект, объективная сторона) аналогичны признакам состава преступления, за исключением признака «деяние», под которым применительно к поведению невменяемого следует понимать внешнее проявление поведения человека в виде телодвижений, совокупности телодвижений (действие) либо в отсутствии телодвижений (бездействие), выраженных в неисполнении обязанностей, возложенных законом.

Применительно к деянию невменяемого признаки осознанности и волимости не являются обязательными и могут отсутствовать, что не исключает

наличия состава общественно опасного деяния невменяемого. В свою очередь, возможны ситуации, когда лицо не осознает общественную опасность деяния при осознании его фактического характера и (либо) наличия возможности руководить им. В этом случае может иметь место возможность фактического контроля совершаемых действий и (или) проявления воли.

Наличие в поведении лица признаков рефлексивных и импульсивных действий независимо от причин их возникновения (например, возникших в силу психического расстройства) исключает уголовную ответственность на общих основаниях, вне зависимости от признака вменяемости. Помимо этого, нет оснований для признания лица невменяемым, когда осознанность и волимость отсутствуют по причинам, не связанным с болезненным состоянием психики (непреодолимая сила, физическое принуждение, исключающее применение воли, и т. п.).

Сомнительной считаем позицию ученых относительно отсутствия уголовно-правового значения бездействия невменяемого лица.

В частности, Р. И. Михеев, Б. А. Протченко в обоснование такого подхода указывают, что обязывать психически больного к чему-либо бесцельно и к тому же он «сам не совершает конкретного опасного деяния, не причиняет вреда обществу» [1, с. 205], а «его пассивность вызвана психическим заболеванием, лишившим его способности осознавать окружающую действительность или руководить своими действиями» [1, с. 205], обращая при этом внимание на отсутствие причинной связи между его поведением и наступившим вредом. В. Б. Первомайский отмечает, что бездействие как уголовно наказуемое деяние «не находится в физической причинной связи с возникающими негативными последствиями, а предусматривает лишь психическую причинную связь. При бездействии нет соответствующих телодвижений, причиняющих указанные негативные последствия либо направленных на их предотвращение» [2, с. 174].

Относительно причинно-следственной связи при бездействии невменяемого считаем, что говорить о наличии психической связи спорно, поскольку причинно-следственная связь является признаком объективной стороны и развивается по объективным законам, которые не зависят от психического состояния деятеля. С точки зрения юридической обязанности, деяние (бездействие) лица находится в причинной связи с наступившими последствиями,

так как создает условия наступления общественно опасного результата.

Признание лица совершившим общественно опасное деяние в форме бездействия в состоянии невменяемости достаточно распространено в судебной практике¹.

Примеры судебной практики позволяют сделать вывод, что суды и органы предварительного расследования рассматривают бездействие невменяемых лиц как деяние, обладающее объективной общественной опасностью, не зависящее от психического состояния деятеля, а психическое расстройство, исключающее сознательно-волевое поведение, воспринимается не как обстоятельство, освобождающее от исполнения возложенных на лицо обязанностей, а как критерий невменяемости.

Существенное влияние на уголовно-правовую оценку поведения невменяемого лица оказывают субъективные признаки. Субъективная сторона общественно опасного деяния невменяемого включает совокупность внутренних психологических процессов, характеризующих это деяние.

Установление признаков субъективной стороны в поведении невменяемого лица позволяет определить конкретную статью уголовного закона, за нарушение которой лицо привлекалось бы к ответственности, если было бы вменяемым, что необходимо для предварительной квалификации содеянного и включения лица в уголовно-правовые отношения в целях последующего признания его невменяемым.

Как представляется, внутреннее отношение невменяемого лица к содеянному можно свести к трем видам, отражающим комбинацию сознательно-волевых процессов.

Во-первых, лицо не осознает фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия). При таком соотношении вряд ли можно говорить о наличии желания наступления определенных последствий, и квалификация в данном случае должна осуществляться по фактически наступившим последствиям на основе стандартов поведения «среднеразумного» человека» [3, с. 3–21].

В качестве примера можно привести следующее дело. У складского помещения между К. и потерпевшим на почве имевшихся неприязненных отношений произошла ссора, в ходе которой К. нанес удар кулаком по лицу и в височную область головы потерпевшего, от чего последний упал на землю, а К. с места преступления скрылся. Через неделю потерпевший от полученных повреждений скончался

¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 4 Богородского района Нижегородской области от 26.09.2012 по делу № 1-50/12 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 17.07.2017); Постановление Прошленного районного суда г. Ставрополя от 26 февраля 2016 г. по делу № 1-263/2016. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 17.07.2017).

в больнице. Органами предварительного следствия К. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Суд с указанной квалификацией не согласился и переqualificировал действия К. по признакам предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ преступления, совершенного в состоянии невменяемости, мотивировав свою позицию следующим.

В отличие от неосторожного причинения смерти преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, предполагает совершение виновным умышленных действий, направленных на причинение вреда здоровью. Только при таком положении последующее наступление смерти, при условии наличия причинной связи с действиями виновного и его неосторожной вины в отношении этого результата, может рассматриваться как квалифицированный вид причинения тяжкого вреда здоровью. Если у виновного не было умысла на причинение тяжкого вреда здоровью (о чем могут свидетельствовать фактические обстоятельства дела), но в результате его неосторожных действий наступила смерть потерпевшего, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 109 УК РФ. В данном случае фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что у подсудимого не было умысла на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему. Кроме того, в силу своего хронического психического расстройства у подсудимого не могло быть умысла на причинение тяжкого вреда здоровью, так как он не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими².

Данный подход суда представляется правильным, поскольку отсутствовало осознание лицом фактического характера совершенных действий. При осознании фактического характера поведения суду надлежит учитывать направленность поведения лица и тот результат, к которому оно стремится.

Во-вторых, лицо осознает фактический характер своих действий (бездействия), но не осознает общественной опасности содеянного вследствие искаженного психическим расстройством сознания (например при бредовом расстройстве психики или параноидной шизофрении, лицо, страдающее манией преследования и необоснованно убежденное в том, что некий человек его преследует и собирается напасть, лишает его жизни, думая, что совершает общественно полезные действия). Данная ситуация не исключает желания наступления тех или иных последствий.

В-третьих, лицо осознает фактический характер и общественную опасность своих действий (бездей-

ствия), но не может руководить ими. В этом случае лицо также может желать наступления определенных последствий. В то же время, во втором и третьем случае фактически возможно любое отношение к последствиям.

Применительно ко второму и третьему случаям квалификация содеянного осуществляется с учетом направленности действий лица. Их направленность определяется на основе комплексного анализа поведения лица, в основу которого положены не только признаки объективной стороны посягательства, но и иные факторы, в том числе поведение, предшествующее совершению общественно опасного деяния, а также посткриминальные поступки.

Анализ изученных нами экспертных заключений показывает, что их формулировки, с указанием на то, что лицо лишено возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, не в полной мере соответствуют психологическому критерию, описанному в ст. 21 УК РФ, так как эта норма не предусматривает одновременное наличие интеллектуального и волевого признаков психологического критерия. В тексте статьи эти признаки разделены союзом «либо», поэтому подобная формулировка экспертов не соответствует тексту закона.

Применительно к ч. 1 ст. 21 УК РФ установление невозможности лица руководить своими действиями (бездействием) может иметь место только при отсутствии интеллектуального признака психологического критерия невменяемости, а при наличии последнего установление волевого момента лишено правового смысла, так как вывод о невменяемости может быть сделан независимо от волевого признака, что не противоречит сущности невменяемости. Само же допущение возможности руководить своими действиями (бездействием), не осознавая их фактического характера, является абсурдным.

Поэтому, на наш взгляд, в экспертных заключениях должен быть вывод о наличии либо интеллектуального признака психологического критерия невменяемости, либо (при отсутствии интеллектуального) волевого признака.

В специальной литературе при характеристике психологического критерия невменяемости допускается и такое выражение интеллектуального признака, при котором лицо может осознавать фактическую сторону своего поведения без осознания его общественной опасности [4, с. 163; 5, с. 261; 6, с. 211].

Описание признаков интеллектуального момента психологического критерия невменяемости, в ч. 1 ст. 21 УК РФ предполагает одновременное на-

² Постановление Красноселькупского районного суда от 23 декабря 2011 г. по делу № 1-54/2011. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 17.07.2017).

личие невозможности осознания фактического характера действий (бездействие) и их социального значения (соединение союзом «и»), что не в полной мере учитывает возможные в действительности комбинации интеллектуального момента, способные влиять на уголовно-правовую квалификацию содеянного. Это ограничивает возможность экспертов описывать альтернативную комбинацию интеллектуальных признаков.

Представляется целесообразным описание интеллектуального момента психологического критерия невменяемости изложить в ст. 21 УК РФ следующим образом: «лицо... не могло осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия)...».

При оценке поведения невменяемого лица часто в судебно-следственной практике не уточняется психологический критерий невменяемости, во всех изученных нами экспертных заключениях просто полностью цитируется ч. 1 ст. 21 УК РФ, без конкретизации признаков интеллектуального и волевого момента, дающих основания для признания лица невменяемым. Вследствие этого при квалификации поведения лица и установлении направленности его действий (бездействия) правоприменитель самостоятельно определяет содержание признаков психологического критерия невменяемости (при описании фактических обстоятельств совершенного лицом общественно опасного деяния), однако при обосновании признания лица невменяемым и наличия психологического критерия им также полностью воспроизводится ч. 1 ст. 21 УК РФ в формулировке, аналогичной заключению эксперта.

Так, постановлением суда первой инстанции признано, что А. в состоянии невменяемости совершил общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ. Апелляционная инстанция не согласилась с квалификацией, указав, что вывод первой инстанции не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела и сделан лишь с учетом последствий, наступивших от действий А., что не соответствует требованиям закона, и переквалифицировала деяние по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ.

В ходе заседания суда апелляционной инстанции установлено, что А., находясь в состоянии невменяемости ввиду наличия у него хронического психического расстройства, которое лишало А. возможности осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, в квартире в целях лишения жизни нанес потерпевшей Б. не менее двух ударов ножом в область расположения жизненно важных органов, причинивших тяжкий вред здоровью по признаку опасности

для жизни. С полученными телесными повреждениями потерпевшая Б. выбежала из квартиры на лестничную площадку, однако А. продолжал ее преследовать. Спасаясь от преследования, Б. спустилась на нижний этаж и забежала в квартиру В., который по ее просьбе закрыл дверь на замок и незамедлительно вызвал «скорую помощь», поэтому действия А. не были доведены до конца по не зависящим от него обстоятельствам, а именно из-за пресечения его действий свидетелем В. и своевременного оказания потерпевшей квалифицированной медицинской помощи.

Исходя из характера, количества и локализации причиненных А. ножевых ранений потерпевшей Б., учитывая, что продолжение действий А. было пресечено вмешательством свидетеля В., судебная коллегия расценила действия А. как покушение на убийство, которое не было доведено до конца по не зависящим от него обстоятельствам, в том числе ввиду оказанной потерпевшей своевременной медицинской помощи.

Апелляционной инстанцией в обосновании переквалификации деяния обращено внимание на то, что согласно требованиям закона производство о применении принудительных мер медицинского характера осуществляется в порядке, установленном УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными гл. 51 УПК РФ, при этом доказыванию подлежат в том числе время, место, способ и другие обстоятельства совершенного деяния (чч. 3 ст. ст. 433, 434 УПК РФ) и указано, что вывод суда о том, какое запрещенное уголовным законом деяние совершено лицом в состоянии невменяемости, может быть сделан лишь с учетом установленных судом фактических обстоятельств дела на основании исследованных доказательств, представленных органами предварительного расследования, а само по себе нахождение лица в момент совершения преступления в состоянии невменяемости не препятствует установлению факта совершения им покушения на убийство³.

В данном случае суд первой инстанции допустил ошибку потому, что его вывод, основанный на заключении эксперта, носил формальный характер, а суд апелляционной инстанции обратил внимание, что лицо не могло руководить своими действиями, осознавая их фактический характер и общественную опасность.

Следует согласиться с позицией авторов [7, с. 481; 8, с. 277–278], связывающих возможность квалификации общественно опасного деяния невменяемого по признакам приготовления или покушения на преступление с отсутствием интеллектуального критерия невменяемости, так как деяние невменяемого, содержащее признаки неоконченной преступной деятель-

³ Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 9 апреля 2014 по делу № 22-1348/2014. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 17.07.2017).

ности, не должно отличаться от аналогичного вида поведения, совершенного вменяемым лицом.

На наш взгляд, необходимо пересмотреть требования, предъявляемые к заключению экспертов, в котором нужно точно установить наличие того или иного вида психологического критерия невменяемости на основе анализа конкретных актов поведения.

Полагаем, целесообразно внести изменения в нормативный правовой акт, определяющий порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы, для чего приказ Министерства здравоохранения РФ от 12 января 2017 г. № 3н дополнить следующим предложением: «В заключении экспертов при исследовании вопросов, связанных с наличием либо отсутствием признаков осознания действий (бездействия) лица, а также возможности (невозможности) руководить ими, подлежит указанию наличие либо отсутствие данных признаков, а также обоснование сделанных выводов».

Судебно-следственная практика при оценке поведения невменяемого лица противоречива в части определения наличия состава деяния, когда его конструктивными признаками являются цель и мотив.

По делу в отношении П., уличаемого в совершении запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 314¹ УК РФ, суд указал, что действия П. по оставлению в один из дней избранного им места жительства и пребывания без уведомления органа внутренних дел были совершены не в целях уклонения от административного надзора, а в связи с тяжелым психическим заболеванием, в силу которого он был лишен возможности производить целенаправленные и последовательные действия, что является одной из составных частей диспозиции ст. 314¹ УК РФ, и пришел к выводу, что указанные действия не образуют состав общественно опасного деяния⁴.

Иной вывод содержится в постановлении Красноселькупского районного суда от 17 июня 2014 г. по делу № 1-16/2014 в отношении А., которая, будучи не способной осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, являясь поднадзорным лицом, в отношении которого решением суда, вступившим в законную силу, установлен административный надзор в виде обязательства о явке два раза в месяц для прохождения регистрации в ОМВД России, т. е. по месту жительства, получив письменное предупреждение об ознакомлении с административными ограничениями ее прав и свобод с разъяснением необходимости соблюдения данных обязанностей, в марте 2014 г. самовольно, без уважительных причин, не сообщив о своем местонахождении сотрудникам полиции, покинула место жительства, выехав в другой населенный пункт, где находилась, пока не была обнаружена и доставлена сотрудниками полиции.

Оценивая поведение А., суд признал доказанным наличие в ее действиях признаков преступления, предусмотренного ст. 314¹ УК РФ, и совершение деяния в состоянии невменяемости⁵.

Представляется, что при решении вопроса об инкриминировании невменяемым деяний, конструктивным элементом которых является мотив и цель, основополагающим будет не наличие или отсутствие психической болезни, а психическая возможность лица осознавать объективные признаки содеянного. А если оно имеет возможность осознавать фактические обстоятельства деяния, то его поведение может характеризоваться определенным мотивом и целью.

Учет вышеизложенного позволит, на наш взгляд, повысить эффективность уголовно-правовой оценки деяний лиц, имеющих болезненные состояния психики или признаки слабоумия.

Список литературы

1. Михеев Р. И., Протченко Б. А. Состав общественно опасного деяния невменяемого и его уголовно-правовая квалификация // Проблемы совершенствования советского законодательства : Труды ВНИИСЗ. 1982. Вып. 23.
2. Первомайский В. Б. Невменяемость. Киев, 2000.
3. Федотов А. В. Фикция «среднего» человека в российском уголовном праве. Ч. 1 / под ред. А. Э. Жалинского. М., 2012.
4. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006.
5. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А.Тарханова. М., 2009.
6. Российское уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М., 2014.
7. Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации : науч.-практич. пособие. М., 2013.
8. Габатович Д. А. Квалификация неправомерных уголовно-правовых деяний : монография. М., 2017.

⁴ Апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики от 15 октября 2013 г. по делу № 22-2627/2013. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 17.07.2017).

⁵ Постановление Красноселькупского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 17 июня 2014 г. по делу № 1-16/2014. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 17.07.2017).

Формирование внутреннего убеждения государственного обвинителя

А. В. Спирин, Уральский юридический институт МВД России. E-mail: a_v_spirin@bk.ru

Внутреннее убеждение государственного обвинителя как результат проведенной им оценки доказательств при изучении материалов уголовного дела и в ходе судебного разбирательства может в итоге существенно отличаться от внутреннего убеждения прокурора, утвердившего обвинительное заключение. В связи с этим уголовно-процессуальное законодательство должно содержать положения, гарантирующие свободу внутреннего убеждения государственного обвинителя. Кроме того, желательно создать условия, позволяющие государственному обвинителю в необходимых случаях иметь в своем распоряжении «электронный вариант» уголовного дела. Это облегчит для него процесс оценки доказательств до начала судебного разбирательства, поможет в выборе тактики поддержания государственного обвинения.

Ключевые слова: внутреннее убеждение; государственный обвинитель; прокурор; оценка доказательств; обвинение; отказ от обвинения; судебное следствие.

Forming State Prosecutor's Inner Conviction

A. V. Spirin, the Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: a_v_spirin@bk.ru

The state prosecutor's inner conviction resulting from his evaluation of evidence on a criminal case during investigation and trial can in the end significantly differ from the inner conviction of the prosecutor passing the accusatory sentence. Therefore, criminal procedural legislation must contain provisions which guarantee independence of the state prosecutor's inner conviction. Moreover, it is advisable to create the conditions where the state prosecutor can have an "e-version" of the criminal case at his disposal if necessary. This will facilitate the prosecutor's evaluation of evidence before the trial and in his choosing the tactics of supporting the state prosecution.

Keywords: inner conviction; state prosecutor; prosecutor; evaluation of evidence; prosecution; rejecting prosecution; court investigation.

Прокурор в уголовном судопроизводстве является одним из субъектов, правомочных оперировать доказательствами по делу, в частности, производить их оценку при проверке законности и обоснованности решений органов предварительного расследования, а также при принятии собственных решений. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК) прокурор оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь законом и совестью. Особенность процессуального статуса прокурора состоит в том, что он является единственным из властных участников уголовного судопроизводства со стороны обвине-

ния, кто осуществляет свою деятельность как на досудебных стадиях уголовного процесса, так и в стадиях судебных (в стадии судебного разбирательства УПК РФ использует понятие «государственный обвинитель»). Справедливо отмечено: деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве должна отвечать требованиям объективности и беспристрастности, что предусмотрено общепризнанными принципами и нормами международного права, законами РФ, приказами Генерального прокурора РФ [1, с. 26–29]. Но таким требованиям деятельность прокурора будет отвечать только в том случае, если производимая им оценка доказательств будет осуществляться в точном соответствии с вышеприведенным положением УПК.

Определенные сложности, касающиеся оценки доказательств прокурором, вызваны двумя обстоятельствами. Первое: по большей части уголовных дел в качестве прокурора в досудебных и судебных стадиях выступают не одни, а разные работники прокуратуры. И хотя задачи, которые стоят перед прокурором (государственным обвинителем), едины, и прокурор на всем протяжении уголовного судопроизводства отстаивает публичный интерес, внутреннее убеждение у различных работников прокуратуры может не совпадать, что неизбежно скажется на оценке доказательств. Второе: формирование внутреннего убеждения прокурора в основных стадиях уголовного судопроизводства — предварительного расследования и судебного разбирательства — происходит в существенно отличающихся условиях.

Необходимо отметить, что внутреннее убеждение — это категория скорее не правовая, а нравственно-психологическая, и для выработки соответствующей дефиниции нужно обращаться к философии, психологии, этике, что и делают авторы, исследующие внутреннее убеждение в уголовном судопроизводстве [2, с. 32, 53]. В то же время внутреннее убеждение трактуется различными авторами с разных позиций: как критерий, принцип, метод, начало, процесс, результат оценки доказательств [3, с. 20–22]. Приведем некоторые определения рассматриваемого понятия, предложенные учеными.

Н. П. Кузнецов писал: «Под внутренним убеждением как результатом оценки доказательств следует понимать такое состояние сознания субъекта доказывания, когда он считает собранные доказательства достаточными для решения вопроса о наличии или отсутствии подлежащих установлению обстоятельств, уверен в правильности своего вывода и готов к практическому действию в соответствии с полученными знаниями. Требования же к степени такой убежденности варьируются в зависимости от той стадии процесса, в которой принимается решение, и от характера самого решения» [4, с. 367–368].

Авторы фундаментального исследования «Теория доказательств в советском уголовном процессе» следующим образом характеризовали рассматриваемое понятие: «Внутреннее убеждение исключает всякое внешнее принуждение, и это свойство убеждения оттеняется словом «внутреннее». Оно предполагает: а) необязательность оценки доказательств, данной одним должностным лицом, для другого, принявшего дело к своему производству, необходимость для принявшего дело заново оценить все доказательства; б) необязательность оценки доказательств предыдущей процессуальной инстанции

для последующей и необходимость проверки предыдущих оценок на последующей стадии процесса; в) необязательность оценки доказательств вышестоящим органом для нижестоящего, в производстве которого находится дело, и недопустимость дачи указаний об определенной оценке отдельных доказательств или их совокупности; г) необязательность для лица, ведущего производство по делу, оценок, даваемых доказательствам различными участниками процесса в объяснениях, показаниях, ходатайствах, заключениях и т. п.; д) необязательность оценок, даваемых доказательствам лицами и органами вне уголовного процесса, и недопустимость какого бы то ни было давления на лицо, ведущее производство по делу» [5, с. 362–363].

Мы будем в дальнейшем возвращаться к отдельным характеристикам внутреннего убеждения, пока же отметим, что по уголовному делу следует говорить о внутреннем убеждении прокурора, утвердившего обвинительное заключение (акт, постановление), и внутреннем убеждении государственного обвинителя. «Состояние сознания» этих субъектов доказывания может существенным образом отличаться, что порождает проблемы.

Обратимся к особенностям формирования внутреннего убеждения государственного обвинителя и попытаемся ответить на вопрос, можно ли говорить о сформированности его внутреннего убеждения к началу судебного разбирательства.

На наш взгляд, работник прокуратуры приобретает статус государственного обвинителя по уголовному делу с момента получения письменного поручения об этом. Одной из обязанностей государственного обвинителя с этого момента является заблаговременная подготовка к судебному заседанию, он должен «беспристрастно оценивать совокупность имеющихся доказательств, продумывать тактику своих действий. В необходимых случаях ходатайствовать перед судом о предоставлении времени для подготовки и обоснования своей позиции»¹.

В отличие от прокурора, утверждавшего обвинительное заключение и располагавшего десятью сутками для изучения дела (а в предусмотренных ч. 1¹ ст. 221 УПК РФ случаях и тридцатью сутками), государственный обвинитель не получает уголовное дело в свое распоряжение. Ознакомление с делом производится в помещении суда и с разрешения судьи. В итоге государственный обвинитель может опираться в судебном заседании на свои записи, сделанные при ознакомлении с материалами дела, и копии процессуальных документов, поступивших в период расследования в прокуратуру.

¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом УПК РФ возлагает на государственно-обвинителя следующие обязанности:

— доказывать обвинение и опровергать доводы стороны защиты (ч. 2 ст. 14), а в ходе предварительного слушания при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты, — нести бремя опровержения доводов защиты о нарушениях, допущенных при получении доказательств (ч. 4 ст. 235);

— обеспечивать законность и обоснованность государственного обвинения (ч. 3 ст. 37);

— излагать свое мнение суду по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства (ч. 5 ст. 246, ч. 2 ст. 271, ст. 272).

Вступление в процесс государственного обвинителя требует от него наличия твердого убеждения в правильности обвинительного тезиса, убеждения, выработанного на основе изучения письменных материалов дела. Ведь даже высказывание государственным обвинителем своей позиции по вопросам, разрешаемым в подготовительной части судебного заседания (ст. ст. 271, 272 УПК РФ), требует от него высказать свое *мнение*, т.е. суждение, обладающее определенной степенью объективной обоснованности (в виде системных и логических данных) и некоторой степенью субъективной уверенности [6, с. 90, 101, 156]. «Мнение, — считает В. А. Андреев, — это одна из форм выражения убеждения конкретного лица. Мнение государственного обвинителя, высказанное в судебном разбирательстве уголовного дела, имеет особую природу, поскольку он поддерживает обвинение от имени государства, отстаивает в суде публичный интерес» [7, с. 95, 100–101].

Справедливо отмечается, что с момента утверждения обвинительного заключения обвинительный тезис следователя становится тезисом самого прокурора, а доказывание этого тезиса перед судом — содержанием его деятельности в судебном разбирательстве. На протяжении всего судебного разбирательства прокурор демонстрирует перед судом доказательства, он оперирует ими для подтверждения необходимости признать подсудимого виновным [8, с. 159–160].

Однако нужно иметь в виду, что процесс окончательного формирования внутреннего убеждения вообще и государственного обвинителя, в частности, сложен. Внутреннее убеждение может быть рассмотрено как процесс приобретения достоверного знания, как результат познавательной деятельности и предпосылка к дальнейшему осуществлению такой деятельности [2, с. 26].

Таким образом, внутреннее убеждение государственного обвинителя, с одной стороны, не возникает одномоментно, с другой, — это не явление, засты-

шее в однажды возникшем виде: этапы его формирования органически связаны со структурой и последовательностью процессуальных стадий, в которых он принимает участие [8, с. 129, 200]. Можно представить формирование убеждения государственного обвинителя как процесс. «Внутренне убеждение обвинителя, с которым он идет в суд, должно быть категоричным и законченным (охватывать все стороны предмета доказывания)» [3, с. 67]. На его базе прокурор (государственный обвинитель), например, отстаивает выводы предварительного расследования в рамках предварительного слушания, когда исследования доказательств судом в полном объеме еще не производится (ст. ст. 234, 235 УПК РФ).

Оптимальные условия для исследования доказательств и, как следствие, для окончательного формирования (в том числе и корректировки) внутреннего убеждения государственного обвинителя создает судебное разбирательство. В ходе судебного следствия по мере исследования доказательств, представленных сторонами, происходит процесс окончательного формирования внутреннего убеждения государственного обвинителя по уголовному делу. Для этого и нужно судебное следствие с его непосредственным исследованием всех наличных доказательств, чтобы не только судья сформировал внутреннее убеждение для разрешения уголовного дела, но и государственный обвинитель «испытал на прочность» свою оценку, убедился в ее правильности, при необходимости скорректировал ее. Но не сформировав внутреннего убеждения в правильности позиции обвинения, выработанной на предварительном расследовании, государственный обвинитель не имеет права вступать в состязание со стороной защиты в суде.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой потенциального конфликта внутреннего убеждения государственного обвинителя, сформировавшегося при изучении уголовного дела и (возможно) скорректированного в ходе судебного разбирательства, и внутреннего убеждения прокурора, на основе которого было утверждено обвинительное заключение (акт, постановление). Специфика предмета уголовно-процессуального познания, вовлеченность в процесс познания одновременно или последовательно нескольких познающих субъектов, имеющих, возможно, разные воззрения на исследуемое событие, наконец, стадийность, ступенчатость познания могут привести к различным результатам.

Возможна ситуация, когда судебное разбирательство «может пролить такой свет на уже известные обстоятельства дела, придать им такое звучание, не говоря уже о привлечении новых доказательств, что это заставит государственного обвинителя пересмотреть свою точку зрения, изменить первоначально занятую позицию» [8, с. 200].

Такое изменение позиции государственного обвинителя может привести к необходимости принятия ряда решений. Перечислим основные:

— о признании имеющих в деле доказательств полученными с нарушением закона и подлежащими исключению из дела;

— о признании наличия оснований для возвращения уголовного дела прокурору в целях устранения препятствий его рассмотрения судом;

— о полном или частичном отказе государственного обвинителя от обвинения в случаях, предусмотренных ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

Не будем останавливаться здесь на комплексе сложных проблем, связанных с определением оснований, процессуального порядка и правовых последствий отказа от обвинения, рассмотрим лишь саму возможность такого отказа. Правомерно ли вообще вести речь о том, что государственный обвинитель (не осуществлявший, как правило, надзор за исполнением процессуального законодательства в досудебных стадиях, не утверждавший обвинительного заключения) может отказаться от обвинения перед судом полностью или в части? Не должен ли он в соответствии с принципом единства и централизации деятельности органов прокуратуры быть «связан» позицией своего вышестоящего руководителя?

УПК РФ возможность отказа от обвинения и изменения обвинения не исключает (ч. 7 ст. 246), но механизма разрешения конфликта внутреннего убеждения должностных лиц прокуратуры не предлагает, упоминая лишь о возможности замены государственного обвинителя. Такая процедура УПК РФ предусмотрена (ч. 4 ст. 246 УПК), и замена не влечет обязательного повторения действий, которые к этому моменту были совершены в ходе судебного разбирательства. Только по ходатайству нового государственного обвинителя суд может повторить допросы свидетелей, потерпевших либо иные судебные действия.

Обратимся к теории уголовного процесса и приведем здесь высказывание И. С. Дикарева: «В современном уголовном судопроизводстве необходимо говорить о праве прокурора на то, чтобы не осуществлять уголовно-процессуальную деятельность вопреки своему внутреннему убеждению. Должностному лицу прокуратуры не может быть навязана позиция, с которой он не согласен, а потому в случае расхождения позиций вышестоящего и нижестоящего прокурора последний, по общему правилу, подлежит замене» [9, с. 32–33]. Такой подход лежит в русле отечественных традиций уголовного судопроизводства. Авторы Устава уголовного судопроизводства исходили из того, что «не следует заключать, чтобы низшие органы [проку-

рорского надзора] обязаны были слепым повиновением воле своего начальства... Только с сохранением за представителями прокурорского надзора свободы действия по совести и убеждению можно ожидать, что учреждение это будет сильным и удовлетворит своему двоякому призванию — быть и обвинителем и блюстителем закона» [10, с. 198–199].

В. К. Случевский писал: «Высший Прокурор, предписывающий низшему Прокурору поддерживать обвинение по делу, по которому последний предлагал отказаться от обвинения, или, наоборот, отказаться от поддержания обвинения в том случае, когда, по мнению подчиненного Прокурора, в деле имеются основания для обвинения, — такой Прокурор посягнул бы на „убеждение“ подчиненного Прокурора, а следовательно, и на закон, признающий за этим „убеждением“ значение руководящего начала служебной деятельности» [11].

Нужно согласиться: свобода внутреннего убеждения государственного обвинителя (в том числе приводящая его к иным выводам по уголовному делу, отличающимся от позиции вышестоящего прокурора) представляет собой ценность и должна быть соответствующим образом защищена и гарантирована. Определенный шаг в этом отношении сделан в нормативных актах Генеральной прокуратуры РФ, предусматривающих механизм разрешения подобных противоречий. В случае возникновения существенного расхождения позиции государственного обвинителя с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, обвинитель должен доложить об этом прокурору, поручившему поддержание государственного обвинения. Последний, в свою очередь, в случае принципиального разногласия с позицией обвинителя, исходя из законности предъявленного обвинения, должен решить вопрос о замене обвинителя либо принять обязанности обвинителя на себя. Генеральный прокурор считает недопустимым любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами².

Представляется, что вышеприведенный путь разрешения конфликта внутреннего убеждения государственного обвинителя и прокурора, утвердившего обвинительное заключение (акт, постановление), признать оптимальным нельзя. Так, непонятно, должен ли суд предоставлять перерыв для согласования позиции обвинителя. Охватывается ли замена государственного обвинителя диспозицией ч. 4 ст. 246 («невозможность дальнейшего участия прокурора»? Вопросы

² Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

замены государственного обвинителя как ключевого участника стороны обвинения должны разрешаться непосредственно в уголовно-процессуальном законе.

Можно сформулировать некоторые предложения, реализация которых будет способствовать снятию остроты отмеченных в настоящей публикации проблем.

Перевод всего уголовного дела или основных его материалов в электронную форму путем сканирования документов даст государственному обвинителю возможность скрупулезного изучения доказательств, собранных органами предварительного расследования. Здесь не идет речь о переходе от бумажного к электронному уголовному делу [12, с. 95–101], что требует модернизации уголовного судопроизводства в целом. Предлагаемая процедура создания «электронного варианта» уголовного дела (о создании электронной версии материалов уголовного дела и вручении этой версии стороне защиты, заменяющей существующую ныне процедуру ознакомления с материалами уголовного дела выработаны соответствующие предложения [13, с. 3–6]) может быть предусмотрена на уровне ведомственных приказов Генеральной прокуратуры РФ и правоохранительных органов. Приложение к «электронному варианту» уголовного дела соответствующих фотоматериалов, видео- и аудиозаписей создаст для государственного обвинителя необходимые условия для формирования внутреннего убеждения по делу до начала судебного следствия. Кроме того, располагая видео- и аудиоматериалами, используя современные технологии мультимедиа, государственный обвинитель сможет эффективно выстроить тактику представления доказательств в суде. Примеры такого использования приводились в юридической периодике [14, с. 23–27].

Кроме того, целесообразно закрепить в ст. 17 УПК РФ положения, гарантирующие свободу внутреннего убеждения государственного обвинителя, включив его в перечень субъектов ч. 1 данной статьи. Соответствующие дополнения должны быть внесены в текст ч. 5 ст. 246 УПК РФ: «Государственный обвинитель руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на результатах исследования всех обстоятельств дела. Принуждение государственного обвинителя к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами, не допускается». Часть 7 ст. 246 УПК РФ должна быть дополнена положением о том, что «по решению прокурора, поручившего поддержание государственного обвинения, государственный обвинитель может быть заменен, если его позиция по делу существенно расходится с позицией, выраженной в обвинительном заключении (обвинительном акте, обвинительном постановлении). По ходатайству государственного обвинителя председательствующий объявляет перерыв в судебном заседании для решения вопроса о замене обвинителя. Замена государственного обвинителя производится в порядке, предусмотренном частью четвертой настоящей статьи».

Список литературы

1. Курочкина Л. А. Прокурор в суде апелляционной инстанции: кто он? // Законность. 2016. № 7.
2. Яцишина О. Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе : монография. Челябинск, 2006.
3. Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010.
4. Кузнецов Н. П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973.
6. Ерунов Б. А. Мнение в системе человеческого познания : курс лекций. Л., 1973.
7. Андреянов В. А. Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
8. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1971.
9. Дикарев И. С. Отзыв кассационных и надзорных представлений в уголовном процессе // Законность. 2013. № 1.
10. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной Канцелярии. Санкт-Петербург, 1866.
11. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I. Судостроительство. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Рос. правосудие. 2015. № 2.
13. Колоколов Н. А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций // Российский следователь. 2014. № 4.
14. Беляев М. В. О некоторых способах воздействия на восприятие присяжными заседателями процессуальной информации // Российский судья. 2017. № 5.

Систематизация используемых прокурором в уголовном досудебном производстве средств реагирования

Е. В. Коломеец, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ.
E-mail: ikolom@yandex.ru

Используя такую познавательную операцию, как систематизация, двигаясь от общего к частному, автор выстраивает теоретическую модель организованного множества средств реагирования, используемых прокурором в уголовном досудебном производстве. Их система включает универсальные и уголовно-процессуальные средства реагирования. В свою очередь последние включают множество процессуальных решений и иных процессуальных действий прокурора, облеченных в уголовно-процессуальные акты.

Ключевые слова: прокурор; средства прокурорского реагирования; уголовное досудебное производство; систематизация; система средств реагирования; процессуальные решения; процессуальные действия.

Systematization of Response Measures used by the Prosecutor in Pre-Trial Criminal Proceedings

Ye. V. Kolomeets, St Petersburg Law Institute (Branch) of the Academy of the Russian General Prosecutor's Office.
E-mail: ikolom@yandex.ru

Using such cognitive operation as systematization, descending from general to particular, the author builds a theoretical model of the organized multitude of response measures employed by the prosecutor in pre-trial criminal proceedings. Their system involves universal and criminal procedural response measures. The latter, in turn, comprise a multitude of procedural decisions and other prosecutor's procedural actions consolidated in criminal procedural acts.

Keywords: prosecutor; measures of prosecutor's response; pre-trial criminal proceedings; systematization; system of response measures; procedural decisions; procedural actions.

В научной литературе приводятся различные классификации средств прокурорского реагирования в уголовном досудебном производстве, выделяются общие и специальные, предупредительные, пресекательные и карательные [1, с. 301–304], надзорные и ненадзорные средства реагирования [2, с. 116–119], непосредственного и опосредованного действия [3, с. 37] и др. Между тем все предложенные классификации являются условными, поскольку данные правовые средства различаются и по иным признакам. Как верно указал М. С. Каган, каждая классификационная плоскость допускает существование других, поэтому нужна лишь в данном познавательном отношении. В пределах классификации нельзя выявить закономерность соотношения различных групп, поскольку при применении данной

операции обобщения каждая из них самостоятельна и не зависит от других. В отличие от классификации, относящейся к индуктивному способу познания, связанному с распределением объектов на группы по определенным признакам, систематизация как дедуктивный способ познания позволяет изучить закономерности перехода от общего к множеству. Систематизация дает возможность выявить внутреннюю организацию группируемого множества [4]. Целью данного исследования является приведение средств реагирования в единую систему.

Система средств реагирования прокурора в уголовном досудебном производстве состоит из двух подсистем, включающих средства реагирования, применяемые прокурорами на основании норм уголовно-процессуального закона; а также средства

реагирования, применяемые в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

Первая подсистема является наиболее обширной и многоуровневой. Уголовно-процессуальные средства реагирования включают в себя *процессуальные решения и иные процессуальные действия прокурора, обремененные в соответствующие документы.*

В соответствии с п. 33 ч. 1 ст. 5 УПК РФ процессуальные решения принимаются прокурором в порядке, установленном УПК РФ. По смыслу п. 25 ч. 1 ст. 5 УПК РФ реализуются они, как правило, в форме постановлений. Некоторые решения прокурора облекаются в иную форму, в том числе решения утвердить обвинительное заключение, дать согласие дознавателю на возбуждение уголовного дела в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ [5].

Процессуальные решения прокурора являются юридическими фактами, обуславливающими возникновение (изменение или прекращение) определенных уголовно-процессуальных правоотношений между прокурором и участниками процесса. *Значительная их часть влечет, в первую очередь, возникновение правоотношений между прокурором и органами расследования.* Например, решение прокурора об отмене постановления о прекращении уголовного дела влечет обязанность органа расследования возобновить его производство. Безусловно, указанные процессуальные решения прокурора затрагивают права и иных участников процесса, но в первую очередь обуславливают вышеназванные последствия для органов расследования. Указанная подсистема уголовно-процессуальных средств реагирования наиболее значительна и включает в себя:

1) постановления в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ о направлении в орган расследования материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного закона;

2) постановления об отмене процессуальных решений органов расследования и нижестоящего прокурора;

3) процессуальные решения прокурора санкционирующего характера, связанные с утверждением, согласованием процессуальных решений органов расследования либо отказом в их утверждении, согласовании;

4) постановления в рамках реализации организационных полномочий, обеспечивающих движение по уголовному делу, материалу проверки, полномочий по процессуальному разрешению коллизий и споров участников уголовного процесса [6, с. 33];

5) иные процессуальные решения, направленные на непосредственное устранение нарушений УПК РФ, допущенных органами расследования.

Наиболее многочисленная подсистема процессуальных решений прокурора связана с отменой процессуальных решений органов расследования и нижестоящего прокурора. В соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе отменить любые незаконные постановления нижестоящего прокурора, органа дознания, начальника органа, подразделения дознания и дознавателя. Относительно процессуальных решений следователя, руководителя следственного органа дело обстоит по-иному. УПК РФ наделяет прокурора правом отменять только ключевые процессуальные решения следователя, в том числе постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ), о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), о прекращении уголовного дела (ч. 1 ст. 214 УПК РФ), о приостановлении производства по уголовному делу (п. 1.1 ч. 1 ст. 211 УПК РФ).

Прокурор наделен также полномочиями принимать процессуальные решения санкционирующего характера, связанные с утверждением, согласованием процессуальных решений органов расследования либо отказом в их утверждении, согласовании. На самостоятельный характер таких средств реагирования, как «согласие» и «утверждение» указано О. А. Кожевниковым [7, с. 17], М. Н. Маршуновым [8, с. 78–81].

В рамках уголовно-процессуальной деятельности прокурор уполномочен утверждать итоговые процессуальные решения органов предварительного следствия и дознания по результатам расследования уголовных дел, в том числе обвинительное заключение (акт, постановление), и принимать решения о направлении уголовных дел в суд (п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). При утверждении обвинительного акта, постановления прокурор вправе самостоятельно исключить из них отдельные пункты обвинения либо переqualificировать обвинение на менее тяжкое (ч. 2 ст. 226, ч. 2 ст. 226⁸ УПК РФ).

При отсутствии оснований для утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта, постановления) прокурор правомочен выносить постановление о возвращении уголовного дела дознавателю, следователю для производства дополнительного расследования, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения, акта, постановления и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); направлять уголовное дело, расследованное в форме дознания, для производства предварительного следствия (п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ); направлять дознавателю уголовное дело, расследованное в сокращенной форме дознания, для производства дознания в общем порядке (п. 3 ч. 1 ст. 226⁸ УПК РФ); направлять уголовное дело, под-

судное вышестоящему суду, для утверждения обвинительного заключения вышестоящему прокурору (п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ); выносить постановление о прекращении уголовного дела, расследованного в форме дознания, по основаниям, предусмотренным ст. ст. 24–28, 28¹ УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 4 ч. 1 ст. 226⁸ УПК РФ).

Рассматриваемая подсистема средств реагирования включает также процессуальные решения прокурора о согласовании решений и действий органов расследования. Единственным подлежащим согласованию с прокурором процессуальным решением, принимаемым как дознавателем, так и следователем, является решение о сохранении в тайне в интересах предварительного расследования факта задержания лица (ч. 4 ст. 96 УПК РФ). Иные подлежащие согласованию с прокурором решения принимаются органами дознания.

В рамках указанной деятельности прокурор, во-первых, правомочен согласовывать возбуждение уголовных дел о преступлениях, указанных в чч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ при отсутствии заявления потерпевшего (ч. 4 ст. 147 УПК РФ); в установленных законом случаях согласовывать решения о прекращении уголовных дел (уголовного преследования).

Во-вторых, прокурор уполномочен давать согласие на возбуждение дознавателем перед судом ходатайств, когда производство следственных и иных процессуальных действий, принятие процессуальных решений допускается только на основании решения суда, в том числе ходатайств об избрании, изменении или отмене меры пресечения, производстве иных процессуальных действий (п. 5 ч. 2 ст. 37, ч. 2 ст. 91, ч. 3 ст. 108, ч. 3 ст. 110, ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 224 УПК РФ); о продлении срока содержания под стражей (ч. 2 ст. 109, ч. 4 ст. 224 УПК РФ); о временном отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности (ч. 1 ст. 114 УПК РФ); о прекращении уголовного дела, уголовного преследования в связи с применением к подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде штрафа (ст. 25.1 УПК РФ).

Следующую группу постановлений прокурора составляют постановления в рамках реализации организационных полномочий, обеспечивающих движение по уголовному делу, материалу проверки. При реализации указанной процессуальной деятельности прокурором принимаются решения по установлению и продлению процессуальных сроков производства дознания по уголовным делам (чч. 3, 3², 4, 5 ст. 223, ч. 2 ст. 226.6 УПК РФ), сроков проверки по материалам, находящимся в производстве дознания (ч. 3 ст. 144 УПК РФ), соединению в одно производство расследуемых дознавателями уголовных дел (ч. 3 ст. 153 УПК РФ), обеспечению надлежащего субъекта предварительного расследования [9].

Реализуя полномочия по обеспечению надлежащего субъекта расследования, прокурор вправе изменять форму расследования по уголовному делу посредством изъятия любого уголовного дела у дознавателя и передачи его следователю (п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). В рамках определения подследственности прокурор вправе передавать уголовное дело, материалы проверки от одного органа расследования другому в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); изымать любое уголовное дело, материалы проверки у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти и передавать их следователю Следственного комитета РФ (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); определять подследственность при соединении в одном производстве уголовных дел, подследственных разным органам расследования (с ч. 7 ст. 151 УПК РФ); разрешать споры о подследственности (ч. 8 ст. 151 УПК РФ); передавать по подследственности направленное ему дознавателем уголовное дело при установлении, что дело не относится к его территориальной подследственности (ч. 5 ст. 152 УПК РФ).

В рамках реализации полномочий по разрешению уголовно-процессуальных коллизий и споров участников процесса прокурор рассматривает отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы (п. 9 ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 67 УПК РФ); принимает решение об отводе нижестоящего прокурора в ходе досудебного производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 66 УПК РФ); в соответствии со ст. 124 УПК РФ разрешает жалобы участников процесса на действия и решения органов расследования, нижестоящего прокурора.

При осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания прокурор также наделен полномочиями по реализации уголовно-процессуальных санкций посредством отстранения дознавателя от производства расследования в случае нарушения им требований УПК РФ (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

В уголовном досудебном производстве прокурором принимаются процессуальные решения, направленные на непосредственное устранение нарушений УПК РФ, допущенных органами расследования. Так, п. 3 ч. 2 ст. 88 УПК РФ наделяет прокурора полномочием признавать доказательства недопустимыми. На основании ч. 2 ст. 10 УПК РФ прокурор обязан незамедлительно освободить всякого незаконно задержанного или лишеного свободы, незаконно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую, психиатрическую помощь в стационарных условиях, содержащегося под стражей свыше срока, установленного УПК РФ.

Второй составляющей подсистемы процессуальных решений прокурора являются решения, порож-

дающие непосредственные правоотношения между прокурором и подозреваемым, обвиняемым и его защитником. Названные процессуальные решения принимаются прокурором в рамках реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве. Прокурор по результатам рассмотрения поступившего ходатайства и постановления следователя о возбуждении перед прокурором указанного ходатайства выносит постановление о его удовлетворении либо отказе в удовлетворении. Кроме того, прокурор при наличии соответствующих оснований изменяет и прекращает действие названного соглашения.

В процессе реализации своих полномочий в уголовном досудебном производстве прокурор совершает и иные процессуальные действия, облакаемые им в процессуальные документы, не связанные с принятием процессуальных решений, в том числе адресует следственным органам и органам дознания требования об устранении нарушений закона (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); руководителю вышестоящего следственного органа — требования об устранении нарушений в случае несогласия руководителя следственного органа, следователя с требованиями надзирающего прокурора (ч. 6 ст. 37 УПК РФ); дает дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

В уголовном досудебном производстве прокурором применяются также средства реагирования, адресованные суду, в числе которых: обращение в суд с гражданским иском в рамках уголовного дела в порядке ч. 3 ст. 44 УПК РФ; обращение к суду с представлением об особом порядке вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (п. 5¹ ч. 2 ст. 37 УПК РФ); возбуждение перед судом ходатайства о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, направляемому в суд с обвинительным заключением или актом (п. 8¹ ч. 2 ст. 37 УПК РФ); принесение в вышестоящий суд представлений на решения, принимаемые судом в уголовном досудебном производстве. Во всех указанных случаях прокурор обращается с определенным требованием к суду, принимающему по нему решение.

В заключение следует подчеркнуть многообразие уголовно-процессуальных средств реагирования прокурора, многие из которых не предусмотрены ч. 2 ст. 37 УПК РФ. По мнению автора настоящего исследования, уголовно-процессуальные средства

прокурорского реагирования целесообразно законодательно систематизировать, дополнив ч. 2 ст. 37 УПК РФ положениями, содержащими исчерпывающий перечень полномочий прокурора в данной сфере с указанием средств их реализации.

Наряду с уголовно-процессуальными средствами реагирования при осуществлении надзорной деятельности прокурор широко использует универсальное средство реагирования — представление об устранении нарушений закона в порядке ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [10], которое не связано с осуществлением им функции уголовного преследования. УПК РФ не содержит норм, предусматривающих применение прокурором названного средства реагирования, отсутствует четкая регламентация оснований и порядка его использования в уголовном досудебном производстве и в указанном законе. Законодательная неопределенность породила многочисленные дискуссии о возможности его применения в указанной сфере. С созданием Следственного комитета России вопрос правомерности применения представления прокурора стал предметом ведомственной переписки [11, с. 69–70]. Активная позиция последнего в оспаривании правомерности использования прокурором в уголовном досудебном производстве «общенадзорного» средства реагирования сформировала практику направления в следственные органы информации об устранении нарушений закона, которая не обладает должной степенью императивности. Между тем трудно переоценить значение представлений прокурора, содержащих обобщенную информацию о выявленных нарушениях в деятельности органов расследования, требования об их устранении и привлечении к дисциплинарной ответственности виновных лиц. За 6 месяцев 2017 г. прокуратурой в органы расследования внесено свыше 46 тыс. представлений и информации об устранении нарушений закона*. С учетом потребности в законодательной регламентации их применения в научной литературе высказаны различные предложения по совершенствованию правового регулирования. А. В. Спириным отмечена целесообразность закрепления полномочий по внесению представлений именно в УПК РФ [12, с. 211–215]. А. Ю. Винокуровым предложено заменить в ст. 37 УПК РФ полномочие по внесению требований на право вносить в органы расследования представления об устранении нарушений закона [11, с. 69–70]. По мнению автора настоящего исследования, сущность и назначение указанных правовых средств не идентичны.

* Отчет «Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства» по форме НСид за 6 месяцев 2017 года // Информационно-аналитические материалы Ген. прокуратуры РФ. Доступ из информационной системы обеспечения надзора за исполнением законов органов прокуратуры РФ.

Необходимость сохранения специфики представления прокурора в качестве универсального средства реагирования [1, с. 301–304] позволяет предложить дополнить главу 3 Федерального закона «О проку-

ратуре Российской Федерации» нормой, регламентирующей порядок применения прокурором представления об устранении нарушений закона в сфере надзора за органами расследования.

Список литературы

1. Корешникова Н. Р. К вопросу о понятии и сущности актов прокурорского реагирования современной прокуратуры // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2.
2. Ергашев Е. Р. Понятие и классификация правовых средств, применяемых органами прокуратуры // Российский юридический журнал. 2007. № 1.
3. Буланова Н. В. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве средствами прокурорского надзора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11.
4. Каган М. С. Классификация и систематизация. URL: <http://kronk.spb.ru/library/kagan-ms-1979.html> (дата обращения: 20.12.2016).
5. Лутинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : сб. метод. материалов / под общ. ред. В. Я. Гриня. М., 2012.
7. Кожевников О. А. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие : учеб. пособие. Екатеринбург, 2006.
8. Маршунов М. Н. Согласие прокурора на привлечение в качестве обвиняемого. Л., 1989. № 4.
9. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Винокуров А. Ю. Представление прокурора в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2.
12. Спирин А. В. Представление прокурора об устранении нарушений уголовно-процессуального закона в досудебном производстве // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5.

УДК 343.13 © Т. Даш, 2018

Новое в аресте подозреваемого по УПК Монголии 2017 года

Т. Даш, Омская академия МВД России. E-mail: dash_tamir2001@yahoo.com

Развитие правового регулирования применения мер принуждения в виде ареста подозреваемого в уголовном процессе Монголии просисходило со значительными изменениями и дополнениями, вносимыми в УПК МНР и УПК Монголии во второй половине XX в. — начале XXI в. Законодательные новеллы были введены только в связи с принятием и вступлением в действие нового УПК Монголии, что свидетельствует об эволюционном пути развития уголовно-процессуального законодательства. Автор проводит анализ изменения правового регулирования ареста подозреваемого в совершении преступления по УПК 2017 г., в сравнении с соответствующими положениями уголовно-процессуального законодательства Монголии 2002 г. Предложены подходы к решению выявленных проблем.

Ключевые слова: арест подозреваемого; задержание; основания задержания; права подозреваемого; фактический арест.

New in Arresting the Suspect according to the 2017 Criminal Procedural Code of Mongolia

T. Dash, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: dash_tamir2001@yahoo.com

Development of legal regulating the coercive measure in the form of the suspect's arrest in Mongolia's criminal procedure involved significant changes and amendments in the Criminal Procedural Code of the Mongolian People's Republic and the Criminal Procedural Code of Mongolia in the second half of the 20th — early 21st century. Legislation novels were introduced only after adoption and enforcement of a new Criminal Procedural Code of Mongolia, which is the evidence of evolutionary development of criminal procedural legislation. The author analyzes the changes in the legal regulation of arresting the suspect who committed a crime according to the 2017 Criminal Procedural Code compared with the current provisions of the Mongolia's criminal procedural legislation adopted in 2002. The article comprises approaches to solving the revealed problems.

Keywords: suspect's arrest; arrest; grounds for arrest; suspect's rights; actual arrest.

Арест подозреваемого¹, предусмотренный УПК Монголии 2002 г., к настоящему времени претерпел значительные изменения. В проекте нового УПК Монголии, опубликованном 13 мая 2016 г., такая мера процессуального принуждения, как арест подозреваемого, вообще отсутствовала. Однако данный проект не был принят Парламентом.

Новый УПК Монголии (далее УПК) был утвержден Великим Государственным Хура-

лом Монголии в мае 2017 г. и вступил в действие с 1 июля 2017 г.².

Нормы об аресте подозреваемого были помещены в гл. 31 «Предварительное следствие» в ч. 6 УПК «Дознание и предварительное следствие». Глава состоит из 14 статей, из них 9 посвящены аресту подозреваемого (ст. ст. 31.4–31.12).

Нормы об аресте подозреваемого в УПК 2002 г. содержались в отдельной гл. 8 УПК, состоящей из че-

¹ УПК Монгольской Народной Республики 1963 года закреплял такую меру процессуальную принуждения как «задержание подозреваемого». В 1993–1994 году после принятия новой Конституции Монголии, в УПК МНР были внесены значительные изменения, в результате которых «задержание подозреваемого» был закреплен как «арест подозреваемого». Данная мера принуждения также закреплена в УПК 2002 года.

² Эрүүгийн хэрэг хянан шийдвэрлэх тухай хууль // Төрийн мэдээлэл. 2017. №23 (УПК Монголии // Государственная информация. 2017. №23).

тырех статей (ст. ст. 58–61), которая находилась в части 3 УПК «Меры принуждения в уголовном процессе», что представляется более удачным по сравнению с действующим законодательством³.

Более того, УПК 2017 г. прямо не называет арест подозреваемого мерой процессуального принуждения, но его характер и кратковременное лишение свободы лица с водворением в ИВС определяет арест подозреваемого именно как такую меру. Следует отметить, что при аресте подозреваемого могут применяться и другие принудительные средства. Например, п. 1.4 ч. 1 и ч. 6 ст. 31.6, ч. 2 ст. 31.10 УПК прямо предусматривают, что невыполнение законного требования влечет применение принуждения, а детектив в ходе ареста подозреваемого может использовать принуждение в порядке, установленном УПК (например, личный обыск и установление личности подозреваемого против его воли). Об этом подозреваемый предупреждается при задержании.

УПК 2017 г. не предусматривает, что арест подозреваемого является следственным действием, об этом не упоминается ни в разделе 5 «Следственные действия», ни в главе 26 «Иные следственные действия».

Заметим, что вопрос о природе и сущности задержания подозреваемого был и остается одним из самых дискуссионных в российском уголовном процессе [1, с. 46]. УПК РСФСР рассматривал задержание подозреваемого как меру процессуального принуждения (ст. 122) и как неотложное следственное действие (ст. 119). УПК РФ относит задержание к мерам процессуального принуждения, поместив главу 12 в раздел 4 «Меры процессуального принуждения». Однако ряд авторов по-прежнему считает задержание следственным действием [2, с. 152]. Согласимся с мнением С. Б. Россинского, что это является следствием отсутствия доктринальной и правовой определенности категории «задержание подозреваемого» [3, с. 36].

Учитывая возможность фиксации доказательств в протоколе при применении ареста, а также в соответствии с положениями ст. 16.1 УПК указывающими на то, что любая доказательственная информация, имеющая значение для уголовного дела и полученная в соответствии с законом и в порядке настоящего Кодекса, является доказательством, можно говорить и о том, что имеются основания для научной полемики: в анализируемом аресте подозреваемого просматриваются признаки следственного действия.

При применении ареста подозреваемого составление протокола обязательно в соответствии со ст. 31.7 УПК. Это же относится и к новому положению

УПК 2017 г. по установлению личности (ст. 31.10 УПК). Информация, полученная в ходе установления личности, приобщается к материалам уголовного дела (ч. 3 ст. 31.10 УПК). Это тоже подтверждает вывод, что арест подозреваемого очень близок к следственным действиям.

Двойственную природу уголовно-процессуального задержания подчеркивал монгольский исследователь Б. Батбуян еще в 1989 г. Он пишет, что, с одной стороны, это одна из мер уголовно-процессуального принуждения, сущность которой сводится к кратковременному лишению свободы. С другой, что задержание является «следственным действием, осуществляемым при производстве предварительного расследования, специфика которого заключается в том, что оно представляет собой процессуальное средство предупреждения совершения лицом, подозреваемым в преступлении, действий, препятствующих достижению задач уголовного судопроизводства» [4, с. 160].

Новый УПК более подробно регламентирует основания ареста подозреваемого. В нем предусматривается два вида оснований: с разрешения суда (ст. 31.4 УПК) и без разрешения суда (ст. 31.5 УПК). В каждом из этих случаев применяется разный порядок осуществления ареста. В указанных статьях законодатель предусматривает перечень сведений, которые необходимо установить для обоснования принятия соответствующего решения. Разница данных видов ареста в том, что в первом случае (ст. 31.4 УПК) до фактического ограничения свободы должно быть получено решение суда. А во втором случае (ст. 31.5 УПК) решение об аресте принимает детектив и в течение 24 часов после произведенного ареста он получает одобрение суда.

Согласно ст. 31.4 УПК детектив вправе *арестовать лицо с разрешения суда* при наличии одного из следующих оснований:

1) подозреваемый не явился по письменному уведомлению прокурора без уважительных причин подозреваемого для ознакомления с постановлением о возбуждении уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого либо уклонения от получения письменного уведомления прокурора;

2) подозреваемый пытался скрыться от органов расследования либо есть основания полагать, что он может не явиться по вызову прокурора;

3) в отношении детектива, прокурора, судьи, потерпевшего, свидетеля и соучастника в совершении преступления имеется угроза их жизни и здоровью, оказание давления на этих лиц;

4) имеются достаточные основания, указывающие на совершение данным лицом преступления,

³ Судебная власть: сборник законов и официальное толкование. 2012 г. Улан-Батор, 2012.

возможность продолжить преступную деятельность либо закончить начатое преступление;

5) выявлены достаточные основания, указывающие на уничтожение, изменение и подделку доказательств, либо на незаконное воздействие в отношении потерпевшего, свидетеля и соучастника в совершении преступления.

Первое основание следует понимать таким образом: лицо уже предприняло действия к уклонению от явки к прокурору, а именно: скрывается, не приходит по вызову, избегает получения письменного уведомления прокурора.

Понятие «пытался скрыться» следует рассматривать в двух аспектах:

1) лицо уже предприняло действия к уклонению от явки к детективу и прокурору, а именно: не приходит по вызову, скрылось с места происшествия, во время доставления, из служебного кабинета, оказало активное сопротивление при аресте;

2) имеется высокая степень вероятности того, что подозреваемый может скрыться от органов расследования и суда. Об этом могут свидетельствовать отсутствие гражданства, постоянного места жительства, наличие судимостей, внезапное увольнение с работы, снятие с регистрационного и военного учетов, продажа имущества, покупка билетов на выезд за границу и т. д.

Под угрозами покушения на жизнь и здоровье понимаются активные действия подозреваемого, запрещенные УК Монголии. Об этом может свидетельствовать отправление писем, содержащих угрозы покушения на жизнь и здоровье, шантаж и т. д.

Достаточность доказательств предполагает наличие сведений, относящихся к делу, полученных на основании и по правилам, установленным действующим законом. Сведения, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела, устанавливаются показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, заключениями и показаниями эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следствия и судебных заседаний (чч. 1 и 2 ст. 16.1 УПК).

Устранением, изменением и подделкой доказательств можно считать любые активные действия подозреваемого по уничтожению или сокрытию доказательств и воспрепятствованию производству по уголовному делу иным способом.

Согласно ст. 31.5 УПК детектив вправе *арестовать лицо* по подозрению в совершении преступления *без разрешения суда* при наличии одного из следующих оснований:

1) когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

2) в случаях, не терпящих отлагательств, предусмотренных настоящим Кодексом (п. 1.26 ч. 1 ст. 1.4 УПК);

3) когда потерпевшие или свидетели укажут на данное лицо как на совершившее преступление;

4) когда на этом лице или его одежде, при нем, в его жилище либо в транспортном средстве будут обнаружены явные следы преступления.

Арестовать подозреваемого по первому основанию можно, если оно застигнуто непосредственно на месте совершения преступления, в момент выполнения преступных действий, сразу после их окончания либо при попытке бегства с места происшествия. Лицо может быть застигнуто при указанных обстоятельствах сотрудниками полиции, других правоохранительных органов, а также гражданами.

В соответствии с п. 1.26 ч. 1 ст. 1.4 УПК под не терпящими отлагательств понимаются обстоятельства, имеющие реальную опасность для жизни и здоровья человека; уничтожение и повреждение имущества, перемещение, сокрытие подозреваемым и обвиняемым следов преступления, попытка скрыться от органов расследования и суда.

Прямыми указаниями свидетелей считаются показания одного или нескольких свидетелей, которые прямо и уверенно указывают на лицо, совершившее преступление (п. 1.3 ч. 1 ст. 31.5 УПК). Потерпевший может прямо указать на лицо, совершившее в отношении него преступление, в случае визуального контакта с этим лицом во время совершения преступления.

Явными следами преступления служат такие следы, которые непосредственно образовались в результате совершения преступления. Они могут быть обнаружены как на самом подозреваемом, так и на его одежде, при нем, в его жилище или в транспортном средстве (пятна крови, порезы, царапины и др.).

По УПК 2002 г. срок ареста подозреваемого составлял 72 часа. Это вытекало из ст. 60.2 в которой предусмотрено, что если решение судьи о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу не поступит по истечении 72 часов, то подозреваемый немедленно освобождается. В новом УПК в ч. 5 ст. 31.4 и ч. 1 ст. 31.9 прямо предусматривают срок ареста подозреваемого, который составляет 48 часов.

В случае ареста подозреваемого с разрешением суда срок исчисляется с момента предъявления подозреваемому решения суда о его аресте. Если арест подозреваемого производится без разрешения суда, — то с момента разъяснения прав, предусмотренных ч. 1 ст. 31.6 УПК.

В УПК 2017 г. появились статьи, которых не было ранее. В частности, ст. 31.6 УПК «Процессуальные действия после ареста подозреваемого». Согласно этой статье детектив разъясняет арестованному подозреваемому: в чем он подозревается; как воспользоваться квалифицированной юридической помо-

щью; предупреждает о том, что его действия и слова будут использованы против него в суде; а также что невыполнение законного требования влечет за собой применение принуждения, предусмотренного настоящим Кодексом (пп. 1.1–1.4 ч. 1 ст. 31.6 УПК). Детектив может произвести личный обыск при аресте либо непосредственно после ареста подозреваемого и осуществить выемку определенных вещей и документов (могущих причинить ущерб жизни и здоровью человека; используемых для сокрытия преступления; добытых преступным путем либо использованных при совершении преступления; имеющих значение для уголовного дела; запрещенных законом к использованию, хранению (пп. 3.1–3.5 ч. 3 ст. 31.6 УПК).

В течение 6 часов непосредственно после ареста подозреваемого детектив устанавливает личность подозреваемого и получает показания.

Следует обратить внимание, что составлению протокола (ст. 31.7 УПК) посвящена самостоятельная статья. В протоколе указываются: фамилия, имя и должность детектива, осуществляющего арест подозреваемого; время и место ареста; время разъяснения прав арестованному; время доставления к месту содержания; ходатайства и жалобы арестованного и принятые по ним решения; время и место уведомления, и кто уведомлен.

Появление статьи о правах арестованного подозреваемого (ст. 31.8 УПК) в УПК 2017 г. является определенным шагом по обеспечению его защиты. Наиболее эффективным ее средством служит получение показаний от подозреваемого (ст. 31.11 УПК).

Одним из факторов, способных самым серьезным образом повлиять на представления подозреваемого о своих правах и, следовательно, на эффективность его защиты, является своевременное

предоставление арестованному квалифицированной юридической помощи (пп. 1.2 и 1.3 ч. 1 ст. 31.11 УПК). В данной ситуации приобретает чрезвычайно важное значение порядок отказа подозреваемого от услуг защитника (ч. 3 ст. 31.11 УПК), предусматривающий обязательное личное присутствие самого адвоката.

К сожалению, новый УПК не упоминает о фактическом начале ареста подозреваемого. Чимэддорж Д. писал, что начало фактического срока задержания по УПК не учитывается, а исчисляется с момента ознакомления подозреваемого с постановлением о его задержании [2, с. 10]. Следует отметить, что законодательная неурегулированность в УПК данного аспекта влечет за собой незаконность удержания лица, нарушает неприкосновенность личности.

В связи с этим считаем целесообразным добавить в ст. 1.4 УПК 2017 г. отдельный пункт о моменте фактического ареста: «момент производимого в порядке, установленном УПК Монголии, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления», а также изменить ст. 31.9 следующим образом: «исчисление срока ареста начинается с момента фактического ареста подозреваемого в порядке статьи 1.4 УПК».

Таким образом, основные изменения, связанные с арестом подозреваемого, предусмотренные УПК 2017 г., направлены на обеспечение законности кратковременного лишения свободы лица, соблюдение прав и усиление гарантий задержанного, создание поэтапной, «прозрачной» процедуры задержания. Не все вопросы оказались урегулированными в достаточной мере. Отдельные законодательные положения нуждаются в более глубоком изучении, а некоторые — в дальнейшем совершенствовании.

Список литературы

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
2. Быков В. М. Правовые основания и условия производства следственных действий по УПК РФ // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 1.
3. Россинский С. Б. Следственные действия : монография. М., 2018.
4. Батбуян Б. Задержание подозреваемого по УПК МНР : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989.
5. Чимэддорж Д. Меры уголовно-процессуального принуждения, связанные с изоляцией от общества, в уголовном процессе Монголии и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

Информационные технологии в розыскной деятельности

Е. В. Буряков, Омская академия МВД России. E-mail: bur.e2010@yandex.ru

Одним из направлений розыскной деятельности является получение информации о разыскиваемых лицах через Интернет посредством изучения сайтов, персональных страниц в социальных сетях, закрытых сетевых форумов и чатов, электронной почты, средств обмена сообщениями, мессенджеров и др. На основе анализа практики проведения оперативно-розыскных мероприятий в виртуальном пространстве делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования и организации данной розыскной деятельности, разработки методики обучения сотрудников розыскных подразделений проведению оперативно-розыскных мероприятий по получению информации о разыскиваемых лицах с использованием технических средств и подготовки методических рекомендаций по их осуществлению.

Ключевые слова: информация; Интернет; оперативно-розыскные мероприятия; розыск; получение компьютерной информации; технические средства.

Information Technologies in Crime Detection

Ye. V. Buryakov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: bur.e2010@yandex.ru

One of the crime detection activities is getting information about wanted people via Internet studying websites, personal accounts in social networks, closed net forums and chats, e-mail, means of sharing messages, messengers, etc. Analyzing the practice of taking crime detection measures in virtual sphere the author states that it is urgent to improve legal regulation and organization of the mentioned detective activity, develop methods of teaching detectives to carry out crime detection work connected with getting information about the people wanted by technical means and develop methodical guidelines on how to conduct it.

Keywords: information; Internet; crime detection measures; detection; getting computer information; technical means.

Розыскная деятельность, являясь составной частью оперативно-розыскной деятельности, имеет аналогичные проблемы. Изучение статистических сведений о разыскиваемых лицах в Российской Федерации показало, что по основным показателям количество объявляемых в розыск с 2010 г. постоянно сокращается. По данным ГИАЦ МВД России, за это время произошло снижение количества объявленных в розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, с 110,9 тыс. до 69,0 тыс. человек; без вести пропавших лиц — с 66,7 тыс. до 42,2 тыс. человек, неопознанных трупов граждан — с 27,5 тыс. до 6,6 тыс. При этом процент розыска вышеуказанных категорий граждан в рассматриваемый период прак-

тически находился на одном уровне и в 2016 г. соответственно составил 77,4%, 96,8% и 88,1%.

Можно констатировать, что в розыскной деятельности наступил период стабильности, что вполне закономерно. В 90-е гг. прошлого века было изменено законодательство, существовавшее в СССР, и создано новое оперативно-розыскное право «со своим предметом и методами регулирования» [1, с. 6], принят ряд организационных и управленческих решений, которые позитивно повлияли на эффективность розыскной деятельности. За последние 10 лет в стране на законодательном уровне было увеличено количество объектов дактилоскопирования [2, с. 52–56], введена геномная регистрация [3, с. 77–80], на ведомствен-

ном уровне изменена система оценки розыскной деятельности, совершенствуется организация и тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий. Изменились не только государство и право, но и повседневная жизнь людей, в которую все активнее вмешивается технический прогресс: серверы, ноутбуки, сотовые телефоны, смартфоны, планшеты, банкоматы, встроенные и внешние накопители на жестких магнитных дисках, флэшкарты, оптические диски, CD- и DVD-диски, SIM-карты, стационарные и мобильные измерительные устройства, системы геопозиционирования, видеонаблюдения и видеофиксации, радиочастотные идентификаторы, GPS-трекеры и другие «умные» вещи, позволяющие хранить большие массивы информации, мгновенно обмениваться и передавать ее на значительные расстояния.

Одним из обязательных направлений розыскной работы является установление информации о разыскиваемом лице: чем она разнообразнее, тем больше вероятность обнаружить этого человека. Поиск информации посредством оперативно-розыскных средств и методов дает основания называть ее оперативно-розыскной информацией. Данный термин, по мнению П. Ф. Телепнева, употребляется в различных значениях: «в одних случаях оперативно-розыскную информацию рассматривают в информационных системах, существующих в ОРД, в других случаях под ней понимают результаты оперативно-розыскной деятельности» [4, с. 135–136].

В целях сбора, хранения различных сведений для нужд розыскной деятельности традиционно использовались учеты, ведущиеся в учреждениях и органах внутренних дел МВД России, которые наряду с достоинствами обладают и недостатками, проявляющимися в несвоевременной постановке на учет, неполноте и неточности указываемых сведений (так называемый человеческий фактор), и о которых уже на протяжении длительного времени упоминается в официальных и научных источниках. Вместе с тем ведомственное информационное поле постепенно выходит за рамки МВД. Так, лица, пересекающие Государственную границу через погранпункты, оборудованные соответствующими программно-техническими комплексами, проверяются на наличие федерального и межгосударственного розыска.

С 2014 г. на официальном сайте МВД России в информационно-телекоммуникационной сети Интернет размещается информация о разыскиваемых лицах в рубрике «Внимание, розыск!», а с 2016 г. на этом же ресурсе располагается информация и о межгосударственном розыске лиц, объявленном странами СНГ [5, с. 61]. В общественных местах и учреждениях в целях обеспечения охраны общественного порядка, безопасности дорожного движения располагаются камеры видеонаблюдения не только ор-

ганов внутренних дел, но и иных ведомств и частных предприятий и организаций. По мнению В. А. Грошикова, необходимо создание комплекса видеоаналитических систем, которые дают возможность быстрого анализа значительного объема информации, важной для обеспечения безопасности и адекватности реагирования на возникающие угрозы, проведения оперативного расследования и сбора доказательств. Видеоаналитика превращает видеокмеры в реальные источники информации, дает возможность в больших видеопотоках распознавать человеческие лица, номера автотранспортных средств, проводить их идентификацию, анализировать поведение объектов и принимать незамедлительные меры оперативного реагирования [6, с. 98]. В настоящее время возрастает необходимость использования результатов деятельности аэрокосмической фотосъемки существующей российской и международной космической группировки в интересах борьбы с преступностью [7, с. 47–51; 8, с. 107–114], в том числе и для целей розыскной деятельности, когда убийство маскируется под безвестное исчезновение.

Получение информации с использованием технических средств на этом не исчерпывается. В настоящее время существуют технические возможности по восстановлению удаленных файлов. Например, в статье Д. А. Бражникова и В. Ф. Васюкова описывается случай осмотра карты памяти, извлеченной из видеорегистратора, установленного на автомашине, на которой часть информации, записываемой в автоматическом режиме, специально была удалена. В результате использования программного комплекса R-Studio, предназначенного для восстановления удаленных данных, видеозапись была восстановлена [9, с. 82]. Широко известны возможности получения информации в сфере сотовой связи. Так, по номеру абонента можно установить: IMEI мобильного терминала; по известному IMEI мобильного терминала — номер абонента или номера всех абонентов, которые пользовались данным мобильным терминалом в определенные промежутки времени; информацию о входящих и исходящих соединениях абонента, их длительность и т. д. [10, с. 80].

Кроме того, люди, общаясь через Интернет посредством сайтов, персональных страниц в социальных сетях, закрытых сетевых форумов и чатов, электронной почты, средств обмена сообщениями, мессенджеров, приложений VoIP (интернет-телефонии — Skype, ICQ, Viber, WhatsApp, Telegram и др.), тем самым оставляют в виртуальном пространстве информацию о себе. Технический прогресс вошел в жизнь многих людей, и лица, совершающие преступления и скрывающиеся от правосудия, не являются исключением, пользуясь средствами связи.

Имеются возможности осуществлять поиск людей по фотоизображению, адресу электронной почты, номеру мобильного телефона, выявлять скрытых друзей в «ВКонтакте», «Одноклассниках» и др.

В мировой практике розыска лиц правоохранительными органами широко используются возможности сети «Интернет». Так, в Австрии требуется судебное решение для объявления розыска через Интернет, а в США и Германии Интернет приравнивается к средствам массовой информации и используется для розыска по усмотрению правоохранительных органов или общественности [11, с. 130–131]. Полагаю, что приведенную ситуацию можно рассматривать как в морально-этической плоскости, так и с точки зрения права и целесообразности. Уже давно никто не оспаривает необходимость оперативно-розыскной деятельности, которая с принятием Закона об ОРД была легализована и регулируется нормами права. Получение информации в сети «Интернет», за исключением технических аспектов, практически ничем не отличается от обнаружения сведений путем обращения к учетам, проведения оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, поскольку конечным продуктом будет информация о лицах, фактах, предметах и т. п.

По результатам исследования поиска информации в Интернете, проведенного В. И. Шаровым, в 75,0% случаев необходимые сведения находилась лишь частично. Причины неудач поиска информации опрашиваемые назвали разнообразные, но доминируют все же следующие ответы: «из-за отсутствия доступа к нужным сайтам и базам данных» — 63,6%, «нет методики поиска» — 22,7%, «необходимо использовать специальное программное обеспечение» — 13,6%. Это показывает, что оперативные сотрудники в основном еще с трудом представляют возможности Интернета по получению оперативно значимой информации [12, с. 113], поэтому, на наш взгляд, требует совершенствования правового регулирования аспектов, связанных с обнаружением информации о разыскиваемых лицах в сети Интернет, в том числе с применением технических средств. Следует разрабатывать методику проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях получения информации о разыскиваемых лицах с использованием технических средств для сотрудников розыскных подразделений.

Данный вывод подтверждается проведенным опросом сотрудников розыскных подразделений, который показал, что 13,7% из них при осуществлении розыска скрывшихся преступников использует ОРМ «Получение компьютерной информации», а при ро-

зыске без вести пропавших — уже 43,1%. В то же время интервьюирование обнаружило, что они не вполне верно понимают суть получения компьютерной информации посредством проведения других ОРМ в сети Интернет («Наведение справок», «Наблюдение», «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «Снятие информации с технических каналов связи»).

В связи с изложенным представляет интерес отграничение нового оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» от сходных с ним «Наведение справок», «Наблюдение», «Обследование», «СИТКС».

6 июля 2016 г. перечень ОРМ был дополнен оперативно-розыскным мероприятием «Получение компьютерной информации»*. По мнению С. В. Баженова, целью анализируемого ОРМ должно быть получение информации, для доступа к которой необходима помощь специалиста (преодоление технических или программных средств защиты, получение метаданных, пр.), а также использование специальной техники и (или) специальных программ оперативно-техническими подразделениями. Данное ОРМ осуществляется только негласно [13, с. 32], что вытекает из анализа ч. 4 ст. 6 Закона об ОРД, где оговорено, что ряд оперативно-розыскных мероприятий, в том числе связанных с получением компьютерной информации, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов Федеральной службы безопасности, органов внутренних дел в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, тем самым определен специальный субъект проведения и негласный характер этого ОРМ. Но до настоящего времени на ведомственном уровне нет никаких разъяснений по этому поводу, отсутствует и соответствующий нормативный акт. Таким образом, сотрудники розыскных подразделений понимают, что сведения о разыскиваемых лицах можно получать посредством технических средств через Интернет, но не всегда верно определяют инструментарий получения необходимых сведений, интуитивно избирая оперативно-розыскные мероприятия «Наведение справок», «Наблюдение», «Обследование», «СИТКС».

В заключение следует сказать, что мною только тезисно обозначены некоторые проблемы, связанные с розыскной деятельностью. Необходимо говорить о совершенствовании правового регулирования и организации розыскной деятельности в глобальных компьютерных сетях, но в первую очередь

* Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

необходима разработка методики обучения сотрудников розыскных подразделений по проведению оперативно-розыскных мероприятий по получению информации о разыскиваемых лицах с использованием технических средств и подготовка самих методических рекомендаций по их осуществлению.

Список литературы

1. *Гайдельцов В. С.* Оперативно-розыскное право: проблемы формирования новой отрасли законодательства Республики Беларусь. Минск, 2016.
2. *Буряков Е. В.* Правовые проблемы дактилоскопирования и геномной регистрации в Российской Федерации // Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России (посвящается памяти профессора Д. В. Ривмана) : мат-лы регионал. науч.-практ. конф. (СПб., 18 ноября 2016 г.). СПб., 2016. Ч. 1.
3. *Буряков Е. В.* Перспективы использования геномной регистрации в раскрытии преступлений и розыскной деятельности // Оперативно-розыскная деятельность : научно-практический журнал. 2016. № 1(1).
4. *Телепнев П. Ф.* Научный взгляд на определение понятия оперативно-розыскной информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1(69).
5. *Коков В. А.* Использование возможностей централизованных учетов лиц, объявленных в федеральный розыск // Актуальные вопросы организации розыскной работы : электрон. сб. науч. ст. по мат-лам межведом. круглого стола (Московский областной филиал МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 18 ноября 2016 г.) / под ред. В. В. Абрамочкина. М., 2017.
6. *Грошиков В. А.* Использование видеонаблюдения в раскрытии тяжких преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1(32).
7. *Бецов А. В.* О возможности использования результатов деятельности космической группировки в интересах органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1(27).
8. *Батоев В. Б.* Использование метода дистанционного зондирования земли в оперативно-розыскной деятельности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4(14).
9. *Бражников Д. А., Васюков В. Ф.* Использование компьютерной информации, содержащейся в мобильных электронных устройствах, при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 2(7).
10. *Кондрашечкин Р. В.* О некоторых оперативно-розыскных методах использования телекоммуникационных сетей для установления местонахождения разыскиваемых лиц // Актуальные вопросы организации розыскной работы : электрон. сб. науч. ст. по мат-лам межведом. круглого стола (Московский областной филиал МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 18 ноября 2016 г.) / под ред. В. В. Абрамочкина. М., 2017.
11. *Вязовец Р. Н.* Совершенствование использования Интернета для розыска лиц и похищенных культурных ценностей // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел : научный журнал. М., 2010. № 3(15).
12. *Шаров В. И.* Интернет как источник оперативно-розыскной и процессуальной информации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3(35).
13. *Баженов С. В.* Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2(65).

УДК 343 © О. П. Грибунов, Е. А. Малыхина, 2018

Планирование расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта в зависимости от следственных ситуаций

О. П. Грибунов, Восточно-Сибирский институт МВД России. E-mail: gribunov@mail.ru
Е. А. Малыхина, Восточно-Сибирский институт МВД России. E-mail: Malykhina_Ek@mail.ru

Планирование расследования уголовного дела является основным методом организационно-мыслительной деятельности, относящимся к разделу криминалистической тактики. Особенности планирования формирует следственная ситуация, которая напрямую зависит от информированности следователя об обстоятельствах преступного события. Для каждого конкретного вида преступлений характерны свои следственные ситуации (типичные). Их выявление, определение и классификация имеют важное значение как для теории, так и для практической деятельности. При расследовании преступлений, связанных с хищениями комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта, наиболее распространенными типичными ситуациями являются следующие: известно место совершения хищения (станция, ремонтный цех) и способ, посредством которого было совершено деяние, личность преступника не установлена; место совершения деяния, способ, а также личность преступника неизвестны; лицо, совершившее хищение, место и способ хищения установлены.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт; комплектующие детали объектов железнодорожного транспорта; типичные следственные ситуации; планирование расследования; выявление преступлений; этапы расследования; следственные версии.

Planning the Investigation of Embezzlement of Component Parts of Railway Transport Objects due to Investigative Situations

O. P. Gribov, the East Siberian Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: gribunov@mail.ru
Ye. A. Malykhina, the East Siberian Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: Malykhina_Ek@mail.ru

Planning investigation of a criminal case is the main method of organizational and intellectual activity related to criminalistics tactics. Peculiarities of planning are formed by the investigative situation which directly depends on the investigator's awareness of the circumstances of a crime. Each certain type of crime has its own (typical) investigative situations. Their revealing, identifying and classification are crucially important for both theory and practice. For investigation of crimes related to embezzlement of component parts of railway transport objects the most common typical situations are as follows: the place of committing embezzlement (station, repair shed) and method of committing are known, identity of the criminal being unknown; the place, method of committing an act are unknown, the criminal not identified; identity of a person who committed embezzlement, place and methods of committing it are established.

Keywords: railway transport; component parts of the railway transport objects; typical investigative situations; planning investigation; revealing crimes; stages of investigation; investigative versions.

Преступления, совершаемые на объектах железнодорожного транспорта, в настоящее время составляют значительную долю в общем количестве преступных деяний, произошедших на территории Российской Федерации. Изучение статистических данных показало, что среди преступлений на объектах

железнодорожного транспорта отмечаются случаи хищения комплектующих деталей (колесные пары, боковые рамы, надрессорные балки, образующие в своей совокупности устойчивый узел железнодорожного вагона — тележку, представляющую собой основную ходовую часть подвижного состава). Так,

по данным ГИАЦ МВД России, подразделениями отделения по борьбе с преступными посягательствами на грузы (далее — ОБППГ) по линии грузовых перевозок в Российской Федерации в 2014 г. было поставлено на учет 3974 подобных преступления, в 2015 г. — 3331 преступление, в 2016 г. — 2452 преступления.

Очевидно, что отмечается снижение числа рассматриваемых преступных деяний, однако их общее количество достаточно существенно, что не может не вызывать беспокойства. Отдельная статистика учета хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта не ведется. На примере Восточно-Сибирского линейного управления МВД России на транспорте отметим, что в 2015 г. подразделениями ОБППГ поставлено на учет 18 преступлений по фактам хищений литых деталей тележек вагонов; в 2016 г. — 21 преступление¹.

Совершение преступлений, связанных с хищениями комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта, представляет угрозу для экономики страны и ее безопасности, так как учредителем и единственным акционером транспортно-логистического комплекса ОАО «РЖД» выступает Российская Федерация, при этом имущество акционерного общества сформировано путем внесения в уставной капитал активов множества организаций и предприятий железнодорожного транспорта, принадлежащих государству. Хищения литых деталей тележек вагонов подрывают бесперебойное безопасное функционирование железной дороги, ведь именно эти элементы ходовой части вагонов предназначены обеспечивать безопасность движения и способствовать осуществлению качественного обслуживания железнодорожного комплекса.

Масштабы и социальная опасность рассматриваемых преступлений не вызывают сомнений. В связи с этим особую значимость приобретает изучение вопроса, касающегося формирования частной криминалистической методики расследования таких деяний. Практика показывает, что лица, осуществляющие предварительное расследование, нередко применяют лишь незначительную часть криминалистического потенциала раскрытия преступлений, что объясняется отсутствием специализированной методики, а это, несомненно, негативно отражается на качестве раскрытия и расследования. В частности, при расследовании хищений комплектующих деталей целесообразно особое внимание уделять этапу планирования.

Данный процесс можно характеризовать как основной метод организационно-мыслительной деятельности по уголовным делам, относящийся к разделу криминалистической тактики [1, с. 136]. Мате-

риальным выражением результатов планирования служит письменный план, являющийся неотъемлемым атрибутом деятельности следователя.

Достаточно точное определение понятия «планирования расследования преступлений» сформулировано Л. Я. Драпкиным, который характеризует его в качестве процесса моделирования будущей деятельности, формирующей оптимальные способы достижения намеченных целей с помощью рационального распределения средств, сил и времени. Кроме того, план расследования ученым рассматривается как итог планирования, в котором обозначены намеченные сроки, способы и средства, необходимые для оптимального осуществления расследования и раскрытия преступлений [2, с. 75]. Значимость данного этапа при расследовании хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта обуславливается спецификой преступных деяний, уникальностью железнодорожного комплекса и непосредственным предметом преступного посягательства.

Криминалистическая квалификация транспортных преступлений осуществляется на основе анализа основных элементов структуры и механизма данного вида преступной деятельности [3, с. 17]. Так, для осуществления эффективной деятельности правоохранительных органов, направленной на раскрытие преступных деяний, связанных с хищениями комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта, необходим всесторонний подход на всех этапах предварительного следствия, в том числе при осуществлении процесса планирования. Данный период характеризуется как фактическое положение, сформированное на определенном этапе расследования преступления или перед его началом, содержащее сведения, необходимые для суждения о его дальнейших следственных перспективах [4, с. 124].

К актуальным вопросам планирования расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта целесообразно относить первостепенный анализ и глубокое изучение сложившейся на определенный момент следственной ситуации. Следственная ситуация зависит от информированности следователя об обстоятельствах дела, что отражается на эффективности ведения следствия. Для каждого конкретного вида преступлений характерны свои следственные ситуации (типичные). К типичным ситуациям хищений комплектующих деталей относятся следующие:

1. Известно место совершения хищения (станция, ремонтный цех) и способ, посредством которого было совершено деяние, личность преступника не установлена.

¹ Официальный сайт ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules/> (дата обращения: 09.01.2017).

Так, 27 апреля 2016 г. года в дежурную часть ЛО МВД России на станции Иркутск-пассажирский поступило заявление гр. Г., который просил привлечь к уголовной ответственности неизвестных лиц, совершивших хищение литых деталей тележек вагона, а именно боковых рам, колесных пар с тепловоза ТЭМ № 1100, принадлежащего ОАО «РЖД».

В ходе проверки, осуществленной в порядке ст. 144 УПК РФ, установлено, что в период с 22 часов 40 минут 26 апреля 2016 г. до 15 часов 00 минут 27 апреля 2016 г. неустановленное лицо при проведении маневровых работ на железнодорожных путях в целях подачи тепловоза ТЭМ № 1100 на базу разделки ООО «Р» тайно из корыстных побуждений совершило хищение литых деталей тележек вагона, для сокрытия совершенного преступления подав на базу разделки ООО «Р» тепловоз ТЭМ 2М 268, который по комплектации не соответствовал тепловозу ТЭМ № 1100, своими умышленными действиями причинив материальный ущерб в крупном размере в сумме 997 434,06 рублей².

Любая следственная ситуация требует определенного изучения и анализа, на основе которого выстраиваются следственные версии, подлежащие проверке в целях их подтверждения, опровержения или изменения. Проверка следственных версий производится путем проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. При этом следует учитывать, что в зависимости от ситуации сведения о совершенном преступлении могут допускать несколько типичных вероятных объяснений, поэтому сбор дополнительной информации в начале расследования, в том числе и оперативно-розыскной, приобретает важное значение [5, с. 189].

Рассматриваемая следственная ситуация обладает своими типичными следственными версиями, к которым относятся следующие:

- преступление совершено машинистами локомотива (тепловоза, электровоза и т. д.);
- хищение исполнено сотрудниками железнодорожного комплекса, работающими на станции, где обнаружен факт хищения;
- преступление совершено руководителями станции (ремонтного цеха, локомотивного депо, парка прибытия поездов и т. д.);
- противоправное деяние совершено бывшими сотрудниками железнодорожного комплекса, где был установлен факт хищения.

Для отработки указанных версий в целях полного и всестороннего расследования уголовного дела, установления и изобличения лица, совершившего преступление, необходимо осуществлять следующие

следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия:

— прослушивание телефонных переговоров в отношении руководителей станции (ремонтного цеха, локомотивного депо, парка прибытия поездов и т. д.);

— исследование предметов и документов, а именно документации о проведенных ремонтах, сроках службы, иных документов, содержащих сведения о принадлежности локомотива (тепловоза, электровоза и т. д.), а также информации о транспортировке локомотива (тепловоза, электровоза), с которого были похищены комплектующие детали;

— провести обыски в офисах руководителей в целях обнаружения и изъятия орудий преступления, документов, предметов и ценностей, могущих иметь значение для уголовного дела;

— осуществить опрос граждан и наведение справок для установления лиц, причастных к транспортировке локомотива (тепловоза, электровоза), а также лиц, работавших на станции (в ремонтном цехе, локомотивном депо, парке прибытия поездов и т. д.), где обнаружен факт хищения, для их дальнейшей отработки на причастность к совершению преступления; допросить указанных граждан по обстоятельствам уголовного дела.

2. Место и способ совершения деяния, а также личность преступника неизвестны. Данная следственная ситуация наиболее распространена. Изучение массива уголовных дел позволяет определить, что в 72 % случаев к моменту возбуждения уголовного дела место совершения деяния, личность преступника и иные обстоятельства не установлены.

Так, 27 сентября 2012 г. в дежурную часть ЛО МВД России на ст. Иркутск-пассажирский от и. о. директора Иркутского филиала ОАО «ВГК» поступило заявление по факту обнаружения несоответствия номеров боковых рам вагона № 100.

06 сентября 2012 г. в ЧПП ст. Иркутск-сортировочный прибыл вагон № 100, принадлежащий ОАО «ВГК», при осмотре которого обнаружен брак — трещина боковой рамы. После чего вагон был выставлен на тракционные пути цеха текущего ремонта. В ходе осмотра вагона было обнаружено, что согласно справке Главного вычислительного центра значатся боковые рамы № 60697-5-2002 и № 76947-14-2006, а фактически при осмотре обнаружены рамы № 31329-14-1986, № 4859-12-1987. В текущем ремонте боковые рамы были сняты, поскольку не соответствовали справке ГВЦ, и направлены на проверку для определения пригодности их к дальнейшей эксплуатации.

² Архив Черемховского районного суда Иркутской области. Уголовное дело № 623006.

Таким образом, в неустановленное время, в неустановленном месте неустановленное лицо умышленно тайно похитило с железнодорожного вагона № 100, находящегося в собственности ОАО «ВГК», боковые рамы № 60697-5-2002, № 76947-14-2006, тем самым своими незаконными действиями причинило ОАО «ВГК» материальный ущерб на общую сумму 142 870 руб. 00 коп.³

К данной следственной ситуации применимы следующие типичные версии:

- хищение литой детали тележки вагона совершили неустановленные лица, которые осуществляли технический осмотр и текущий ремонт локомотива;
- противоправное деяние было совершено в пути следования;
- хищение литой детали тележки вагона было инсценировано организацией, которой принадлежало похищенное имущество;
- преступление совершено сотрудниками железной дороги, проводившими последний плановый (или текущий) ремонт вагона;
- хищение литой детали тележки вагона совершено машинистами локомотива.

В этом случае необходимо в план расследования включать данные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия:

- произвести выемки документов, подтверждающих приписку похищенных комплектующих деталей к локомотиву (электровозу, тепловозу);
- навести справки и опросить граждан в целях установления лиц, проводивших подготовку локомотива (тепловоза, электровоза) к техническому осмотру; машинистов, организовывавших прогрев локомотива перед его подачей в депо (ремонтный цех, парк прибытия поездов и т. д.); машинистов локомотивных бригад, осуществлявших перегон локомотива (электровоза, тепловоза); мастеров, занимавшихся плановыми техническими осмотрами и ремонтами локомотива. Указанных граждан допросить по обстоятельствам расследуемого уголовного дела;
- осуществить обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, а именно приемных пунктов металла, в целях обнаружения похищенных комплектующих деталей.

3. К моменту возбуждения уголовного дела лицо, совершившее хищение, а также место и способ установлены. Данная следственная ситуация наиболее благоприятна. Планирование занимает здесь важные позиции, что объясняется значимостью выяснения всех обстоятельств по уголовному делу, восстановления следов преступной деятельности лица,

сбора качественной доказательственной базы, а также установления иных эпизодов и лиц, причастных к преступлению. В случае указанной следственной ситуации в план расследования обязательно должны быть включены данные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия:

- допросить лицо, подозреваемое в совершении преступления;
- провести обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в целях установления мест сбыта похищенного имущества подозреваемым, произвести обыск, выемку комплектующих деталей;
- допросить по обстоятельствам уголовного дела лиц, которым сбывалось похищенное имущество;
- при обнаружении похищенного имущества назначить и провести экспертизу по маркировочным обозначениям, а также почерковедческую экспертизу документов, имеющих предположительно недостоверные сведения о манипуляциях с комплектующими деталями объектов железнодорожного транспорта;
- реализовать комплекс оперативно-розыскных мероприятий, таких как наведение справок, опрос граждан, исследование предметов и документов, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров в целях розыска лиц, находившихся в преступном сговоре с подозреваемым.

Указанные следственные ситуации являются наиболее распространенными по фактам хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта. Каждая из них имеет свои характерные особенности, на основе которых необходимо выстраивать последовательность предварительного следствия, прогнозировать ход расследования, план мероприятий и их количество. Также следует помнить, что при расследовании названных преступлений вне зависимости от сложившейся следственной ситуации существуют следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, производство которых необходимо:

- допросить по обстоятельствам уголовного дела представителя потерпевшего организации ОАО «РЖД»;
- допросить в качестве свидетелей лиц, обнаруживших факт совершения хищения;
- осуществить выемку документов на похищенное имущество, с подтверждением балансовой принадлежности организации, и их наличие на вагоне;
- допросить по обстоятельствам уголовного дела сотрудников организации, которой принадлежит похищенная комплектующая деталь;

³ Архив Ленинского районного суда г. Иркутска. Уголовное дело № 421068.

— реализовать выемку нормативных документов, регламентирующих деятельность машинистов, а также лиц, ответственных за имущество локомотива;

— навести справки и опросить граждан в целях установления лиц, организовавших подготовку локомотива к проведению технического осмотра (ремонта); машинистов, которые осуществляли маршрут на локомотиве, где произошло хищение; после чего допросить указанных граждан по обстоятельствам уголовного дела;

— провести обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, а именно приемных пунктов металла, в целях обнаружения похищенных комплектующих деталей.

При расследовании уголовных дел, связанных с хищениями комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта, в большинстве случаев сотрудниками правоохранительных органов отрабатывается причастность к совершению преступления работников железнодорожного комплекса. Такое положение дел вполне оправданно, ведь если учитывать место совершения деяния и сам предмет преступного посягательства, можно сделать вывод, что хищение комплектующих деталей объектов железнодорожного комплекса требует определенных умений и навыков. Так, для того чтобы совершить хищение какой-либо литой детали тележки вагона, необходимо достаточное количество времени, навыки демонтажа и транспортировки объекта, свободный проход к месту нахождения предмета хищения, а также возможность дальнейшей реализации похищенного имущества. В большинстве случаев подозреваемыми по таким делам становятся непосредственные работники железной дороги (машинисты, мастера цехов, бригадиры), которые по роду своей деятельности обладают не только необходимыми знаниями в данной области, но также могут беспрепятственно проникать на территорию железнодорожного комплекса.

Анализ судебно-следственной практики показал, что в 97% случаев подозреваемыми по делам о хищениях комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта являются действующие сотрудники железнодорожного комплекса. В связи с этим трудно не согласиться с О. П. Грибуновым и В. С. Ишигеевым, отметившими, что далеко не каждый человек отважится совершить преступное

деяние на территории железной дороги, особенно в районе станций, где часто ездят маневровые локомотивы, кроме того, об устройстве путей и содержании в технических объектах цветных металлов не может знать лицо, не имеющее отношения к транспорту [6, с. 250].

Очевидно, что выстраивание следственных версий и общего плана расследования преступлений устанавливает определенные рамки, которые сужают границы тех процессуальных действий, которые необходимо производить на этапе расследования уголовного дела. Так, А. В. Варданян и И. И. Варов отмечают, что все следственные и иные действия, которые осуществляются в рамках каждой следственной ситуации, производятся исключительно с учетом процессуальных условий и тактических рекомендаций, специально предусмотренных положениями конкретной частной криминалистической методики [7, с. 3].

Таким образом, на процесс расследования преступлений влияет большое количество различных факторов. Следственные версии, как и запланированные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, в процессе расследования могут меняться, корректироваться, при обнаружении новой информации по уголовному делу не исключены и некоторые дополнения. В ходе расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта выдвижение следственных версий имеет неоспоримое значение, подтверждением служит то обстоятельство, что дела данной категории достаточно сходны между собой, субъектами часто выступают лица, имеющие непосредственную связь с железнодорожным комплексом, мотивы совершения деяний практически всегда одинаковы.

Резюмируя изложенное, отметим, что планирование расследования преступлений — это процесс, тесно связанный с мыслительной деятельностью следователя, состоящий в уяснении имеющейся по делу информации, ее анализе, структурировании в целях определения оптимальных путей решения задач по раскрытию и расследованию совершенного преступного деяния. Данную деятельность уместно характеризовать в качестве предпосылки, условия на пути к расследованию, это способ организации всего процесса предварительного следствия. Умелое планирование призвано воссоединять отдельные следственные действия в единое целое — уголовное дело [8, с. 87].

Список литературы

1. Толоконников В. К. Актуальные вопросы планирования при расследовании преступлений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2014. № 1(15).
2. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.
3. Головин А. Ю. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений / А. Ю. Головин, О. П. Грибунов, А. А. Бибииков. Иркутск, 2015.
4. Васильев А. Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики : монография / А. Н. Васильев, Н. П. Яблоков. М., 1984.
5. Кулькова Е. В. Проверка следственных версий — основной метод разрешения следственных ситуаций при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 2(2).
6. Грибунов О. П., Ишигеев В. С. Характеристика личности преступника, совершающего кражи на объектах транспорта // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 2–9.
7. Варданян А. В., Варов И. И. Дискуссионные вопросы формирования исходных следственных ситуаций, типичных для первоначального этапа злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2–2.
8. Закиров С. Г. Выдвижение версий и планирование мероприятий, направленных на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, по приостановленным уголовным делам о грабежах и разбоях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2.

УДК 342.9 © В. И. Сургутсков, 2018

Административный процесс: основные подходы к пониманию и место в современной системе административного права России

В. И. Сургутсков, Омская академия МВД России. E-mail: Surgutskov55@mail.ru

Одной из важнейших задач, стоящих перед учеными-юристами, разрабатывающими проблемы развития административного права, выступает достижение взаимной договоренности по поводу единого понимания понятия и содержания административного процесса и связанного с ним административно-процессуального права. По мнению автора, административный процесс реализуется посредством норм, регулирующих судопроизводство по делам, вытекающим из административных и иных публичных правоотношений. Сформулировано понятие, отражающее процессуальную деятельность органов исполнительной власти, отличное от понятия административного процесса. Перечислены признаки, присущие административному производству как неотъемлемой части процессуальной административной деятельности, основу которой составляют осуществление органами исполнительной власти административных процедур позитивного и юрисдикционного характера и административный процесс.

Ключевые слова: административный процесс; административное производство; административные процедуры; административная юрисдикция; административное судопроизводство; производство по делам об административных правонарушениях.

Administrative Procedure: the Main Approaches to Understanding and its Role in the Modern System of the Russian Administrative Law

V. I. Surgutskov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: Surgutskov55@mail.ru

One of the priorities of legal scholars who study the problems of developing administrative law is seeking mutual agreement on the comprehension of the term and content of administrative procedure and administrative procedural law connected with it. According to the author, administrative procedure is enforced through norms regulating trial proceedings on cases arising from administrative and other public legal relationships. The paper formulates the term reflecting procedural activity of the executive branch of power different from administrative procedure. The author enumerates the features appropriate to administrative proceedings as an integral part of administrative procedural activity based on the performance of administrative processes of positive and jurisdictional character by executive bodies and administrative procedure.

Keywords: administrative procedure; administrative proceedings; administrative processes; administrative jurisdiction; administrative legal proceedings; proceedings on administrative offences.

За последние годы административно-правовая материя, регламентирующая деятельность по разрешению отдельных категорий дел в сфере государственного управления, претерпела значительные изменения и продолжает качественно обновляться. Практически сформировались и накопили обширную правоприменительную и судебную базу административно-правовые институты: обращений граждан и организаций, лицензирования отдель-

ных видов деятельности, государственного контроля (надзора), государственной регистрации, привлечения физических и юридических лиц к административной ответственности.

Такое совершенствование обусловлено многими факторами. Проводимая в Российской Федерации административная реформа направлена прежде всего на повышение качества предоставления государственных услуг, исполнения государственных

функций органами исполнительной власти, обеспечение прозрачности действий их должностных лиц. Заметно возрастает роль граждан и организаций в управлении государством. Видоизменяются задачи и функции государственных органов: от односторонне императивных к договорным и обслуживающим. Постепенно ослабевает контроль государства в административно-хозяйственной сфере. Активное нормотворчество, происходящее на всех уровнях публичной власти, обуславливает повышенный интерес ученых к проблемам, связанным с реализацией компетентными органами материальных норм административного права.

Как справедливо отмечает профессор А. Е. Аврутин, вопросы о соотношении административного процесса, административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях в последние годы стали фактически «фирменным знаком» административно-правовой науки [1, с. 4].

Действительно, понятие «административный процесс» и соответствующее ему определение долгие годы остаются предметом для острых дискуссий. Так, в современной учебной и научной юридической литературе принято выделять по крайней мере четыре концепции относительно содержания административного процесса и связанного с ним административно-процессуального права: юрисдикционную, судебную, управленческую и интегративную.

Юрисдикционная концепция административного процесса связана с именем профессора Надежды Георгиевны Салищевой. Она определяла административный процесс как «...регламентированную законом деятельность по разрешению споров, возникающих между сторонами административного правоотношения, не находящимися между собой в отношениях служебного подчинения, а также по применению мер административного принуждения» [2, с. 16]. Несколько иной подход изложил С. И. Котюргин: «О процессе можно говорить только тогда, когда нарушен запрет, когда гражданин действует несвободно, когда поступки лица подпадают под действие санкций и наступает ответственность в той или иной форме» [3, с. 24]. Такое видение административного процесса можно встретить и в современном законодательстве. Например, в ч. 3 ст. 7 Таможенного кодекса Таможенного союза¹ установлено, что таможенные органы государств-членов Таможенного союза ведут административный процесс (осуществляют производство) по делам об административных правонарушениях. Один из авторов Кон-

ституции РФ профессор С. М. Шахрай, анализируя отдельные положения ст. 72, определившей вопросы совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов, отмечает, что «под административным и административно-процессуальным законодательством, упомянутым в п. „к“ ч. 1 комментируемой статьи, на практике понимается законодательство об административных правонарушениях и о порядке производства по этим делам» [4, с. 94].

В научных работах можно встретить и другое мнение о понятии юрисдикции: как о позитивной регулятивной деятельности, а в случае спора или нарушения правовой нормы — правоохранительной деятельности [5, с. 62].

В своих последних работах Н. Г. Салищева пересмотрела свои взгляды на административный процесс только как на правоприменительный процесс по разрешению в административном порядке споров и применению мер административного наказания, признавая административно-процессуальными отношениями также те, в которых орган публичной власти в пределах своей компетенции, установленной законодательным или иным нормативным правовым актом, обязан рассматривать в определенном порядке обращения (предложения, ходатайства, заявления) не подчиненных ему физических и юридических лиц в связи с реализацией и защитой их прав и охраняемых законом интересов [6, с. 13–22]. Вместе с тем сложно отрицать то значительное влияние, которое оказали идеи ученых, отстаивавших в разные годы в своих работах преимущество именно этой модели административного процесса, на становление и развитие административной юрисдикции в нашей стране и, в особенности, на производство по делам об административных правонарушениях.

Идейный вдохновитель *судебной концепции* административного процесса профессор Ю. Н. Стариков и его последователи отождествляют его с административным правосудием, т. е. с судебным порядком рассмотрения дел, возникающих из административных или иных публично-правовых отношений [7, с. 19; 8, с. 6–10]. При этом производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое судами (судьями), по мнению ученого, находится за рамками административного процесса, как и административно-процедурная деятельность иных государственных органов и их должностных лиц, в том числе связанная с разрешением спора, вызванного подачей административной жалобы. Таким образом, отстаивается традиционная, принятая во многих государствах Западной Европы модель административ-

¹ Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50, ст. 6615.

тивного процесса, который ведется в специализированных судах и направлен на проверку законности действий государственной администрации [9].

Развитие теории советского юридического процесса в 70–80-х гг. прошлого столетия позволило выйти за рамки господствовавшей точки зрения об исключительно принудительном и тяжёлом характере процессуальных норм [10]. «Сущность концепции общего юридического процесса заключается в том, что функции процессуального права нельзя ограничивать только регламентацией принуждения или разрешения гражданско-правовых споров, — писал профессор И. А. Галаган, — что помимо уголовного и гражданского процессов в системе материальных отраслей советского права имеются многочисленные процессуальные нормы и институты, на основе которых осуществляется деятельность по реализации предписаний материально-правовых норм любых отраслей» [11, с. 6].

Основоположник *управленческой концепции* профессор В. Д. Сорокин, автор значимых научных работ, посвященных теории административно-процессуального права, относил административный процесс к числу самостоятельных отраслей российского права, при этом делал важное уточнение: «административный процесс... „происходит“ не от „совокупности“ процессов гражданского и уголовного, отражающих исключительно содержание и особенности судебной власти. У административного процесса совершенно иной „родитель“, а именно: исполнительная власть, реализуемая в деятельности системы весьма разнообразных по своим конкретным целям, задачам, функциям и т. д. государственных органов» [12, с. 172].

В последнее время набирает популярность близкий к управленческому *интегративный* подход к пониманию современного отечественного административного процесса, который, по мнению его приверженцев, представляет собой «комплексную государственную деятельность, осуществляемую публичной администрацией и судебными органами в рамках административных и судебно-административных дел в соответствии с юридическими процедурами, закрепленными в сформировавшемся административно-процессуальном законодательстве (административными и судебно-административными процедурами)» [13, с. 55].

Можно говорить о большей привлекательности, по сравнению с другими, управленческого и интегративного подходов, отражающих широкий взгляд на содержание административного процесса. Однако его сторонники демонстрируют разное понима-

ние места административно-процессуального права в современной системе российского права, а также структуры административного процесса и других не менее значимых вопросов.

Ю. Н. Стариков справедливо отмечает, что в настоящее время в связи с многообразием точек зрения на структуру административного процесса сложно определить даже приблизительно количество выделяемых учеными видов административных производств [14, с. 11].

Кроме того, не все ученые считают современную систему административно-процессуального законодательства сложившейся, чтобы делать вывод о наличии самостоятельной отрасли российского права. «Сейчас такой подход можно оценить как прогноз, — указывает профессор Д. Н. Бахрах, — <...> административно-процессуальное право существует как большая сумма процессуальных норм, систематизированных в рамках отдельных институтов административного права, которые имеют свою процессуальную часть» [15, с. 309–310]. С ним солидарен профессор П. И. Кононов, отмечающий отсутствие «юридических оснований для обособления административно-процессуальных норм... в отдельную самостоятельную отрасль права в связи с отсутствием системообразующего федерального закона — Административно-процессуального кодекса Российской Федерации или хотя бы нескольких подобных законов» [16, с. 5].

Наконец, как существенную проблему следует констатировать отсутствие на федеральном уровне закона, призванного урегулировать однотипные общественные отношения по поводу разрешения дел, связанных с получением специального правового статуса физическими и юридическими лицами и осуществляемых органами исполнительной власти.

Важной вехой развития судебной защиты от произвола властей стало вступление в силу Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ)². По мнению Ю. Н. Старикова, таким образом сделано поступательное движение вперед к «практической реализации конституционно-правовой нормы, устанавливающей административное судопроизводство как специальную форму реализации судебной власти в стране наряду с конституционным, гражданским и уголовным судопроизводством» [17, с. 10].

Содержание указанного нормативного правового акта в целом отвечает тем высоким требованиям, которые предъявляет устоявшаяся столетиями международная судебная практика по разрешению публично-правовых споров между властью и гражд-

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10, ст. 1391.

данином. Вместе с тем необходимость его принятия, а также отдельные положения до сих пор вызывают горячие споры не только в судебном сообществе, но и в научной среде. Отсутствует единство по поводу вопроса о том, является КАС РФ источником административно-процессуального или гражданско-процессуального права. Так, профессор Т. В. Сахнова полагает, что факт принятия КАС РФ «свидетельствует о законодательном обособлении специальных судебных процедур, но никакой новой („нецивильстической“) процессуальной формы не создается» [18, с. 9].

Представляется, что КАС РФ, выполненный в основном по лекалам Гражданского процессуального кодекса РФ³, оригинален прежде всего тем, что определяет активную роль суда при разрешении административных дел, а также специфику некоторых из них. В качестве примера можно привести установление административного надзора или госпитализацию гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке. Главная особенность подобных категорий дел видится в том, что орган власти, иницируя разбирательство, должен доказать свою правоту, а условный административный ответчик (невластная сторона) не только освобождается от такой обязанности, но и находится под защитой суда. Последний при этом осуществляет ярко выраженные контрольные функции.

Хочется надеяться, что конструктивное решение данного вопроса, которое устроило бы все заинтересованные стороны, найдут сами представители юридической науки, занимающиеся проблемами теорий административно- и гражданско-процессуального права. Только в этом случае возможно достижение компромисса.

Еще один проблемный вопрос — определение критериев, позволяющих рассматривать ту или иную совокупность действий, ведущих к определенному юридическому результату, в качестве административного производства.

Выделение административных производств, по нашему мнению, допустимо, если имеются следующие составляющие: 1) наличие индивидуально-конкретного дела, разрешение которого влечет возникновение, подтверждение, изменение или прекращение правоотношения; 2) стадийность действий; 3) принятое уполномоченным субъектом власти решение по делу.

Профессор В. А. Лория перечисляет следующие признаки индивидуального дела: 1) его содержание составляют конкретные, индивидуальные материаль-

ные права и обязанности субъектов; 2) субъекты являются конкретными, индивидуальными; 3) дело материально закреплено в определенной форме, имеет вполне конкретную, установленную в сфере управления форму проявления; 4) во всех случаях рассмотрения и разрешения индивидуальных дел принимаются индивидуальные акты (административные акты), которые характеризуются индивидуальностью своего проявления и действия [19, с. 25–26].

Стадия представляет сравнительно самостоятельную часть производства, которая наряду с общими для всего производства имеет свойственные только ей задачи [20, с. 119]. Решение по административному делу оформляется индивидуальным правовым актом, представляющим собой изданное в односторонней письменной форме в виде документа волеизъявление властного органа, которое устанавливает правовые последствия разрешенного дела.

Ю. Е. Аврутин предлагает не искать в позитивных производствах административный процесс и понимать под процессуальной формой только судебный порядок рассмотрения дел, вытекающих из административных и иных публичных отношений [21, с. 106, 108]. Осмелимся утверждать, что процессуальная форма возможна как в позитивных, так и в юрисдикционных административных производствах, осуществляемых органами исполнительной власти. Профессор П. П. Серков в одной из своих работ с сожалением отмечает отсутствие в доктрине административного права понятия, отражающего процессуальную деятельность органов исполнительной власти, которое устроило бы все стороны указанной отрасли юридической науки [22, с. 174].

Выскажем определенные соображения на данный счет, не претендуя, однако, на безупречную правильность и глубину нашего мнения и его оригинальность. Материальную часть административного права обслуживают три его института, содержащие: 1) процессуальные нормы, регулирующие общественные отношения, складывающиеся по поводу разрешения отдельных категорий дел в сфере позитивного государственного управления (по выдаче лицензий и разрешений, по государственной регистрации, по административному контролю и надзору, и др.); 2) процессуальные нормы, регулирующие административную юрисдикцию или внесудебную деятельность по делам об административных правонарушениях и некоторым категориям негативных дел предупредительно-пресекающего характера (по административным жалобам и спорам, по дисциплинарным проступкам, по аннулированию лицензий и разрешений, и др.); 3) процессуальные нормы,

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

регулирующие административное судопроизводство по делам, вытекающим преимущественно из административных правоотношений (нормы, регулирующие административный процесс).

Указанные институты определяют содержание подотрасли административного права, основу которой составляют процессуальные нормы об административных процедурах (административно-процедурное законодательство) и административно-процессуальные нормы (административно-процессуальное законодательство). Предлагаем именовать данную подотрасль процессуальным административным правом. В настоящее время административно-процессуальное законодательство регулирует административное судопроизводство по делам об административных правонарушениях и по административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ⁴.

Процесс осуществления органами исполнительной власти административных процедур как понятие, отражающее процессуальную деятельность

органов исполнительной власти, следует отличать от административного процесса, которым называется исключительно правосудие по делам, вытекающим из административных и иных публичных правоотношений. Процессуальная форма административных процедур есть не что иное, как порядок осуществления органами исполнительной власти отдельных категорий дел, влекущих правовые последствия. Полагаем, что только осознание необходимости выбора номинального определения административного процесса позволит преодолеть размытость его понятия в современной научной юридической литературе.

Кроме того, считаем целесообразным изменить наименование научной специальности 12.00.14 «Административное право; административный процесс», с учетом высказанной в настоящей работе позиции, на 12.00.14 «Административное право; административные процедуры; административный процесс», что, в свою очередь, должно найти отражение в паспорте названной специальности.

Список литературы

1. Аврутин Ю. Е. О соотношении административного процесса, административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные вопросы публичного права. 2015. № 1.
2. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М., 1964.
3. Котюргин С. И. Понятие, принципы и формы административно-процессуальной деятельности милиции. Омск, 1973.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М., 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Головкин В. В. Понятие и признаки административной юрисдикции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4.
6. Административный процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры / Н. Г. Салищева [и др.] ; под ред. М. А. Шатиной. М., 2015.
7. Стариков Ю. Н. Административный процесс в трудах профессора В. Д. Сорокина: «управленческая концепция» и ее значение для науки административного права // Административное право и процесс. 2007. № 1. С. 19.
8. Стариков Ю. Н. О двух главных современных направлениях развития административного и административно-процессуального законодательства (тезисы) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 3.
9. Ежегодник публичного права — 2015: Административный процесс / Б. К. Аманалиева [и др.]. М., 2015. 464 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985.
11. Процессуальные нормы и отношения в советском праве (в «непроцессуальных отраслях»). Воронеж, 1985.
12. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.
13. Стахов А. И. Интегративный подход к пониманию административного процесса в России // Административное право и процесс. 2015. № 2.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

14. *Старилов Ю. Н.* Административный процесс: «административная подделка ради легкости административных воздействий» или Способ усиления судебного контроля над администрацией // *Полицейское право*. 2006. № 4.

15. *Бахрах Д. Н.* Административное право России : учебник для вузов. М., 2001.

16. *Кононов П. И.* О предмете современного российского административного права // *Административное право и процесс*. 2011. № 3.

17. *Старилов Ю. Н.* Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: значение для судебной и административной практики и проблемы организации преподавания учебного курса // *Административное право и процесс*. 2015. № 7.

18. *Сахнова Т. В.* Достижимо ли единство цивилистического процесса? (в контексте концепции единого ГПК РФ и Кодекса административного судопроизводства) // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2015. № 4.

19. *Лория В. А.* Административный процесс и его кодификация. Тбилиси, 1986.

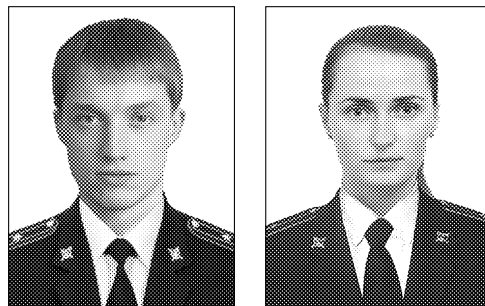
20. *Бахрах Д. Н., Ренов Э. Н.* Административная ответственность по российскому законодательству. М., 2004.

21. *Аврутин Ю. Е.* Процессуально-правовые формы обеспечения консенсуса в сфере публичного управления // *Журнал российского права*. 2014. № 10.

22. *Серков П. П.* Административное судопроизводство и административный процесс // *Актуальные проблемы административного судопроизводства : мат-лы всерос. науч. практ. конф. (Омск, 28 ноября 2014 г.) / отв. ред. Ю. П. Соловей. Омск, 2015.*

УДК 342.95 © А. Г. Репьев, Е. В. Красилова, 2018

Административно-правовые меры охраны здоровья граждан (на примере пресечения реализации крепких спиртных напитков непромышленного производства)

А. Г. Репьев, Барнаульский юридический институт МВД России. E-mail: rejev-artem@yandex.ru
Е. В. Красилова, Управление МВД России по г. Барнаулу. E-mail: p-o-l-y-a94@yandex.ru

Из всей совокупности деяний, оказывающих негативное влияние на здоровье людей, наибольшие опасения в настоящее время вызывает реализация крепких спиртных напитков непромышленного производства. Меры, предпринятые государством по законодательному ограничению их распространения и установлению за это административной ответственности, к сожалению, оказались не до конца проработанными. Неоднозначно сконструированная норма ст. 14.17.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающая ответственность за реализацию алкогольной продукции физическими лицами, вывела из-под действия закона ряд распространенных крепких спиртных напитков (самогон, брага и пр.). Как следствие, у правоохранительных органов возникли сложности по пресечению данного общественно вредного деяния. Рассмотрение дел об административных правонарушениях этой категории свидетельствует о неоднозначной практике применения нормы закона и существенных различиях при назначении наказания. Предложения, высказанные авторами, могут способствовать устранению образовавшегося правового пробела и повысить эффективность правоприменительной деятельности органов правопорядка, упрочить законность юрисдикционной деятельности судей.

Ключевые слова: охрана здоровья; алкоголизм; спиртной напиток; административная ответственность.

Measures of Administrative Law to Protect Citizen Health (exemplified by suppressing sale of strong alcohol drinks of non-profit manufacturing)

A. G. Repev, the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: rejev-artem@yandex.ru
Ye. V. Krasilova, the Directorate of the Russian Ministry of Internal Affairs in Barnaul. E-mail: p-o-l-y-a94@yandex.ru

Among all the acts negatively influencing people's health the most dangerous one is selling strong alcohol drinks of non-profit manufacturing. Unfortunately, measures taken by the state to legislatively limit their spread and establish administrative responsibility for it have not been thoroughly developed. The ambiguous norm of Article 14.17.1 of the Russian Code of Administrative Offences providing responsibility for selling alcohol production to individuals has excluded some common strong alcohol drinks (e.g. home-brewed alcohol beverages). Consequently, it is difficult for law enforcement agencies to suppress this socially dangerous act. Considering administrative offences of this category reveals the ambiguous practice of using legal norms and significant distinctions in imposing punishment. The authors suggest some recommendations which can eliminate the gap in law, increase effectiveness of law enforcement agencies and strengthen legality of jurisdictional activity of the courts.

Keywords: protection of health; alcoholism; alcohol drink; administrative responsibility.

Действующее российское законодательство достаточно подробно регламентирует обеспечение прав человека на здоровье. К сожалению, с каждым годом появляются новые средства негативного воздействия на здоровье людей. Законодатель не всегда в полной мере и оперативно может реагировать на потребности общества, в частности в сфере охраны здоровья. В данной работе мы рассматриваем сферу

административно-правового обеспечения прав человека на здоровье в связи с реализацией крепких спиртных напитков домашней выработки, на основе анализа деятельности органов внутренних дел Алтайского края и г. Барнаула.

Происходящая в последние годы тотальная алкоголизация населения России заставляет серьезно задуматься. Все чаще одной из причин совершения

правонарушений и преступлений становится алкогольное опьянение. По итогам 11 мес. 2017 г. на территории г. Барнаула 312 преступлений совершены хроническими алкоголиками, что на 61,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Количество указанных лиц, совершивших общественно опасные деяния на территории Алтайского края, крайне велико — 806 человек¹.

Рост преступлений, совершенных в состоянии опьянения, в 2016 г. составил 9,8%. Удельный вес так называемой пьяной преступности в общей структуре всех общественно опасных деяний, совершенных за 11 мес. 2017 г., составляет 33,8%².

Ввиду ряда объективных причин в настоящее время наибольшую угрозу для общества представляют крепкие спиртные напитки домашней выработки. Это обусловлено следующими факторами:

— во-первых, относительная простота изготовления данных напитков в бытовых условиях (не требуется сложное технологическое оборудование, затраты рабочей силы и пр.);

— во-вторых, отсутствие необходимости получения специального разрешения (лицензии) для производства в целях личного потребления;

— в-третьих, процесс не предполагает гарантий качества продукта, а значит, не обеспечивает безопасности потребления и не исключает рисков, связанных с причинением вреда здоровью;

— в-четвертых, наличие спроса на данные продукты в силу невысокой стоимости, особенно в сельской местности;

— в-пятых, документирование факта продажи таких продуктов вызывает объективные сложности у правоохранительных органов; получение информации о местах реализации этих напитков, сбора доказательств совершенного правонарушения и привлечение лица к ответственности является весьма трудоемким и проблематичным.

Рассматривая вопрос правового регулирования сферы распространения крепких спиртных напитков домашнего производства в России, нельзя не затронуть социально-исторический аспект. К сожалению, отсутствие культуры потребления алкоголя некоторой частью населения, сложившийся годами менталитет часто приводят к заболеванию алкоголизмом. По последним данным Роспотребнадзора,

количество алкоголиков в нашей стране превысило отметку в 5 млн человек или 3,4% всего населения. Социальные последствия злоупотребления алкоголем печальны: 62,1% самоубийств, 72,2% убийств, 60,1% смертей от панкреатита, 67,7% — от цирроза и 23,3% — от сердечно-сосудистых заболеваний приходится на людей, злоупотребляющих алкоголем³. Для многих сограждан выпивать в большом количестве, стремясь к сильному опьянению, стало привычкой. К сожалению, без алкоголя для многих наших соотечественников не проходит ни одно событие.

В свете сказанного очевидно, что назрела необходимость повышения эффективности административно-правового обеспечения прав человека на здоровье в сфере алкогольного регулирования.

Стоит отметить достаточно важные нормативные правовые акты, принятые государством для снижения реальной опасности алкоголизации⁴. Их цель состоит в ограничении уровня потребления алкогольной продукции, повышении эффективности системы профилактики злоупотребления спиртным и регулирования рынка этих услуг.

Среди мер по сокращению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации наиболее распространены:

— пропаганда здорового образа жизни среди детей и молодежи;

— разработка и реализация мер антиалкогольной политики в местах работы граждан, основанной на просвещении, профилактике, раннем выявлении и лечении алкогольной зависимости;

— усиление мер административно-правового регулирования в области производства и оборота алкогольной продукции, в том числе изготавливаемой с нарушением требований к данному процессу на несертифицированном оборудовании, в домашних условиях и пр.

На последнем из представленных аспектов хотелось бы остановиться более детально. На сегодняшний день сфера производства и оборота алкогольной продукции в России регулируется Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей про-

¹ Статистические данные Информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю.

² Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: <http://10.5.0.16/csi/> (дата обращения: 08.12.2017).

³ Статистика алкоголизма в России. URL: <http://bikersky.ru/vrednye-privychki/statistika-alkogolizma-v-rossii.html> (дата обращения: 28.11.2017).

⁴ Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 2128-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 2, ст. 264 ; Об утверждении Концепции по информированию населения Российской Федерации о вреде злоупотребления алкоголем : приказ Минздрава России от 30 июня 2016 г. № 448. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»⁵ (далее — Федеральный закон № 171-ФЗ). Нормативный акт устанавливает правовые основы производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, ограничения и запреты по ее потреблению (распитию) в Российской Федерации. Иначе говоря, данная деятельность является строго регламентированной, ею разрешено заниматься сельскохозяйственным товаропроизводителям или индивидуальным предпринимателям на сертифицированном оборудовании.

Если порядок распространения алкогольной продукции, имеющей сертификаты соответствия и предусмотренные маркировки, определен указанным нормативным правовым актом, то оборот алкогольной продукции, произведенной в домашних условиях, в достаточной мере не урегулирован. Данная сфера общественных отношений законом не охраняется, на что ранее обращалось внимание учеными [1, с. 101].

До недавнего времени Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) не содержал норм, предусматривающих ответственность за распространение крепких спиртных напитков домашней выработки. Как правило, за реализацию такой продукции правонарушители привлекались по статьям 14.1 «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)» и 14.2 «Незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена» КоАП РФ. Однако хранение и сбыт крепких спиртных напитков домашней выработки вышеуказанными составами не охватывается. В связи с этим деятельность полиции в основном сосредоточена на выявлении нарушений правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции промышленного производства (ст. 14.16 КоАП РФ), и данных фактов задокументировано немало. Так, за 11 мес. текущего года органами внутренних дел Алтайского края выявлено 543 общественно вредных деликта по вышеуказанной статье, изъято 104 035 литров алкогольной продукции, 11 815 литров этилового спирта, оборот которого нарушен⁶.

Летом 2017 г. КоАП РФ пополнился еще одной статьей. Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления ответственности за незаконную продажу алкогольной продукции»⁷ была внесена статья 14.17.1 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции физическими лицами», которая содержит перечень продукции, при продаже физическим лицом которой наступает административная ответственность. К такой продукции, исходя из текста, относятся: пиво, пивные напитки, сидр, пуаре, медовуха. Однако перечисленные спиртные напитки, во-первых, достаточно редко изготавливаются в домашних условиях и, соответственно, маловероятно, что будут реализовываться в отдаленной сельской местности и пр. Во-вторых, данная продукция не является разновидностью крепких спиртных напитков. К последним относятся: самогон, чача, арака, тутовая водка, брага и др.

Видимо, недостаточная с точки зрения юридической техники проработка данного нормативного правового акта отчасти послужила причиной неоднозначной правоприменительной практики. Суды за одно и то же правонарушение привлекают к ответственности по разным статьям КоАП РФ. Например, «Гражданка К., в нарушение требований Федерального закона РФ от 29 июля 2017 г. ФЗ-265 «О внесении в изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях в части усиления ответственности за незаконную продажу алкогольной продукции», реализовала спиртосодержащую жидкость „самогон“ в количестве 0,5 литра без соответствующей лицензии на розничную продажу алкогольной продукции. Согласно заключению эксперта представленная на исследование жидкость является спиртосодержащей жидкостью домашнего изготовления типа „самогон“ крепостью 51,5%. В ходе рассмотрения дела К. вину в совершении данного административного правонарушения признала». Суд постановил признать К. виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ, и подвергнуть наказанию с применением п. 2.2 ст. 4.1 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере 10 000 (десяти тысяч) рублей в доход государства⁸.

⁵ О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции : федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48, ст. 4553; 2017. № 31 (ч. I), ст. 4827.

⁶ Статистические данные Информационного центра ГУМВД России по Алтайскому краю.

⁷ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления ответственности за незаконную продажу алкогольной продукции : федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 265-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I), ст. 4814.

⁸ Постановление Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 14 сентября 2017 г. по делу № 5-1030/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-almetevskij-gorodskoj-sud-respublika-tatarstan-s/act-559468649/> (дата обращения: 28.09.2017).

Другой пример: «В нарушение требований ст. 18 Федерального закона от 22 ноября 1999 г. № 171-ФЗ, не имея разрешения (лицензии) на реализацию алкогольной продукции, гр. К. из своей квартиры реализовала 0,5 литра спиртосодержащей жидкости за 100 руб. гр. Д., тем самым совершила административное правонарушение, предусмотренное ст. 14.2 КоАП РФ. Заключение эксперта представленный на исследование образец жидкости признан спиртосодержащим, а именно крепким спиртным напитком домашней выработки — самогоном. Объемная доля этилового спирта в представленных образцах жидкости составила 41%. Суд постановил признать Д. виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.2 КоАП РФ, и назначить ей наказание в виде штрафа в размере 1500 (одной тысячи пятисот) рублей с конфискацией предметов административного правонарушения»⁹.

Анализируя два постановления по делу об административном правонарушении, необходимо заметить, что деяния идентичные, и выразились в незаконной реализации крепкого спиртного напитка домашней выработки (в данных случаях — самогона). Вместе с тем правоприменитель неодинаково истолковал эти события, применив разные нормы административного законодательства, и, что логично, существенно отличающиеся друг от друга санкции. За привлечение к ответственности по ст. 14.2 КоАП РФ может быть наложен административный штраф в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей. Статья 14.17.1 КоАП РФ влечет наложение административного штрафа в размере от 30 до 50 тыс. рублей. Кроме того, в диспозициях статей прямо не детализировано, реализация какого вида крепкого спиртного напитка домашней выработки запрещена. Вызывает недоумение тот факт, что судьи пришли к разным выводам при рассмотрении аналогичных деяний. С точки зрения законности и справедливости вряд ли можно назвать такое положение дел верным.

Как известно, административное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Этот аспект в данном случае крайне важен, поскольку в некоторых регионах этот вопрос охватывается местными нормативными правовыми актами. Например, в Кодексе Пензенской области об административных правонарушениях¹⁰ существует отдельная глава, посвященная указанным общественным отношениям.

Однако в большинстве регионов отсутствуют как статьи, регулирующие рассматриваемые сферы, так и соглашения между Российской Федерацией и субъектом о полномочиях должностных лиц органов внутренних дел (полиции) по составлению соответствующих протоколов административных правонарушений за реализацию спиртосодержащих и крепких спиртных напитков домашней выработки [2, с. 141–146].

Действительно, использование возможностей регионального законодательства — это действенный способ урегулировать те или иные общественные отношения, с поправкой на специфику города или субъекта Российской Федерации. Однако проблема реализации крепких спиртных напитков домашней выработки уже давно вышла из группы отношений, характерных для отдельно взятых регионов. Для ее решения на федеральном уровне, в первую очередь, следует уточнить понятийный аппарат, поскольку даже дефиниция «крепкий спиртной напиток домашней выработки» отсутствует. Отчасти ввиду этого на территории Российской Федерации отсутствует единый подход к ответственности за реализацию крепких спиртных напитков домашней выработки.

Резюмируя сказанное, полагаем необходимым предложить меры, направленные на урегулирование данной проблемы. Выход из сложившейся ситуации видится во внесении изменений в ст. 14.17.1 КоАП РФ.

В части первой указанной нормы после слов «...без образования юридического лица (индивидуальным предпринимателем), осуществляющим розничную продажу пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи» следует добавить «либо иного крепкого спиртного напитка, в том числе, непромышленного производства».

Кроме того, необходимо дополнить ст. 2 Федерального закона № 171-ФЗ «Основные понятия, используемые в настоящем федеральном законе» нормами, которые регулировали бы понятийный аппарат в данной сфере. К таким понятиям относятся следующие:

1) *крепкие спиртные напитки непромышленного производства* — жидкости любого цвета с содержанием спирта более 18% объема готовой продукции, полученные путем перегонки спиртосодержащих жидкостей или любым другим способом отделения алкогольной массы от продуктов брожения зерна, картофеля, винограда, сахара и других продуктов;

2) *производство крепких спиртных напитков непромышленного производства* — получение кустар-

⁹ Постановление Мирного судьи судебного участка № 3 Аскизского района Республики Хакасия от 14 сентября 2017 г. по делу № 5-209/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-3-askizskogo-rajona-s/act-239239703/> (дата обращения: 28.09.2017).

¹⁰ Кодекс Пензенской области об административных правонарушениях : закон Пензенской области от 02 апреля 2008 г. № 1506-ЗПО // Пензенские губернские ведомости. 2008. № 17.

ным способом крепких спиртных напитков путем брожения углеводосодержащего сырья, а также путем отделения алкогольной массы от продуктов брожения углеводосодержащего сырья в домашних условиях;

3) *розничная продажа крепких спиртных напитков непромышленного производства* — умышленные действия лица, направленные на возмездную или безвозмездную передачу другим лицам крепких спиртных напитков непромышленного производства (продажа, дарение, уплата долга, дача взаймы и иные формы распространения).

Использование опыта регионов на уровне федерального законодательства — это хорошая возможность урегулировать те или иные общественные отношения, закрепить единый подход к предупреждению и документированию общественно опасного деяния. К сожалению, не в каждом субъекте федерации сфера реализации крепких спиртных напитков домашней выработки в полной мере регулируется законом. Поэтому правоприменительные органы ждут от законотворческих институтов своевременных мер реагирования, сообразных назревшей проблеме.

Список литературы

1. *Бадулин А. Д.* Административная ответственность за нарушения порядка производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. *Ефанов С. И.* Незаконный оборот алкогольной продукции в жилом секторе: проблемы применения законодательства // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии.* 2016. № 1-1.

Основания защиты интеллектуальных прав на средства индивидуализации

С. С. Болотин, Тюменский государственный университет. E-mail: bolotin.ss@yandex.ru

Отсутствие общепринятого понимания средств индивидуализации и столь значительные и неоднозначные различия в правовых механизмах их охраны и режима в мировых тенденциях и в России весьма негативно сказываются на возможностях охраны их владельцев и/или собственников от противоправных посягательств. Впервые в юридической литературе предложена попытка раскрытия оснований защиты интеллектуальных прав на средства индивидуализации через такие категории диалектики, как форма и содержание. В качестве оснований автор определяет: принадлежность объекта к объектам интеллектуальных прав; наличие исключительного права после надлежащей регистрации прав на объект; факт противоправных действий со стороны других лиц; наличие лицензионного договора. Автор исследует и условия для обращения правообладателя в суд за защитой. Специальному анализу подвергнуты различия в подходах арбитражных судов к доказыванию фактов нарушения интеллектуальных прав.

Ключевые слова: интеллектуальные права; исключительное право; лицензионный договор; правообладатель; средства индивидуализации; товарный знак; коммерческое обозначение; фирменное наименование.

Grounds for Protecting Intellectual Rights to the Means of Individualization

S. S. Bolotin, Tyumen State University. E-mail: bolotin.ss@yandex.ru

Lack of conventional understanding of means of individualization and such significant and ambiguous distinctions in legal mechanisms of their protection and regime in the world trends and in Russia negatively affect means of protecting their holders and/or owners from unlawful infringements. For the first time in legal literature an attempt is made to explain the grounds for protecting intellectual rights to the means of individualization through such categories of dialectics as form and content. The following aspects are determined by the author as these grounds: the object's belonging to the objects of intellectual rights; exclusive right after proper registration of rights to the object; the fact of illegal acts from other persons; license contract. The article also studies the conditions for the right-holder to appeal to the court for defence. Different approaches of arbitration courts to proving facts of violation of intellectual rights are thoroughly investigated.

Keywords: intellectual rights; exclusive right; licensing contract; right-holder; means of individualization; trade mark; commercial name; firm name.

Понятия «охрана прав» и «защита прав» не являются синонимами. На это также обращает внимание Т. В. Краснова: «Охрана... полагаем, призвана обеспечить целостность, прочность, неприкосновенность для неопределенного круга внешних угроз. Функциональные задачи охраны связаны с совершенствованием... механизма осуществления прав. Защита, как „щит“, призвана обеспечить направленное противодействие определенной внешней силе — угрозе нарушения права. Классически в теории такое противодействие выражается в профилактике правонарушения, пресечении правонарушения и восстановлении нарушенного права» [1, с. 20].

В соответствии с положениями ст. 44 Конституции Российской Федерации «интеллектуальная собственность охраняется законом». Аналогичное положение содержится и в п. 2 ст. 1225 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ). Однако в Кодексе, помимо провозглашения защиты интеллектуальной собственности, закреплена также дефиниция данного понятия. Так, в соответствии с ГК интеллектуальной собственностью признаются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, предпринимателей, товаров и услуг, которым предоставляется правовая охрана.

Таким образом, в качестве первого основания защиты можно выделить *отнесение охраняемых общественных отношений к объектам интеллектуальной собственности*. Данное основание означает, что защите (в смысле ст. 1250 ГК РФ) подлежат только интеллектуальные права на объекты интеллектуальной собственности, указанные в ст. 1225 ГК РФ.

Предполагается, что при наличии законодательного закрепления термина «интеллектуальная собственность» проблем с отнесением каких-либо объектов гражданского оборота к «результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации» на практике не должно возникать (за исключением, конечно, новых, не известных ранее законодателю объектов).

Этого, к сожалению, нельзя сказать о другом основании для защиты — об *исключительном праве*. До введения в действие части четвертой ГК РФ законодательство закрепляло точное определение термина «исключительное право», которое полностью отождествлялось с понятием «интеллектуальная собственность», содержащимся в ст. 138 ГК РФ. Данная формулировка была неоспорна, но необходима для формирования единого понятийного аппарата. В настоящее время подобная тождественность словосочетаний отсутствует. Похожей позиции придерживаются и М. С. Можаяев [2], В. И. Еременко [3].

Между тем понимание исключительного права на данный момент является определяющим при защите интеллектуальных прав на средства индивидуализации, так как только наличие исключительного права позволяет правообладателю использовать принадлежащее ему средство индивидуализации по своему усмотрению и запрещать это использование другим. Ввиду того, что право авторства на средства индивидуализации законодательством не признается, лишь нарушение имущественных интересов является в данном случае единственным основанием для обращения за восстановлением нарушенных прав.

Термин «исключительное право» законодатель впервые употребил в 1812 г.: «Получивший привилегию имеет следующие права: 1) он один может в určenное привилегией время пользоваться изобретением или открытием, яко неотъемлемой и исключи-

тельной его собственностью...»¹. При этом в контексте и прошлого, и современного законодательств, до недавнего времени этот термин применялся сугубо к характеристике прав субъекта в отношении определенных результатов интеллектуальной деятельности. К сожалению, до сих пор ни законодатель, ни судебная практика не дают четких критериев понятия «исключительное право».

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» высшие суды оперируют термином «исключительное право», не давая при этом его дефиниции и не раскрывая основных признаков².

Тот же подход преобладает и в судебных решениях по конкретным делам³.

Применительно к ч. 4 ГК РФ термин «исключительное право» жестко связывает ограниченный круг субъектов интеллектуальной деятельности с исчерпывающим перечнем объектов интеллектуальной собственности (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации). Таким образом, в отношении результатов интеллектуальной деятельности термин «исключительное право» применяется в смысле особого обладания и особого порядка использования и распоряжения этим обладанием соответствующим субъектом. Диспозиция упомянутых выше гражданско-правовых норм в отношении интеллектуальных прав исключает возможность распространения этого термина («исключительное право») на иных субъектов и на другие объекты гражданско-правовой охраны.

Если мы обратимся к значению понятия «исключение», «исключительный», то современный русский язык толкует это следующим образом: «исключение — то, что не подходит под общее правило, отступление от него»; «исключительный — являющийся исключением, не распространяющийся на всех» [4, с. 125]. В словаре В. И. Даля указано: «исключительный — особенный, отдельный, частный, составляющий собою исключение, изъятие» [5, с. 156]. Вероятно, законодатель хотел подчеркнуть отличие данного права (права на результаты интеллектуальной

¹ Высочайший Манифест о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах 17 июня 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 32. № 25143.

² О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 6.

³ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума ВАС РФ от 5 ноября 2013 г. № 9457/13 по делу № А40-92833/11-110-768. Там же; Постановление Президиума ВАС РФ от 27 ноября 2012 г. № 9414/12 по делу № А13-8185/2011. Там же; Решение Верховного Суда РФ от 11 октября 2010 г. № ГКПИ10-824. Там же.

собственности, деятельности) от других аналогичных прав субъекта на соответствующие гражданско-правовые объекты охраны (собственность, доходы, иные имущественные права и т. д., и т. п.). Но в этом случае следовало бы более четко, на законодательном уровне закрепить принципиальное отличие «исключительное право» от всех иных, смежных понятий, дабы исключить их смешение.

Несколько иную позицию высказывает А. С. Ворожечин: «Необходимо трансформировать сам подход к рассмотрению исключительного права — перейти от простой констатации, что оно предоставляет возможность использовать (запрещать использование), к пониманию его в качестве совокупности срочных дискреционных правомочий субъекта осуществлять контроль посредством методов запрета и разрешения за коммерческим использованием конкретного ОИС (объект интеллектуальной собственности — С. Б.) в целях:

а) на индивидуальном уровне — получения прибыли от коммерциализации ОИС (предоставления прав на него иным лицам) в качестве своеобразной награды за вложенные интеллектуальные и иные средства в разработку, создание общественно полезного блага;

б) на общественно-государственном — эффективизации экономической системы, научного прогресса, получения продуктов с улучшенными свойствами...» [6].

Для анализа оснований защиты интеллектуальных прав представляется более правильным исследовать данную проблематику в контексте диалектического подхода — с позиций формы и сущности соответствующего явления, где «исключительное право» — это сущность интеллектуальных прав, в том числе и прав на средства индивидуализации, а формой этих прав будет выступать регистрация. Следовательно, формальным основанием в данном смысле является факт регистрации средства индивидуализации. Именно наличие регистрации (как факта признания государством или несколькими государствами в лице уполномоченных органов) является другим (помимо наличия самого исключительного права) правовым основанием для защиты исключительного права на средства индивидуализации.

Соблюдение формы служит важным фактором защиты, так как форма выступает таким же обязательным элементом, как и содержание (интеллектуальное право). Иными словами, отсутствие формы,

т. е. факта регистрации, будет достаточным основанием для отказа в защите данного права.

Определенные содержательные аспекты регистрации фирменного наименования обозначает и действующий ГК РФ. Также ряд формализованных требований законодатель выдвигает и при регистрации таких объектов, как фирменное наименование, товарный знак и наименование места происхождения товара.

Третьим правовым основанием защиты, на наш взгляд, должен выступать сам *факт нарушения исключительного права*. При этом факт нарушения права может быть подтвержден соответствующими лицами или органами, имеющими определенные властно-распорядительные полномочия или реализующие от имени государства, субъекта Федерации, муниципального органа иные исполнительные функции, или может существовать без такого подтверждения, но иметь место в действительности в виде неправомερных решений или действий соответствующих физических или юридических лиц. Например, правообладатель доказал нарушение исключительных прав на зарегистрированный товарный знак путем приобщения видеозаписи процесса покупки⁴.

Четвертое основание защиты носит уже факультативный (дополнительный) характер. Это — *заключение лицензионного договора с правообладателем*. «При применении статьи 1254 ГК РФ необходимо учитывать, что она не предоставляет лицензиатам-обладателям простой (не исключительной) лицензии права защищать свои права способами, предусмотренными статьями 1250 и 1252 Кодекса. Таким правом обладают только лицензиаты-обладатели исключительной лицензии»⁵. Суть этого факультативного признака состоит в том, что наличие его самого по себе еще не является достаточным основанием для защиты интеллектуального права. В качестве такого основания он включается только при наличии дополнительных условий.

Однако наличие оснований на практике не выступает исчерпывающим и абсолютным условием защиты прав. Нередко возникает необходимость в процессуальной составляющей: необходимо доказывание как собственно факта нарушения, так и обязательности защиты права. Суд принимает решение, основываясь не на факте нарушения прав, а на доказанности этого факта. Так, суд отказал во взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки, оценив образцы товара, товарный

⁴ Решение Арбитражного суда Иркутской области от 24 июля 2014 г. № А19-3657/2014. URL: <http://www.irkutsk.arbitr.ru> (дата обращения: 01.04.2018).

⁵ О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чек, отчет о мониторинге (закупке), прийдя к выводу об отсутствии доказательств, безусловно и объективно подтверждающих юридически значимые обстоятельства, позволяющие установить нарушение ответчиком исключительных прав истца на товарные знаки⁶. Факт нарушения в соответствии со ст. 69 АПК РФ⁷ может быть установлен другим арбитражным судом в другом деле между этими же сторонами, что, в свою очередь, позволит суду не оценивать вновь представленные доказательства ввиду их преюдициальности⁸.

Ответчик сам может предоставлять доказательства правомерности использования им спорных обозначений для своей продукции⁹. Однако и без представления доказательств со стороны ответчика суд может принять решение об отказе в удовлетворении требований, самостоятельно установив отсутствие факта нарушения исключительных прав. Например, судом было установлено, что использование ответчиком при производстве торта по индивидуальному заказу изображений персонажей анимационного сериала не является их распространением применительно к п. 1 ст. 1270 ГК РФ и не нарушает исключительные права истца на данные изображения¹⁰.

Необходимо отметить, что ранее в юридической литературе поднимался вопрос оснований применения гражданско-правовых средств и способов защиты, сходных по своей правовой природе со средствами индивидуализации юридических лиц, работ, услуг и предприятий авторских и смежных прав.

Так, по мнению А. И. Кузеванова, к ним относятся: «1) совершение правонарушения; 2) отрицание права или непризнание его каким-либо иным образом; 3) совершение действий, создающих угрозу нарушения авторских, смежных прав и охраняемых законом интересов» [7, с. 25]. В настоящей работе позиция автора существенно расходится с изложенной выше и предусматривает другие основания для защиты интеллектуальных прав, ибо перечисленные Кузевановым основания, на наш взгляд, все можно отнести к одному пункту — нарушение прав, а остальные основания Кузевановым не рассматриваются.

Итак, на основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Как на законодательном, так и на доктринальном уровнях не установлены дефиниция и существенные признаки понятия «исключительное право».

2. Следует выделить три обязательных (основных) и одно факультативное основания защиты интеллектуальных прав на средства индивидуализации:

— принадлежность охраняемого объекта к объектам интеллектуальных прав в соответствии со ст. 1225 ГК РФ;

— наличие исключительного права, полученного после регистрации средства индивидуализации;

— наличие факта нарушения исключительного права;

— заключение лицензионного договора с правообладателем (факультативное).

Список литературы

1. Краснова Т. В. Перспективы развития института защиты родительских прав // Семейное и жилищное право. 2016. № 5.
2. Можяев М. С. Интеллектуальная собственность: понятие, содержание и особенности исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Еременко В. И. О некоторых проблемах правовой охраны наименований некоммерческих организаций. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М., 1987.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1981.
6. Ворожевич А. С. Исключительное право: сущность, принципы и пределы защиты. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Кузеванов А. И. Общая характеристика механизма охраны и защиты объектов авторских и смежных прав в Российской Федерации // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 7.

⁶ Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12 ноября 2012 г. по делу № А11-10567/2011. Там же.

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

⁸ Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 27 декабря 2012 г. по делу № Ф03-5809/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 декабря 2012 г. по делу № А56-69701/2011. Там же.

¹⁰ Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 16 ноября 2012 г. № Ф09-10735/12. Там же.

УДК 342.9:336.7 © Э. А. Джойс, А. А. Симаков, 2018

Цифровой суверенитет и правовое регулирование пиринговых платежных систем

Э. А. Джойс, Омская академия МВД России. E-mail ella_smk@mail.ru
А. А. Симаков, Омская академия МВД России. E-mail alex_smkv@yahoo.com

Защита суверенитета государств определила направление вектора развития международных отношений в начале XXI в. Современные информационные технологии вносят кардинальные коррективы в регулирование отношений между лицами, обществами, государствами. Новые возможности, которые предоставляют телекоммуникационные системы, позволили беспрепятственно вторгаться в различные сферы деятельности государств, осуществляя информационную агрессию по отношению к странам, не способным защитить свой цифровой суверенитет. Отсутствие в международном праве норм, регулирующих вопросы информационной безопасности, привело к отсутствию у многих стран возможности отразить вторжение в свое информационное пространство. Глобальные изменения затронут в ближайшее время международную финансовую систему. Без оценки тенденций развития новой международной финансовой системы, в основе которой лежат информационные технологии, и правового регулирования уже складывающихся отношений в этой области, мы не сможем сохранить суверенитет нашего государства.

Ключевые слова: информационная безопасность; цифровой суверенитет; криптовалюта; биткоин; пиринговые платежные системы; DarkNet; технология Tor; Интернет.

Digital Sovereignty and Legal Regulation of Peering Payment Systems

E. A. Joys, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail ella_smk@mail.ru
A. A. Simakov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail alex_smkv@yahoo.com

Protection of state sovereignty determined the development of international relations in the early 21st century. Modern information technologies are making fundamental changes in the regulation of relations between people, societies and states. New opportunities given by telecommunication systems allowed free intervention into various spheres of national activity and informational aggression against the states unable to defend their digital sovereignty. Lack of international legal norms regulating the issues of information security led to the situation when many countries fail to respond to intervention into their informational sphere. Global changes in the nearest future will affect the world financial system. If there is no estimate of developments of a new world financial system, basing on information technologies, and legal regulation of the established relations in this field, it will be impossible to preserve the sovereignty of our state.

Keywords: information security; digital sovereignty; cryptocurrency; bitcoin; peering payment systems; DarkNet; Tor technology; Internet.

Деньги в обращении обладают двумя свойствами — анонимностью и подтверждением права на приобретение товара или услуги. При осуществлении любой покупки номиналом денежной купюры подтверждается право на приобретение вещи, причем без идентификации личности.

При появлении коммерческих отношений в глобальной сети Интернет возникла потребность обеспечить удобный механизм расчетов за товары и услуги. В Интернете распространены следующие формы оплаты: безналичный расчет, электронные платежные системы и криптовалюты. И только последняя система может обеспечить в виртуальном пространстве оба свойства, присущие обычным купюрам.

Оплата с помощью пластиковых карт (безналичным расчетом) характеризуется отсутствием анонимности при осуществлении транзакции, т. е. происходит идентификация клиента, его покупки и стоимости покупки, наличие банковского счета обязательно.

Электронные платежные системы (в соответствии с Федеральным законом «О национальной платежной системе») являются формой безналичных расчетов (ст. 7)¹. Хотя в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 862) нет явного указания на названную форму расчетов, в новой редакции документа «Положение о правилах осуществления перевода денежных средств», утвержденного Банком России, расчет в форме перевода электронных денежных средств определяется как одна из форм безналичного расчета².

Определение безналичного денежного оборота предполагает наличие банковского счета и полное отсутствие анонимности [1, с. 11]. Тогда утверждение об осуществлении безналичных расчетов в электронных платежных системах некорректно, так как в таких системах денежные средства предоставляются одним лицом обязанному лицу без открытия банковского счета.

Таким образом, появление новых форм платежа требует изменения в самом определении безналичных расчетов. Необходимо убрать из определения безналичных расчетов обязательность открытия банковского счета.

В электронных платежных системах, в соответствии с Федеральным законом «О национальной платежной системе», также накладываются существенные ограничения на приватность каких-либо сделок.

Согласно этому нормативному акту пользователь электронной платежной системы может совершить оплату товаров и услуг, применяя неперсонифицированное электронное средство платежа, лишь при остатке денежных средств не более 15 тыс. рублей, причем в случае переводов электронных денежных средств между физическими лицами проведение упрощенной идентификации обязательно (ст. 10). Похожие требования предъявляются и к юридическим лицам.

В настоящее время даже в случае отсутствия персонификации говорить об анонимности совершения сделок не приходится.

Заявления высокопоставленных лиц нашего государства в средствах массовой информации о необходимости ужесточения контроля за неперсонифицированным посещением глобальных сетей и электронных платежных систем позволяют говорить о принятии требования обязательной идентификации всех участников электронных платежных систем в ближайшее время³.

Таким образом, можно согласиться с общепринятым мнением о том, что совершение покупки в глобальной сети Интернет с анонимным статусом возможно только в пиринговых платежных системах, формирующих семейство анонимных криптовалют. Первая и самая известная среди них криптовалюта — Bitcoin (биткойн).

Обозначим проблему отношений между уже существующими эмитентами валют различных государств и новой платежной системой, основанной на использовании криптовалют.

Министерство финансов РФ высказало озабоченность оборотом криптовалют в России (в первую очередь подразумевается криптовалюта биткойн). Поддержка со стороны ряда организаций и лиц, а также жесткие поправки в КоАП и УК РФ, которые стремятся внести (помимо поправок в Федеральный закон «О Центральном банке») представители Министерства финансов, заставляют более углубленно исследовать проблему регулирования в нашей стране отношений субъектов в электронной платежной системе, основанной на криптовалюте.

Напомним, что идея свободного Интернета не нова. С начала 90-х гг. XX в. стала формироваться модель отношений пользователей глобальной сети Интернет. Основные элементы этой модели должны были обеспечить защищенное и приватное общение между пользователями.

¹ О национальной платежной системе : федеральный закон от 27 июля 2011 г. № 161-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Положение о правилах осуществления перевода денежных средств. Утв. Банком России 19 июня 2012 г. № 383-П (ред. от 5 июля 2017 г.). Там же.

³ Путин заявил о проблемах из-за анонимности в Интернете. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a705a849a79471dd71fabef> (дата обращения: 20.02.2018).

С начала 90-х гг. отношение пользователей глобальной сети Интернет и государств к приватности в общении было скорее пассивным, чем активным. Нет спроса — нет и предложения. Поэтому многие проекты, успешно осуществленные в техническом аспекте, претерпевали фиаско в коммерческом плане. Вспомним опыт первых электронных платежных систем — компания «DigiCash», реализовавшая криптографические протоколы аутентификации участников системы с сохранением приватности при совершении сделок, потерпела неудачу из-за отсутствия спроса среди пользователей глобальной сети Интернет. Объемы товарооборота в электронной коммерции во всех ее секторах были незначительными, а значит и вопрос о платежах за товары и услуги не входил в перечень приоритетных.

Известная программа PGP (Pretty Good Privacy), создававшаяся как оплот демократических основ в Интернете в 90-х гг., также являлась некоммерческим проектом. Всплеск электронной коммерции в корне изменил взгляд общества и государства на данные системы. Через несколько лет с момента основания компании «DigiCash» подобные проекты становятся успешными коммерческими вложениями, а государства вынуждены расширять область информационного права. Например, первые директивы Европейского Союза, определяющие статус электронных платежных систем и электронных денег и регулирующие отношения в этих системах, датируются 1999 и 2000 гг.⁴

Период коммерциализации глобальной сети Интернет можно охарактеризовать пионерскими решениями и незначительной долей электронной коммерции в общем объеме экономической деятельности, что, в свою очередь, несущественно влияло в целом на финансовые системы развитых государств.

В XXI в. роль развитых государств в формировании новых информационных технологий в телекоммуникационных системах стремительно возросла. Несмотря на кажущееся перемирие, конфронтация между государством и правами и свободами граждан в глобальных сетях переходит на новый уровень. Новости из таких стран, как США, Англия, Швеция о положительном влиянии внедренной системы анонимайзеров TOR на демократические основы в виртуальном пространстве, а также факты о росте финансирования этими странами проектов по развитию DeepWeb, (как, впрочем, и DarkNet) лишь подтверждают предположение о зарождении в нашем обществе новых направлений в экономической деятельности [2].

В настоящее время в глобальной сети Интернет формируются новые отношения, фундаментом которых стали новые технологии последних двадцати лет, обеспечивающие созданный человечеством виртуальный мир современной виртуальной системой финансовых отношений. PGP, электронные платежные системы, анонимные компьютерные сети, криптовалюта являются ключевыми элементами этой системы.

В результате сейчас мы имеем десятки разновидностей электронной наличности, защищенной благодаря асимметричным и симметричным криптоалгоритмам; анонимность адресов осуществляется благодаря TOR, а PGP может обеспечивать генерацию пар ключей и электронную подпись. В совокупности все это представляет начало зарождения первой электронной платежной системы, которая в транзакциях не нуждается в посреднике. Можно сказать, что впервые создана форма электронных фидуциарных денег, обладающих теми же свойствами, что и банкноты — анонимность и подтверждение права на приобретение той или иной вещи.

Отношение государств к появлению криптовалют не может быть однозначным по ряду причин. Во-первых, государство не может быть гарантом современных криптовалют, которые, по самой идее и технологии, отвергают любого посредника, способного защитить платежную систему. Защита обеспечивается только криптографическими методами. Любые завершённые транзакции отмене не подлежат, что означает невозможность возврата криптовалюты в случаях: отказа от сделки, краха биржи, незаконного совершения сделки и других ситуаций. Современное же законодательство нашей страны о кредитных организациях в случае персонификации клиентов электронной платежной системы позволяет защитить интересы оных в перечисленных выше ситуациях.

Во-вторых, в финансовом мире настороженно относятся к пока еще непрогнозируемому влиянию криптовалюты на существующие валюты разных стран.

В-третьих, не является секретом и тот факт, что в ближайшем будущем усилия англосаксонских стран будут направлены на создание мировой валюты. Транснациональным корпорациям нужна транснациональная платежная система. Им начинают мешать национальные интересы (правовые, экономические, социальные и пр.) государств, которые остались единственным препятствием безграничного использования ресурсов. Если мир в ближайшем будущем не изменится, государства, увы, будут поглощены.

⁴ Европейский центральный банк. URL: http://economic-definition.com/Pan_European_institutions/Europeyskiy_central_nyu_bank_European_Central_Bank__eto.html (дата обращения: 20.02.2018).

Уже сейчас границы многих государств формальны, и в той или иной мере страны утратили свою независимость. Криптовалюты органически вписываются в стратегию транснациональных корпораций по уничтожению экономического суверенитета государств, так как, по мнению ряда политологов, одна из криптовалют в ближайшие годы возьмет на себя роль мировой валюты⁵. Крах нефтедоллара позволит списать все триллионные долги США, «обнулить» все офшорные зоны и уничтожить конкурентов тех финансовых групп, которые после полного краха одной финансовой системы построят новую электронную международную финансовую систему на базе криптовалют. Опасность криптовалют не в приватности всех ее пользователей и, конечно же, не в распределенности платежной системы, а в возможности контроля за использованием самого главного ресурса на земле — трудового. На кону стоят человеческие ресурсы независимо от расовой, национальной и территориальной принадлежности.

В-четвертых, остаются некоторые технические вопросы, связанные с хранением постоянно растущей базы данных, содержащей историю обращений всех электронных монет, обеспечением надежности баз данных, а также вопросы криптостойкости при стремительном развитии информационных технологий.

Информационное письмо Центрального банка РФ от 27 января 2014 г., в котором даются комментарии к статье 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации», называет негативные последствия при использовании криптовалют для совершения сделок. В первую очередь акцентируется внимание на анонимности субъектов (причем, как правильно замечено, неограниченного круга), осуществляющих эмиссию и использование криптовалюты, так как это влечет к преднамеренному или невольному участию в противоправных действиях.

Федеральная служба по финансовому мониторингу согласна с мнением Банка России, кроме того, при приобретении товаров и услуг с использованием криптовалюты (в соответствии с письмом этой Федеральной службы) нет возможности отмены несанкционированных транзакций или возврата платежа в случае неполучения товара или услуги, что является следствием децентрализации и невозможности регулирования со стороны государства.

Действительно, если привычные фидуциарные деньги хотя бы защищены законодательно, то криптовалюта виртуальна и в прямом, и в переносном смысле — ничем не подкреплена, правового регулирования не имеет, эмитент дифференцирован, пользователи анонимны. Можно ли такие отношения на-

звать свободой действий пользователей пиринговых платежных систем? Полагаем, что нет. Вероятность успешного осуществления пользователем каких-либо сделок в такой среде не вероятности вероятности выигрыша в лотерею. Таким образом, риск потери виртуальных денег у пользователя перекрывает все преимущества, которые предоставляет анонимность в сети.

Но возможности осуществления неправомερных действий в анонимной сети с использованием пиринговых платежных систем практически безграничны (экономические преступления, компьютерные преступления, действия экстремисткой направленности, все более изощренные методы информационной агрессии, методы информационно-психологического воздействия на различные социальные группы, мошенничества и т. д.) [3–5].

Разработчики криптовалют (примечательно, что они не стремятся раскрывать свои личности) далеко не первые, кто исследовал асимметричные криптоалгоритмы на предмет их применения для генерации электронных денег. В конце XX в. уже существовал ряд схем криптографических преобразований создания виртуальной наличности. Большинство этих схем предполагают эмиссию электронных денег именно кредитными организациями, причем не только с их гарантией, но и с обеспечиванием свойства анонимности при совершении сделок. Другими словами, существуют протоколы электронных платежей создания криптовалют, обеспечивающие анонимность пользователя, с одной стороны, и защиту клиента банка-эмитента (как гаранта сделок с электронными монетами), с другой стороны. В работе В. В. Яценко приводится классический пример одного из протоколов, где банк-эмитент осуществляет проверку электронной монеты на подлинность и проверяет, не была ли потрачена монета. В то же время протокол электронных платежей обеспечивает неотслеживаемость потраченных электронных монет благодаря схеме слепой подписи, построенной на основе криптографических преобразований [6, с. 3].

Решая вопрос о жизнеспособности пиринговых платежных систем, обратим внимание на следующий факт.

На современном этапе создана анонимная международная децентрализованная компьютерная сеть (DarkNet) с неподвластной ни одному государству международной анонимной платежной системой, в которой осуществляется эмиссия виртуальной валюты (например, bitcoin). Назовем такую среду международной анонимной информационно-телекоммуникационной средой. Существует некоторая среда, на регулирование всех отношений

⁵ Девятков А. П. Прогноз на 2018 год. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6ZYguuaaIhg> (дата обращения: 10.02.2018).

в которой не может повлиять ни одно государство мира, однако такая виртуальная среда — это источник неконтролируемой информации, которая может послужить средством информационной агрессии, экономического и политического влияния против любого государства. Кому это выгодно?

Согласно распространяемой в глобальной сети Интернет информации разработчиками DarkNet являются «Центр высокопроизводительных вычислительных систем» Исследовательской лаборатории Военно-морских сил США и американское Агентство передовых оборонных исследовательских проектов DARPA. Исходя из утверждения, что система разрабатывалась в рамках федерального заказа, можно предположить, что силовым структурам США потребовалась глобальная сеть не только с анонимным входом и выходом, но и защищенная от прослушивания [2, с. 64]. Создание защищенных каналов связи — это разумное желание для любого сильного государства. Как во время разработки данной сети, так и в настоящее время конфиденциальный канал связи формируется на основе виртуальных туннелей, которые позволяют обеспечить передачу информации в зашифрованном виде. Система Tor не исключение. Но в отличие от виртуальных частных сетей (VPN), широко используемых коммерческими организациями, глобальная сеть на основе прокси-серверов системы Tor обеспечивает анонимность в общении. В 2002 г. все результаты проекта Tor были обнародованы вместе с исходными текстами и выпущены клиент-серверные приложения со свободной лицензией.

Источники финансирования представлены на официальном сайте TorMetrics⁶. Среди них можно выделить несколько основных игроков — это Министерство обороны США и Государственный департамент США, некоммерческая правозащитная организация Electronic Frontier Foundation (учреждена в США, сейчас имеет свое представительство в Европе), все другие ежегодно меняющиеся организации, как правило, связывает страна регистрации — США.

Непрерывная деятельность разработчиков по совершенствованию сетей указывает на повышенный интерес силовых структур США к своему проекту. Создаются системы слежения и поиска, контроля и управления в этой сети. Например, система Memex Tika⁷ совершенствуется с 2014 г. Агентством передовых оборонных исследовательских проектов (DARPA), которая обрабатывает и анализирует информацию в DarkNet, связанную с торговлей людьми и оружием. Такая интеллектуальная система позволяет идентифицировать людей и оружие, ме-

стоположение и объекты, проводить семантический анализ текста и распознавать графические изображения.

Достаточно много можно рассуждать о свободе и анонимности в DarkNet, однако корреляция силовых структур США с разработкой, поддержкой и финансированием этого проекта очевидна [7, с. 4; 8, с. 368].

Складывается впечатление, что существование сети DarkNet — это оправданные риски США по созданию международной анонимной информационно-телекоммуникационной среды, потворствующей правящему классу США в выполнении своих глобальных притязаний на ресурсы (в том числе на человеческие ресурсы) других стран.

Для всех пиринговых платежных систем характерно искусственное поддержание их работоспособности. Эмиссия криптовалюты требует больших вычислительных мощностей, историю всех транзакций в этой системе необходимо хранить (технология блокчейн). В то же время на криптовалютных биржах происходят фантастические колебания курса криптовалют (на сегодняшний момент именно криптовалюты обладают наибольшей волатильностью, позволяющей получить максимальный доход в минимальные сроки) [9].

В современной законодательной базе РФ понятие денежного суррогата и понятие криптовалюты не закреплены [10; 11]. Когда нет ясности в терминологии, сложно определить правовой статус международной виртуальной платежной системы, на которую претендует криптовалюта. Даже понятие электронных денежных средств, на наш взгляд, требует поправок.

Электронные денежные средства, в соответствии с определением из Федерального закона «О национальной платежной системе», нельзя назвать денежными средствами. В большей степени определение подходит под описание денежных суррогатов и мало чем отличается от авансового платежа или подарочного сертификата, используемых ранее в нашей стране в системах «электронных кошельков» до признания на законодательном уровне определения электронных денежных средств. В настоящее время утрачен смысл электронных денег. Изначально они проектировались как венец фиатных денег. По сути, электронные деньги — это числовые последовательности на электронных носителях информации, которые утверждаются государством как платежное средство. Последнее свойство полностью отсутствует в пиринговых платежных системах. Деклариру-

⁶ TorMetrics. URL: <https://metrics.torproject.org> (дата обращения: 20.02.2018).

⁷ Christian Mattmann Searching Deep and Dark: Building a Google for the Less Visible Parts of the Web. URL: <http://rb.ru/story/google-for-darknet> (дата обращения: 20.02.2018).

ется, что криптовалюта не обеспечивается ни одним материальным ресурсом и не полагается на авторитет ни одного государства мира и в то же время не подвержена инфляции по причине ограниченности эмиссии в вычислительном смысле. Другими словами, криптовалюта — деньги из воздуха, с претензией на международную валюту. Однако после уничтожения одной финансовой системы и рождения новой неизбежна оценка — установление эквивалента между международной криптовалютой и какими-либо ценностями. Тот, кто будет совершать оценивание и устанавливать правила в новой электронной международной финансовой системе, и будет истинным организатором нового мирового устройства.

Простота оплаты с помощью криптовалюты вызывает все больший интерес среди социальных групп виртуальной среды. Социальные сети — это миллиардное общество без границ. Социофобия становится не болезнью, а нормой современного общества. В таком обществе денежные знаки на бумажных носителях не могут использоваться. И в этом смысле криптовалюта — прекрасный инструмент закрепления в социальных сетях ощущения виртуального мира. Недаром обретает популярность в социальных сетях новое программное обеспечение для микроплатежей — программа ChangeTip. Программа позволяет, находясь в виртуальном мире, манипулировать своими незначительными средствами в биткоинах. Причем передача может осуществляться любому физическому (юридическому) лицу по вашему желанию. Простота в передаче, вероятно, в ближайшее время приведет к дальнейшим информационно-психологическим экспериментам, которые станут фундаментом для создания новых форм манипуляции сознанием и мошенничества [12, с. 56]. Та легкость, с какой люди расстаются с виртуальными деньгами, приведет к интересным результатам.

В пользу грамотной и продуманной стратегии формирования нового гегемона на смену действующей мировой валюте указывает и следующий факт. К началу 2018 г. в мире насчитывается более 800 криптовалют, значимый оборот на криптовалютных биржах имеют не более двадцати. Среди них биткоин обладает самой высокой рыночной капитализацией. Но, несмотря на большие обороты торгов на криптовалютных биржах, в торгах за десять лет ни разу не участвовало более 60% из всех сгенерированных биткоинов⁸, т. е. больше половины эмитированных биткоинов находится в тени, готовые в любой момент проявиться и обрушить криптовалютные биржи по всем криптовалютам, так как курсы всех значимых криптовалют зависят от курса биткоина.

Этот важный фактор требует серьезного изучения при принятии решения о правовом регулировании криптовалют в Российской Федерации.

С точки зрения информационной безопасности России, необходим запрет обращения любых криптовалют на территории нашего государства, эмиссия которых не осуществляется самим государством. Выше упоминалось о возможности создания криптовалюты со свойством анонимности и Центральным банком Российской Федерации в качестве эмитента (посредника). Только тогда криптовалюту можно назвать действительно электронным денежным средством в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Понятие электронных денежных средств в Федеральном законе «О национальной платежной системе» не только вступает в противоречие с определением безналичных расчетов, но и не позволяет оперировать этим понятием в пиринговых платежных системах. Другой, более универсальный подход к формулированию определения электронных денежных средств был утвержден Директивой 2000/46/ЕС, в соответствии с которой электронные деньги должны обладать такими свойствами, как хранение на электронном устройстве, стоимостная эквивалентность к фиатным денежным средствам при эмиссии и признанное средство платежа. Широта данного понятия позволяет ввести в оборот криптовалюты и начать регулирование отношений в финансовых системах в современных условиях. Однако недопустимо введение на территории Российской Федерации иного платежного средства, кроме рубля, так как это усугубит и без того нестабильное состояние национальной финансовой системы. В целях экономической безопасности необходимо установить запрет на негосударственные электронные платежные системы и принять на территории России только национальную электронную платежную систему с применением государственной электронной монеты на основе криптографических преобразований. Это позволит не просто устранить биржевые спекуляции и обеспечить прозрачность всех совершаемых транзакций в Интернете, но и получить государству существенный дополнительный доход, внедрить новые технологии инвестирования промышленности и сельского хозяйства. Другие способы внедрения криптовалют, кроме как национализация этой деятельности, могут крайне негативно сказаться на суверенитете нашего государства.

Формирование новых цифровых экономических отношений предоставляет при разумном и контролируемом государством внедрении в социально-

⁸ Сколько всего биткоинов в мире существует? URL: <http://fb.ru/article/348381/skolko-vsego-bitkoinov-v-mire-suschestvuet> (дата обращения: 10.01.2018).

экономические процессы нашей страны существенные преимущества в системе расчетов, государственных инвестиций, механизмов государственного регулирования российской экономики.

Оборотная сторона цифровой экономики, которую активно развивает Всемирный банк, — открытие новых возможностей для различных механизмов и психотехник манипуляции обществами

и социальными группами на глобальном уровне. А это влечет опасность потери суверенитета любого государства. Построение международной финансовой системы на цифровой платформе создает предпосылки тотального контроля на транснациональном уровне, что, несомненно, вступит в антагонистические противоречия в правовом поле с суверенными государствами.

Список литературы

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
2. Симаков А. А. Анонимность в глобальных сетях // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2(65).
3. Узденов Р. М. Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4.
4. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Законодательство: состояние и пути совершенствования. Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2(42).
5. Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалют // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 6.
6. Введение в криптографию / под общ. ред. В. В. Яценко. 4-е изд., доп. М., 2012.
7. О подходах к обнаружению прослушивания трафика в анонимной сети Tor / В. А. Алешин, В. С. Жилина, А. В. Коршунов и др. // Вопросы кибербезопасности. 2013. №2.
8. Авдошин С. М., Лазаренко А. В. Методы деанонимизации пользователей Tor // Информационные технологии. 2016, Т. 22, № 5.
9. *Viglione R.* Does Governance Have a Role in Pricing? Cross-Country Evidence from Bitcoin Markets (September 25, 2015). URL: <https://ssrn.com/abstract=2666243>.
10. Шильдина М. В. Денежные суррогаты, криптовалюта и электронные денежные средства // Евразийский союз ученых. 2016. №30-5.
11. Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3(57).
12. Баршшполец В. А. Области применения информационно-психологического воздействия // Информационные технологии. 2014. Т. 6. № 1.

Природа залога обязательственных прав

Д. Е. Зацепин, Национальный исследовательский Томский государственный университет.
E-mail: scipion09@mail.ru

Залог сочетает в себе вещные и обязательственные элементы, т. е. обладает смешанной правовой природой, а залог прав является его отдельным видом, имеющим особый предмет и специфические черты. Залогодержатель, не становясь субъектом заложенного права, получает право контроля за действиями залогодателя, касающимися судьбы обеспечиваемого права, и право распоряжения этим правом в определенных случаях и целях, т. е. происходит конститутивное правоприобретение. К этому виду залога неприменимы вещно-правовые элементы, присущие залогу в целом: право следования, абсолютный характер защиты прав залогодержателя и «эластичность». Залог прав обладает следующими обязательственными элементами: временное господство залогодержателя над предметом залога, акцессорность, возможность закладывания будущих прав, возможность уступки заложенного права при внесудебном порядке его реализации лицу, указанному залогодержателем. Поэтому он имеет обязательственную правовую природу.

Ключевые слова: залог прав; особый предмет залога; вещно-правовой элемент; обязательственный элемент; конститутивное правоприобретение; залогодатель; залогодержатель; обязательственная природа.

The Nature of the Pledge of Obligation Rights

D. Ye. Zatsepin, Tomsk State National Research University. E-mail: scipion09@mail.ru

The pledge combines both property and obligation elements, that is it possesses the mixed legal nature, and the pledge of rights is its separate type with a specific subject and peculiarities. The pledgee not becoming the subject of the pledged right gains the control of the pledger's actions related to the insuring right and the right to enjoy it in certain cases and with certain purposes, that is constitutive acquisition of rights comes into force. Proprietary elements inherent to the pledge in general cannot be applied to this type of pledge, these including resale royalty right, absolute character of protecting the pledgee's rights and elasticity. The pledge of rights possesses the following obligation elements: the pledgee's temporary dominance over the subject of the pledge, appurtenance, capability of pledging future rights, possible yielding the pledged right in its extrajudicial realization to the person designated by the pledger. Therefore, it has exactly obligation legal character.

Keywords: pledge of rights; a special subject of the pledge; proprietary element; obligation element; constitutive acquisition of rights; pledger; pledgee; obligation nature.

До введения в действие Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ¹ Гражданский кодекс РФ не содержал нормы, детально регламентирующие залог такого особого объекта гражданского оборота как имущественные права (требования), а правила закона РФ «О залоге»², посвященные залогу имуще-

ственных прав, во многом вступали в противоречие с общими нормами ГК РФ. В связи с этим в настоящее время еще большую актуальность имеет вопрос сущности залога (в частности, залога обязательственных прав), его правовой природы, отнесения к конкретным институтам права.

---

¹ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: федеральный закон от 21.12.2013 г. № 367-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51, ст. 6687.

² О залоге : закон Российской Федерации от 29 мая 1992 г. №2872-1 (утратил силу) // Рос. газета. 1992. 6 июня.

Дискуссия на обозначенную тему возникла давно, но и сегодня нет единой точки зрения относительно природы залога. Одни правоведы считают залог вещным правом, другие включают в институт обязательственного права, третьи полагают, что залог имеет смешанную природу.

В. В. Витрянский указывает, что независимо от того, какой бы точки зрения не придерживался законодатель, в научной литературе она весьма убедительно оспаривалась [1, с. 74]. Так, во время действия Кодекса 1964 г., определившего залог в раздел «Обязательственное право», В. М. Будилов акцентировал внимание на вещных признаках залогового правоотношения [2, с. 20].

Напротив, при когда в 1992 г. залог был помещен в раздел «Вещное право», О. С. Иоффе указывал на смешанный характер залога, особо выделяя его обязательственные черты — обеспечительный характер и возникновение на основании договора [3, с. 76].

В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации § 3 «Залог» содержится в гл. 23 «Обеспечение исполнения обязательств» подраздела 1 «Общие положения об обязательствах» раздела III «Общая часть обязательственного права».

По мнению многих авторов (например, М. И. Брагинского и В. В. Витрянского [1, с. 75], Б. М. Гонгалло [4, с. 89], О. П. Пleshановой [5, с. 82] и др.) законодатель тем самым отнес залог к институтам обязательственного права. В то же время заслуживает внимания точка зрения о том, что он, наоборот, уклонился от сущностного определения залога (как вещного либо обязательственного права) и разместил нормы о нем в системе Кодекса, руководствуясь не его правовой природой, а функциональным признаком [6, с. 73].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением М. И. Брагинского [7, с. 109], поддержанным Б. М. Гонгалло [4, с. 90], согласно которому залоговые правоотношения являются смешанными, т. е. включают вещные и обязательственные элементы. Залог — сложное правоотношение, которое содержит несколько субъективных прав и корреспондирующих им обязанностей.

Аналогичной точки зрения о множественности правоотношений залога придерживается В. А. Белов. Он отмечает, что правоотношения вещного характера возникают между залогодержателем и неопределенным кругом лиц, в который входит и залогодатель. Данные правоотношения направлены на поддержание господства залогодержателя в отношении предмета залога и носят абсолютный характер. В свою очередь, правоотношения обязательственного характера складываются между залогодержателем и залогодателем (либо его преемником) и являются относительными. Вся группу правоотношений объединяет общая цель — обеспечение исполнения обязательства [8, с. 15].

Решение вопроса об отнесении залогового правоотношения к вещным либо обязательственным значительно усложняется, когда речь идет о залоге имущественных прав.

Существует мнение, что залог имеет единую правовую природу независимо от того, что составляет предмет залога [9, с. 166].

А. Н. Латыев, отстаивающий в своей работе абсолютную природу залога, пишет, что возможность залога прав является самым серьезным аргументом против признания залога вещным правом. Однако, исходя из единой вещной природы залога, приходит к выводу, что даже при залоге прав данная природа не изменяется [6, с. 74].

Более убедительной представляется противоположная позиция, согласно которой залог обязательственных прав имеет обязательственную природу в силу своего особого предмета, так как, по меткому замечанию И. Г. Жабинского, «право — не вещь, поэтому право на него не может быть вещным по определению» [10, с. 115].

Например, В. С. Ем, рассматривающий залог как ограниченное вещное право [11, с. 151], указывает, что при определении правовой природы данного института следует учитывать различные виды и формы залога. Залог прав (требований) он безоговорочно относит к праву обязательственному [11, с. 57].

В. М. Будилов относит залог прав к видам залога, не обладающим вещно-правовым характером и не являющимся вещным обеспечением. В данную группу также входит залог товаров в обороте. Указанную группу залогов автор предлагает именовать «квази-залогом» в силу их специфичности. Он указывает, что механизм залога прав во многом схож с другими видами залога, но при этом имеет чисто обязательственную правовую природу [2, с. 18–19].

Как справедливо отмечал В. К. Райхер [13, с. 278], право требования, выступающее предметом залога, является относительным, а не абсолютным. Владелец этого права (залогодатель) является субъектом правоотношения только в отношении должника, но не третьих лиц. Таким образом, при залоге этого же права не может возникнуть абсолютное правоотношение, предусматривающее связь залогодержателя с третьими лицами, поскольку такая правовая связь отсутствовала у залогодателя (первоначального обладателя закладываемого права).

Также от залогодателя не может перейти к залогодержателю вещное право на заложенное право, поскольку сам залогодатель обладал лишь обязательственным правом к своему должнику [13, с. 177–178].

Данная особенность является аргументом в пользу обязательственной природы рассматриваемого вида залога.

Кроме того, субъектом заложенного права остается залогодатель, поскольку залог вещи не лишает залогодателя права собственности. Следовательно, залогодержатель всегда имеет дело с чужим имущественным правом. Для целей залога залогодержатель получает возможность осуществлять некоторый ограниченный круг правомочий в составе заложенного права. Аналогичным образом залогодержатель вещи получает некоторый ограниченный круг правомочий из состава права собственности залогодателя на его вещь (прежде всего, право распорядиться вещью посредством ее продажи для получения удовлетворения).

Каким же образом залогодержатель получает эти правомочия при залоге прав? Раскрыть залоговый механизм, особенности правового положения залогодателя и залогодержателя при данном виде залога и тем самым понять, что он имеет обязательственную природу, позволяет теория конститутивного правоприсоединения.

Этот термин использовал Б. Б. Черепухин, подразумеваемая под ним переход правомочий от одного лица к другому, но без потери их и соответствующего права в целом правопреемником, когда на основе права правоателя создается право с иным содержанием (более ограниченным). Автор отмечал, что конститутивное правопреемство не является правопреемством «в точном смысле» этого термина. С правопреемством его сближает производный характер правоприсоединения. Отличие заключается в отсутствии перехода права от правоателя к правопреемнику. Конститутивное правоприсоединение не является изменением субъектного состава правоотношения и в этом смысле не выступает преемством в праве [14, с. 17].

Первым исследователем, предложившим именно такой термин для обозначения правопреемства не в строгом смысле, происходящем при залоге прав, являлся швейцарский цивилист А. Тур. Он определял конститутивное преемство как «установление особого обременения обязательственного права, имеющего тот же обязательственный характер, как и основное право» [15, с. 86].

Обременение заложенного права заключается в том, что залогодержателю предоставляется право контроля за действиями залогодателя по осуществлению требования, в том числе по получению исполнения по нему, а также право распорядиться заложенным правом в целях получения удовлетворения при неисполнении обеспечиваемого обязательства. Залогодержатель, не становясь правопреемником в строгом смысле (субъектом заложенного права), получает право контроля за действиями залогодателя, касающимися судьбы обеспечиваемого права, и право распоряжения этим правом в определенных случаях и в определенных целях.

Чтобы окончательно убедиться в обязательственной природе залога прав, рассмотрим вещно-правовые черты залога в целом и определим, насколько они применимы к исследуемому виду залога.

1. Право следования: залоговое право следует за предметом залога. В соответствии с п. 1 ст. 353 ГК РФ при переходе прав на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу право залога сохраняет силу. В этом случае правопреемник залогодателя становится на его место и несет все его обязанности, если соглашением с залогодержателем не установлено иное. Данное правило является общим и, на первый взгляд, должно распространяться на залог обязательственных прав. Но, как справедливо утверждает А. С. Яковлев, в этом случае имеет место перемена лиц в обязательстве, происходящая при наличии соответствующих юридических фактов, а именно, отчуждения предмета залога, что, в свою очередь, свидетельствует об обязательственно-правовой конструкции залога [9, с. 165–166].

2. Возможность залогодержателя принимать меры, необходимые для защиты заложенного права от нарушений со стороны третьих лиц.

Согласно п. 1 ст. 347 ГК РФ залогодержатель, у которого находилось или должно было находиться заложенное имущество, имеет право истребовать его из чужого незаконного владения (предъявить виндикационный иск), что не может быть применено к обязательственным правам, поскольку они не передаются во владение залогодержателю. Предоставленная залогодержателю возможность требовать устранения всяких нарушений его права от других лиц в соответствии с п. 2 ст. 347 ГК РФ, в силу прямого указания также распространяется лишь на случаи, когда залогодержателю передается предмет залога.

При залоге обязательственных прав залогодержатель вправе принимать самостоятельно меры, необходимые для защиты заложенного права от нарушений со стороны третьих лиц (п. 2 ст. 358.7 ГК РФ): например, выступать в качестве лица, заявляющего на предмет спора самостоятельные требования в деле о принадлежности заложенного права залогодателя. В то же время основной объем правомочий залогодержателя по контролю над заложенным правом распространяется на конкретный субъект (на залогодателя). Так, залогодержатель имеет право требовать от залогодателя совершения определенных действий, направленных на защиту заложенного права от посягательств со стороны третьих лиц; получать информацию об изменениях, произошедших в заложенном праве, о его нарушениях третьими лицами и о притязаниях третьих лиц на это право, требовать воздерживаться от совершения определенных действий (в частности, не совершать уступки заложенного права, а также действий, влекущих

прекращение заложенного права или уменьшение его стоимости). Данное обстоятельство, скорее, свидетельствует об обязательственной природе залога прав (требований).

3. «Эластичность» залога: при любом изменении внешней формы предмета залога у кредитора остается право на удовлетворение своих требований за счет «фактического либо юридического заменителя» ценности заложенного имущества [16, с. 10].

Применительно к залогу обязательственных прав данный признак вряд ли может быть применим, поскольку уступает принципу «специальности» [17, с. 6] данного вида залога, о чем свидетельствует судебная практика.

Так, по одному из дел, рассмотренному в арбитражном суде, организация в счет обеспечения выплаты кредита заложила банку имущественные требования к своим контрагентам, вытекающие из различных договоров. После неисполнения обязанности организации по выплате кредита банк обратился в суд для включения в реестр требований кредиторов должника своих притязаний по соответствующему договору залога. Верховный Суд РФ, отменяя решения нижестоящих инстанций, пришел к выводу о том, что нельзя считать находящимися в залоге денежные средства, полученные залогодателем от своего должника, пока они не будут особым образом выделены из массы однородного имущества. Требование залогодержателя об уплате данных денежных средств в свою пользу залоговым преимуществом не пользуется³.

Таким образом, залог обязательственных прав вещно-правовыми чертами не обладает.

Однако можно выделить следующие обязательственные элементы указанного вида залога:

1. Залогодержатель не осуществляет продолжительное владение предметом залога, а лишь получает временное господство над ним на период исполнения обязательства. Если данное обязательство не исполнено, по общему правилу, предмет залога продается с торгов, а не переходит в собственность залогодержателя (п. 1 ст. 358.8 ГК РФ).

2. Залог выполняет обеспечительную функцию и является акцессорным обязательством, судьба которого напрямую зависит от основного обязательства.

3. Предметом залога могут быть существующие обязательственные права, а также имущественные права, которые залогодатель приобретет в будущем (п. 2 ст. 358.1 ГК РФ). Следовательно, право залога может быть распространено на объект, вещных прав в отношении которого не установлено ни одним субъектом.

4. При внесудебном порядке реализации заложенного права по соглашению сторон возможна уступка этого права третьему лицу, указанному залогодержателем (п. 3 ст. 358.8 ГК РФ).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что залог обязательственных прав обладает обязательственно-правовой природой.

Залог обязательственных прав является специфическим видом залога и особым способом обеспечения обязательств, и его дальнейшее изучение, несомненно, будет продолжаться в целях раскрытия всех его неповторимых свойств и понимания его роли в праве как уникального правового института.

Список литературы

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Кн. 1. М., 2001.
2. Будилов В. М. Залоговое право России и ФРГ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1994.
3. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л., 1958.
4. Гонгало Б. М. Общие положения учения об обеспечении обязательств и способах обеспечения обязательств // Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. М., 2001.
5. Плешанова О. П. Права ипотечного кредитора: юридическая природа и основные положения // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 2 / под ред. М. И. Брагинского. М., 2000.
6. Латыев А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
7. Брагинский М. И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сборник памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М., 1998.
8. Белов В. А. Залоговые правоотношения: содержание и юридическая природа // Законодательство. 2001. № 11.
9. Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М., 2005.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17 октября 2016 г. N 305-ЭС16-7885. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

10. *Жабинский И. Г.* О некоторых аспектах залога обязательственных прав // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 4 (39).
11. *Гражданское право : учебник / под ред. Е. А. Суханова* : в 2 т. Т. 1. 2004.
12. *Райхер В. К.* Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. Вып. 1 (XXV). Л., 1928.
13. *Богатырев Ф. О.* О сущности залога имущественных прав // Журнал российского права. 2001. № 4.
14. *Черепяхин Б. Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962.
15. *Вормс А. Э.* Залог векселя // Кредит и хозяйство. 1927. № 6.
16. *Бевзенко Р. С.* Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 10.
17. *Плешанова О. П.* Эластичность vs специальность залога. Реплика по поводу комментария Р. С. Бевзенко и И. А. Ястржембского к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.10.2016 г. № 305-ЭС16-7885 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 1.

Реформа налогообложения недвижимого имущества физических лиц: от ожиданий к первым результатам (часть II)

Е. А. Клоков, Омская академия МВД России. E-mail: klokov@bk.ru

Исследуются совокупные эффекты влияния законодательных изменений элементов структуры налога на имущество физических лиц на результаты налоговой реформы. На основе большого массива статистических данных дается оценка реалистичности основных ожиданий от проводимых преобразований. Важнейшие достижения реформы связаны с ростом исчисленных сумм налога, сохранением социальных гарантий, снижением влияния налоговых льгот на поступления в бюджет. В то же время реформа не обеспечивает в полной мере реализацию принципа справедливости налогообложения. Существуют серьезные проблемы с адекватностью определения кадастровой стоимости недвижимости, с собираемостью налога, значительно усугубилась проблема недоимок по налогу.

Ключевые слова: налог на имущество физических лиц; элементы налога; налоговая реформа; справедливость налогообложения; налоговая нагрузка; собираемость налога; налоговые недоимки.

Tax Reform concerning Individual's Real Estate: from Expectations to the first Outcomes (Part II)

E. A. Klokov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: klokov@bk.ru

The article dwells on joint effects of influence legislative changes in the elements of individuals' real estate tax structure have on the outcomes of the current tax reform. The author examines a bulk of statistical data and estimates the practicability of the main expectations from the changes. The main benefits of the reform are determined by the increasing calculated tax sums, reserved main social guarantees, less influence of tax benefits on the proceeds to the budget. At the same time the reform does not realize the principle of tax equity in full measure. There are serious problems related to adequacy of establishing property cadastral value, collectability of tax, the problem of tax arrears being also aggravated.

Keywords: individual's real estate tax; tax elements; tax reform; tax equity; tax load; tax collectability; tax arrears.

Налоговая база

В соответствии со ст. 53 НК РФ налоговая база представляет собой стоимостную, физическую или иную характеристики объекта налогообложения. Реформирование именно этого элемента налога на имущество физических лиц (далее — НИФЛ) в 2014 г. следует назвать наиболее радикальным во всех отношениях.

Согласно ст. ст. 402, 403 НК РФ в качестве налоговой базы для исчисления НИФЛ по общему правилу применяется кадастровая стоимость объекта, указанная в Едином государственном реестре недвижимости по состоянию на 1 января года, являющегося налоговым периодом.

Налоговая база определяется исходя из инвентаризационной стоимости объекта, если в субъекте Российской Федерации не принято решение о начале применения на территории этого субъекта порядка определения налоговой базы исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения. Данный вариант определения налоговой базы должен прекратить существование до 2020 г. на всей территории Российской Федерации.

По данным ФНС России, в 2016 г. НИФЛ за 2015 г. рассчитывался по кадастровой стоимости в 28 субъектах Российской Федерации. В 2017 г. еще в 21 субъекте федерации налоговые органы впервые приступили к расчету налога за 2016 г. по-новому¹. Допол-

¹ Об изменении порядка налогообложения недвижимости в 2017 г.: информация ФНС России от 10 апреля 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

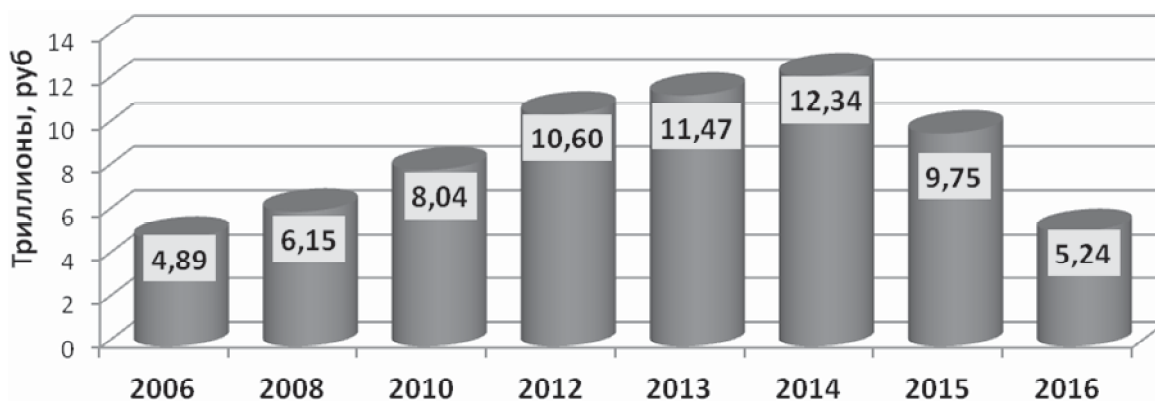

Рис. 1. Совокупная инвентаризационная стоимость облагаемых объектов (составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2006, 2008, 2010, 2012–2016 гг. (форма 5-МН))

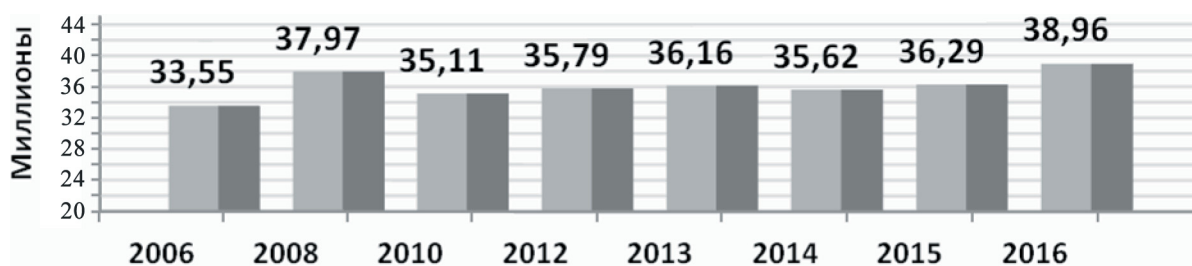

Рис. 2. Количество облагаемых объектов (составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2006, 2008, 2010, 2012–2016 гг. (форма 5-МН))

нят перечень регионов, в которых будет применяться кадастровая стоимость для исчисления налога за 2017 г., 15 субъектов, а за 2018 г. — 4 субъекта².

На момент подготовки данной статьи достаточно сложно масштабнo оценить результаты реформирования налоговой базы НИФЛ из-за недостаточности статистических данных, изменений содержания статистической отчетности налоговых органов по местным налогам (форма 5-МН). Тем не менее отдельные аспекты проанализировать все же удалось.

1. Первое, что обращает на себя внимание — это динамика изменения налоговой базы НИФЛ за последние десять лет. До 2015 г. единственным вариантом налоговой базы по данному налогу была инвентаризационная стоимость, которая до реформирования из-за ежегодной индексации органами технической инвентаризации стабильно демонстрировала рост (рис. 1), что никак не соответствует динамике изменения количества облагаемых объектов (рис. 2). Пиковое значение инвентаризационной стоимости всех облагаемых НИФЛ объектов недвижимости в 12,34 трлн рублей пришлось на 2014 г.

Значительное снижение инвентаризационной стоимости облагаемых объектов, почти на 3 трлн рублей в 2015 г., еще на 4,5 трлн рублей в 2016 г. (рис. 1) объясняется частичной заменой значения этого показателя новым значением — кадастровой стоимости в субъектах федерации, перешедших на

новый расчет НИФЛ. По данным статической отчетности ФНС России, за 2016 г. кадастровая стоимость облагаемых объектов по России составила 71 трлн 732 млрд 847 млн рублей (рис. 3), что больше чем суммарная инвентаризационная стоимость за последние четыре года совокупно.

Однако указанный размер совокупной кадастровой стоимости фактически не был положен в основу расчета сумм налога, подлежащего уплате. В соответствии с пп. 3–6 ст. 403 НК РФ кадастровая стоимость ряда объектов обложения подлежит уменьшению на законодательно установленные размеры налоговых вычетов (необлагаемая часть кадастровой стоимости объекта недвижимости). Кадастровая стоимость подлежит уменьшению в отношении следующих объектов и в следующих размерах:

- 1) квартира — на стоимость 20 кв. м ее площади;
- 2) комната — на стоимость 10 кв. м ее площади;
- 3) жилой дом — на стоимость 50 кв. м его площади;
- 4) ЕНК, в состав которого входит хотя бы один жилой дом, — на 1 миллион рублей.

В результате применения в 2015 г. налоговыми органами этого правила при расчете НИФЛ налогоплательщикам совокупная кадастровая стоимость уменьшилась до 16 трлн 35 млрд 426 млн рублей (рис. 3). Падение совокупной налоговой базы из-за налоговых вычетов составило 64%. Это неудивительно,

² Информация о переходе субъектов Российской Федерации на исчисление налога на имущество физических лиц. URL: http://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/nalogi/nalog_na_imush_fl/inf_perehod.xlsx (дата обращения: 22.12.2017).

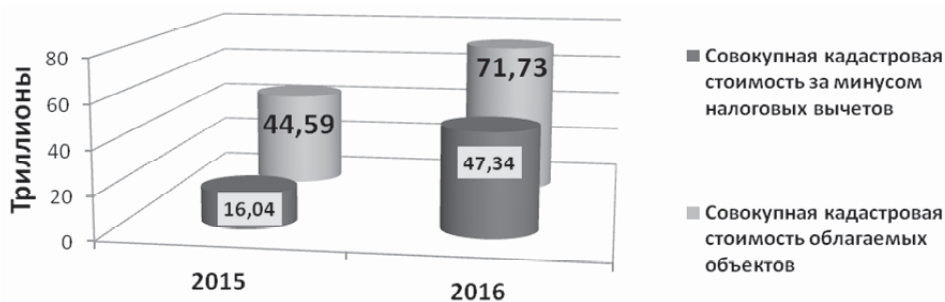

Рис. 3. Кадастровая стоимость облагаемых объектов
(составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2015 и 2016 гг. (форма 5-МН))

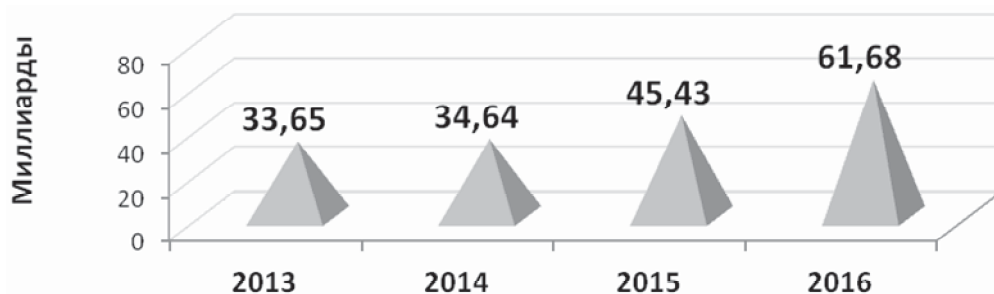

Рис. 4. Сумма налога, исчисленного к уплате
(составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2015 и 2016 гг. (форма 5-МН))

ведь правило о налоговых вычетах распространяется фактически на миллионы квартир, комнат, жилых домов (самых массовых объектов обложения).

Как отмечается в научной литературе, предоставление таких вычетов всем без исключения налогоплательщикам, независимо от их имущественного и социального положения, без каких-либо условий, нельзя назвать удачным с точки зрения практики налогообложения недвижимости [1, с. 22]. Классический налог на недвижимость для обеспечения принципа всеобщности налогообложения не содержит в своей модели необлагаемых пределов, в том числе в виде натуральных показателей [2, с. 130; 3, с. 42].

Значительно позитивнее выглядит ситуация по итогам 2016 г. (рис. 3) — уменьшение совокупной кадастровой стоимости составило всего 34%; налоговая база (по КС) увеличилась более чем на 30 трлн рублей (почти в три раза по сравнению с 2015 г.).

Таким образом, по итогам 2016 г. совокупная налоговая база представляет собой суммарное значение инвентаризационной стоимости (5,24 трлн руб.) и кадастровой стоимости (47,34 трлн руб.) или 52,58 трлн рублей, что в четыре раза больше совокупной налоговой базы 2014 г. В результате такого реформирования налоговой базы сразу же значительно увеличилась сумма исчисленного к уплате НИФЛ, прирост данного показателя за первые два года реформы составил более 27 млрд рублей (рис. 4).

2. Переход на новый вариант налоговой базы НИФЛ — кадастровую стоимость объектов недвижимости, представляет собой чрезвычайно важный вопрос, затрагивающий как интересы владельцев не-

движимости, так и публичные интересы, связанные с налоговыми поступлениями в бюджетную систему. Сама кадастровая стоимость объекта недвижимости устанавливается в результате проведения государственной кадастровой оценки при осуществлении кадастрового учета ранее не учтенных объектов недвижимости (изменения характеристик учтенных объектов) или в результате оспаривания кадастровой стоимости.

Как уже было сказано, перешли на новый вариант налоговой базы те субъекты Российской Федерации, которые завершили кадастровую оценку всей недвижимости на своей территории. Определенная в массовом порядке, по общим усредненным показателям, кадастровая стоимость часто оказывается значительно выше рыночной стоимости (по разным оценкам, превышение может быть более чем в 10 раз) [3, с. 38; 4, с. 47; 5, с. 38], что влечет последующее успешное оспаривание собственниками такой кадастровой стоимости (табл. 1 и 2).

Как видно из представленных данных, 2017 г. в основном продолжил сформировавшийся негативный тренд: наблюдается рост количества заявлений, принятых комиссиями; увеличение суммарной кадастровой стоимости объектов недвижимости, как до оспаривания, так и после; увеличение доли оспоренных объектов капитального строительства до 28,13%.

Аналогичная неблагоприятная, с точки зрения фискальных интересов, ситуация складывается при оспаривании собственниками кадастровой стоимости объектов недвижимости в судебном порядке (табл. 2).

Таблица 1. Данные об оспаривании кадастровой стоимости (КС) объектов недвижимости в комиссиях Росреестра по рассмотрению споров³

	Количество объектов (в т. ч. земельные участки), по которым приняты заявления об оспаривании КС	Доля объектов капитального строительства ⁴	КС объектов до оспаривания (трлн)	КС объектов после оспаривания (трлн)	Падение КС, %
2014	27 772	14,80	4,000	2,700	32,3
2015	49 337	8,70	6,167	3,676	40,4
2016	102 629	5,20	4,269	3,897	8,7
2017	118 628	28,13	8,700	7,500	14,6

Таблица 2. Данные об оспаривании кадастровой стоимости (КС) объектов недвижимости в судах⁵

	Количество объектов (в т. ч. земельные участки), по которым оспорена КС	КС объектов до оспаривания (трлн)	КС объектов после оспаривания (трлн)	Падение налоговой базы, %
2014	38 876	1,431	0,382	73,0
2015	10 300	0,639	0,373	41,6
2016	20 418	1,170	0,634	45,6
2017	24 823	1,425	0,638	55,0

Следует оговориться, что данные, содержащиеся в табл. 1 и 2, касаются не только налога на имущество физических лиц, но и земельного налога, налога на имущество организаций. Проблема успешного оспаривания кадастровой стоимости недвижимого имущества, в том числе земельных участков, свидетельствует о том, что существующий механизм ее определения имеет серьезные изъяны, что напрямую обуславливает последующее значительное уменьшение налоговой базы по ряду налогов, для исчисления которых используется кадастровая стоимость. Общие тенденции успешного оспаривания кадастровой стоимости будут и дальше оказывать негативное влияние на поступление НИФЛ в бюджеты муниципальных образований.

Таким образом, реформирование налоговой базы НИФЛ обеспечило значительное ее увеличение, несмотря на налоговые вычеты, сокращение за счет успешного оспаривания. Следствием этого стало существенное увеличение сумм налога, исчисленного налогоплательщикам. Такая тенденция будет продолжаться по мере перехода субъектов Российской Федерации на кадастровый способ исчисления НИФЛ.

К негативным результатам реформы налоговой базы следует отнести массовое оспаривание результатов кадастровой оценки объектов недвижимости, что влечет значительные финансовые издержки как для налогоплательщиков, так и для государства.

Налоговые ставки

Серьезному реформированию подвергся и этот элемент налога, хотя концепция использования переменных ставок, распространенная в мировой практике налогообложения недвижимости, осталась прежней [6, с. 69; 7, с. 90].

Государство почти отказалось от использования прогрессивных ставок налогообложения, зависящих от суммарной инвентаризационной стоимости облагаемого имущества, перейдя к установлению ставок применительно к категориям объектов. Серьезным отступлением от этого общего правила является положение п. 5 ст. 406 НК РФ, разрешающее муниципалитетам установление дифференцированных налоговых ставок в зависимости от кадастровой стоимости объекта налогообложения (суммарной инвентаризационной стоимости объектов налогообложения, умноженной на коэффициент-дефлятор). Выборочное изучение нормативных правовых актов, регулирующих НИФЛ, различных муниципальных образований Российской Федерации показало, что местные власти пользуются правом на сохранение прогрессивного характера ставок [7, с. 92].

Принципиально важным для фискальных интересов местных бюджетов и налогоплательщиков является значительное снижение максимально допустимых НК РФ ставок по налогу (табл. 3) в отношении объектов жилого фонда — домов, квартир, комнат, доля которых среди облагаемых объектов самая большая — 89,15% по итогам 2016 г.

³ Составлено по данным Росреестра за 2014–2017 гг. URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-/informatsiya-o-deyatelnosti-komissiy-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy> (дата обращения: 13.03.2017).

⁴ Под объектами капитального строительства в данном случае имеются в виду: здания, сооружения, помещения, объекты незавершенного строительства.

⁵ Составлено по данным Росреестра за 2014–2017 гг. URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-/informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-obektov> (дата обращения: 13.03.2017).

Таблица 3. Допустимые НК РФ ставки НИФЛ в отношении объектов жилого фонда

Стоимость объектов жилого фонда	Пределы ставок для суммарной инвентаризационной стоимости имущества	Максимальные ставки для кадастровой стоимости объектов жилого фонда
До 300 000 рублей включительно	До 0,1%	До 0,1%
Свыше 300 000 до 500 000 рублей включительно	От 0,1% до 0,3%	До 0,1%
Свыше 500 000 рублей	От 0,3% до 2%	До 0,1%

Таблица 4. Количество объектов, по которым исчислен налог (составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2012–2014 гг. (форма 5-МН))

Инвентаризационная стоимость объектов	2012	2013	2014
До 300 000 рублей включительно	23 528 876	22 856 238	22 162 077
Свыше 300 000 до 500 000 рублей включительно	7 198 532	7 581 654	7 621 593
Свыше 500 000 рублей	5 063 077	5 726 179	5 835 803

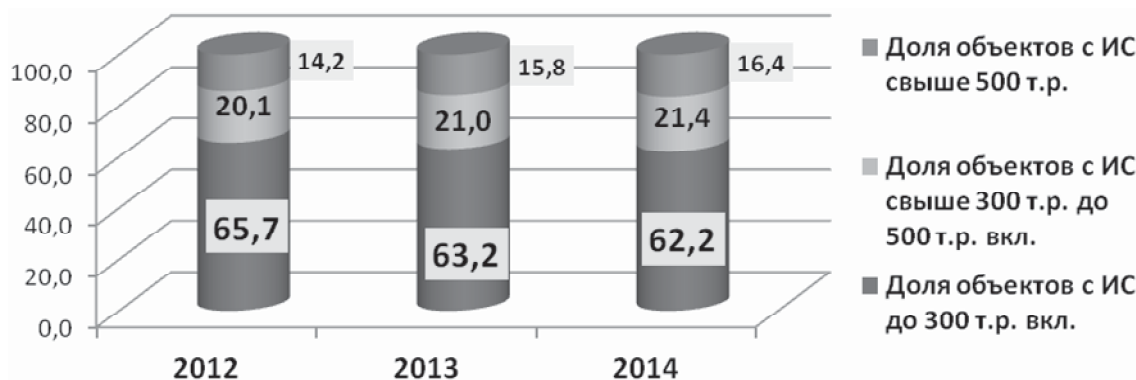

Рис. 5. Распределение облагаемых объектов по порогам прогрессии, % (составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2012–2014 гг. (форма 5-МН))

По первому порогу прогрессии стоимости имущества максимальные ставки остались прежними, по второму — возможно трехкратное снижение ставок, по третьему — возможно снижение в диапазоне от 3 до 20 раз.

По данным официальной отчетности ФНС России в период с 2012 г. по 2014 г. доля облагаемых объектов, инвентаризационная стоимость которых не превышает 300 000 рублей (первый порог прогрессии), сократилась на 3,5% и составила в 2014 г. 62,2%. Доли объектов второго и третьего порога, наоборот, демонстрируя рост, по итогам 2014 г. составили соответственно 21,4% и 16,4% (табл. 4; рис. 5)⁶.

Представленные данные позволяют сделать следующие выводы относительно влияния реформы налоговых ставок, применяемых к кадастровой стоимости, на поступления НИФЛ в местные бюджеты:

1. Облагаемые объекты с инвентаризационной стоимостью не более 300 000 рублей, которых абсолютное большинство, потенциально способны уве-

личить налоговые поступления в бюджеты, а также налоговую нагрузку собственников имущества, при исчислении в отношении них налога по кадастровой стоимости, которая в большинстве случаев выше инвентаризационной. Кроме того, следует оговориться, что местным властям предоставлено право уменьшать до нуля или увеличивать до трех раз ставку 0,1%, применяемую, к объектам жилого фонда (п. 3 ст. 406 НК РФ), что, безусловно, отрицательно или положительно отразится на налоговых поступлениях.

Данная гипотеза неприменима к тем объектам, которые при реальном исчислении налога конкретному налогоплательщику, имеющему несколько облагаемых объектов, автоматически попадают во вторую или третью группу объектов с повышенными ставками из-за правила налоговой базы о суммировании инвентаризационной стоимости объектов.

2. Объекты, относящиеся ко второму порогу прогрессии, доля которых колеблется в районе 20%,

⁶ Следует оговориться, что представленные в табл. 4 и на рис. 5 данные охватывают не только объекты жилого фонда, но и все остальные. Однако доля первых в 2012 г. составила 91,5%, в 2013 г. — 91,1%, в 2014 г. — 90,7% (по данным статистической отчетности ФНС России за 2012–2014 гг.).

потенциально способны увеличить налоговые поступления в бюджеты, а также налоговую нагрузку собственников имущества, но только в случае значительного увеличения их кадастровой стоимости относительно инвентаризационной, превышающего уровень падения реальных налоговых ставок в конкретном муниципальном образовании (от 3 до 20 раз).

3. Объекты третьего порога прогрессии, доля которых в 2014 г. достигла 16,4%, имеют низкий потенциал к увеличению налоговых поступлений, поскольку для положительного результата необходимо очень значительное увеличение их кадастровой стоимости относительно инвентаризационной, превышающее уровень падения реальных налоговых ставок в конкретном муниципальном образовании (от 3 до 20 раз).

Для наглядности приведем следующий, весьма типичный, пример. Налогоплательщик, не имеющий льгот, является собственником двух квартир в г. Омске, инвентаризационная стоимость каждой из которых составляет 280 тыс. рублей. Исходя из их суммарной инвентаризационной стоимости (более 500 тыс. рублей) каждая квартира облагается по ставке 1,5%. Если исчислять налог в отношении этих квартир по их кадастровой стоимости, то следует применять налоговую ставку 0,1%. Очевидно, что в такой ситуации рост суммы налога возможен только при условии, что кадастровая стоимость квартир вырастет по сравнению с инвентаризационной более чем в 15 раз. Вероятность такой неадекватной кадастровой оценки очень мала.

Подводя итог, следует сказать, что реформирование налоговых ставок, особенно в части самых массовых объектов обложения — объектов жилого фонда, не смогло не повлиять на динамику доли налога, исчисленного в отношении этого имущества (рис. 6). Рост налоговых поступлений смогут обеспечить далеко не все муниципальные образования.

Порядок исчисления налога

Данный элемент налога радикальных изменений не претерпел. Как и ранее, обязанность по исчислению НИФЛ возложена на налоговые органы, которые на основании имеющихся сведений об имуществе физических лиц производят расчет и направляют налогоплательщикам налоговые уведомления. Определенные новшества появились в части самого расчета налога, если соответствующий субъект Российской Федерации перешел на использование кадастровой стоимости в качестве налоговой базы. Речь идет о трех принципиальных изменениях порядка расчета налога, оказывающих значительное влияние на размеры налоговых поступлений, а также на налоговую нагрузку физических лиц:

- 1) налоговая база, участвующая в расчете налога, подлежит обязательному уменьшению налоговыми органами на установленные законом налоговые вычеты (как уже было указано ранее, правило распространяется на самые массовые категории облагаемых объектов — объекты жилого фонда);
- 2) расчет налога производится по кадастровой стоимости с применением специальной формулы;
- 3) введены коэффициенты, постепенно увеличивающие нагрузку на налогоплательщиков к 2020 г.

Второе и третье изменение, закрепленное в п. 8 ст. 408 НК РФ, начинает автоматически применяться с даты перехода субъекта Российской Федерации на исчисление налога по кадастровой стоимости в отношении большинства объектов.

Фактически специальный инструментарий для исчисления НИФЛ разработан исключительно для переходного периода реформы налога 2015–2020 годов, чтобы «плавно увеличить налоговую нагрузку»⁷.

$$\text{НИФЛ} = (H1 - H2) \times K + H2,$$

H1 — сумма налога, исчисленная по кадастровой стоимости объекта ($H1 = (KC - HB) \times HC$, где

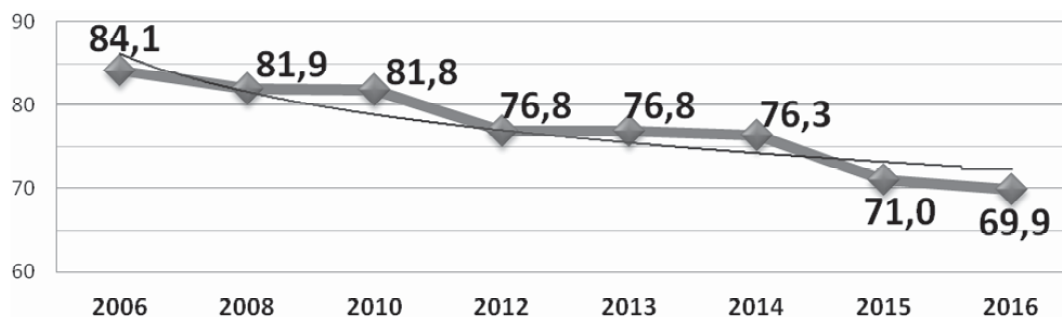

Рис. 6. Доля НИФЛ, исчисленного в отношении жилых объектов, %

(составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2006, 2008, 2010, 2012–2016 гг. (форма 5-МН))

⁷ О введении налога на имущество физических лиц: письмо Минфина России от 14 октября 2014 г. № 03-05-0601/51651. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

НВ — налоговый вычет, если он применим; НС — соответствующая объекту налоговая ставка);

Н2 — сумма налога, исчисленная по инвентаризационной стоимости объекта за последний налоговый период, в котором для исчисления применялась инвентаризационная стоимость ($H2 = ИС \times НС$, где НС — соответствующая суммарной ИС налоговая ставка);

К — коэффициент, равный: 0,2 — применительно к первому налоговому периоду, в котором налоговой базой признается КС (первый год, с которого субъект Российской Федерации перешел на использование КС); 0,4 — применительно ко второму налоговому периоду; 0,6 — применительно к третьему налоговому периоду; 0,8 — применительно к четвертому налоговому периоду.

Иными словами, задача указанного коэффициента заключается в ежегодном увеличении на 20% суммы исчисляемого налога. Чем раньше субъект Российской Федерации перейдет на кадастровый способ исчисления НИФЛ, тем более плавно будет увеличиваться налоговое бремя для налогоплательщиков. Следует отметить, что указанный инструментарий для исчисления налога применяется налоговыми органами не всегда, в отдельных случаях это запрещает закон, в других — это просто невозможно.

Во-первых, применение специального инструментария ограничено рамками переходного периода, с 2020 г. на всей территории Российской Федерации НИФЛ будет исчисляться исходя из кадастровой стоимости имущества, путем традиционного произведения налоговой базы и налоговой ставки, без учета анализируемой формулы.

Во-вторых, формула не применяется в отношении отдельных категорий объектов (административно-деловые центры, торговые центры (комплексы) и помещения в них; нежилые помещения, назначение, разрешенное использование или наименование которых предусматривает размещение офисов, торговых объектов, объектов общественного питания и бытового обслуживания либо которые фактически

используются для этих целей (п. 8 ст. 408 НК РФ). Исчисление налога для них производится обычным способом.

В-третьих, если при исчислении налога значение Н2 превышает соответствующее значение Н1, то есть НИФЛ по ИС окажется больше НИФЛ по КС, суммой налога, подлежащей уплате, будет считаться значение Н1 (п. 9 ст. 408 НК РФ). Изучение практики налоговых органов по исчислению НИФЛ за 2015 и 2016 гг.⁸ показало, что подобные ситуации далеко не редкость. Основными причинами, по которым Н1 оказывается меньше Н2, являются: незначительное увеличение КС относительно ИС имущества, уменьшение КС на налоговые вычеты, падение уровня налоговых ставок.

В-четвертых, формула не может применяться в отношении новых объектов недвижимости, инвентаризационная стоимость которых не определялась вообще.

Таким образом, законодательные нововведения в части исчисления сумм НИФЛ, безусловно, будут оказывать значительное влияние на налоговые поступления в бюджеты: налоговые вычеты будут оказывать отрицательное воздействие, увеличивающие коэффициенты — положительное. Для налоговой нагрузки физических лиц указанные обстоятельства будут иметь обратный эффект.

Налоговые льготы

Традиционно данный элемент налога оказывает значительное отрицательное воздействие на налоговые поступления в бюджеты (рис. 7 и 9).

Категории льготников в результате реформирования практически не претерпели изменений, существенно изменились правила предоставления льгот. Согласно пп. 3 и 4 ст. 407 НК РФ налоговая льгота предоставляется по выбору налогоплательщика в отношении одного объекта каждого вида: 1) квартира или комната; 2) жилой дом; 3) помещение или сооружение, используемые для профессиональной твор-

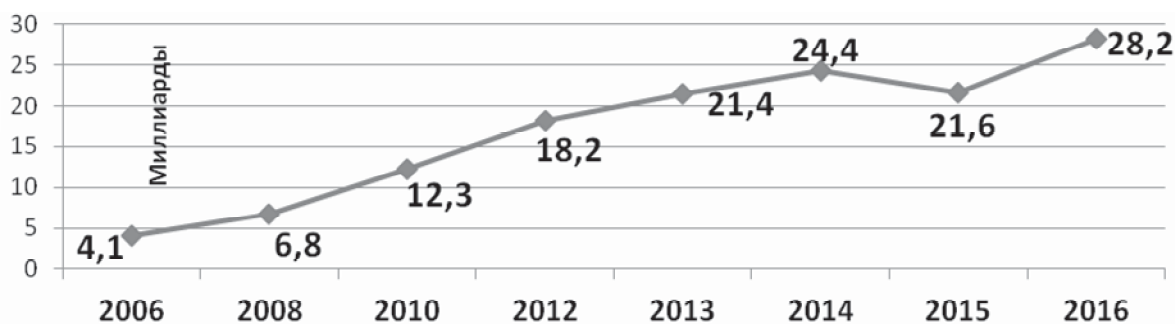

Рис. 7. Сумма налога, не поступившая из-за льгот (освобождений)
(составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2006, 2008, 2010, 2012–2016 годы (форма 5-МН))

⁸ Изучено более 100 налоговых уведомлений за 2015 и 2016 гг., направленных налогоплательщикам Омской области, Москвы, Самары, Томска, Бердска (Новосибирская область) и Нижневартовска.

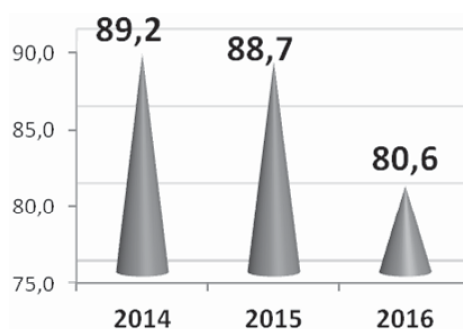
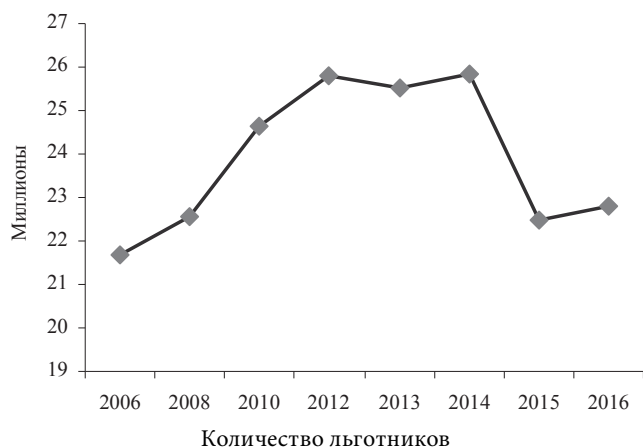

Рис. 8. Лица, пользующиеся налоговыми льготами

(составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2006, 2008, 2010, 2012–2016 гг. (форма 5-МН))

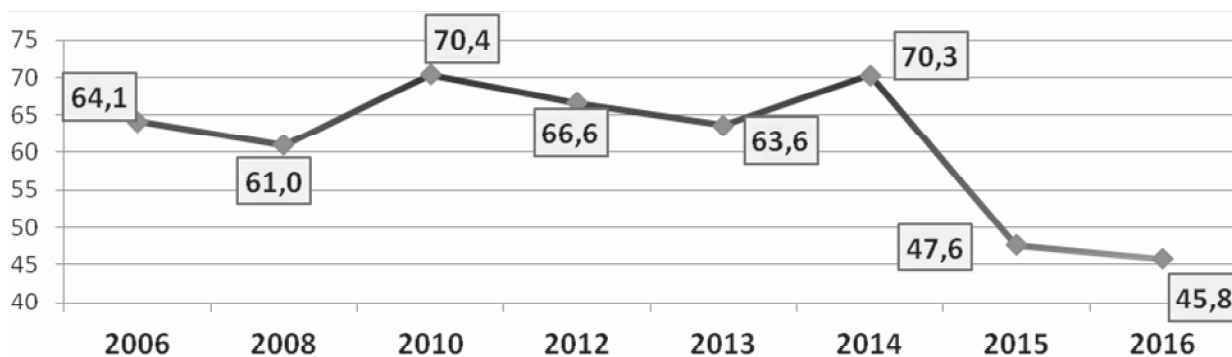

Рис. 9. Отношение непоступивших сумм к исчисленному налогу из-за льгот, %

(составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2006, 2008, 2010, 2012–2016 гг. (форма 5-МН))

ческой деятельности; 4) хозяйственное строение или сооружение до 50 кв. м; 5) гараж или машино-место.

Указанное новшество объясняется попыткой законодателя прекратить массовую практику минимизации своих налоговых платежей через оформление права собственности на имущество на льготников, как правило, пенсионеров, доля которых среди остальных льготников остается самой высокой и после реформы (рис. 8).

Надо признать, что мера оказалась весьма эффективной, на рис. 9 видно, что в 2015 г. сумма налога, не поступившая из-за льгот (освобождений), сократилась почти на 3 млрд рублей по сравнению с 2014 г. Несмотря на значительное увеличение данного показателя (почти на 7 млрд рублей) в 2016 г., отношение непоступивших сумм к исчисленному налогу, снизилось с 70,3% в 2014 г. до рекордно низкого значения в 45,8% в 2016 г.

Именно это значительное падение — есть главный успешный результат реформирования налоговых льгот для местных бюджетов с фискальной точки зрения. Законодателю успешно удалось решить две главные задачи: сократить количество льготников (рис. 8) и значительно уменьшить эффект влияния льгот на налоговые начисления (рис. 9).

Итоги

По мнению Минфина России, справедливость налогообложения недвижимости физических лиц обеспечивается появлением в НК РФ налоговых вычетов (необлагаемой части кадастровой стоимости объекта недвижимости), сохранением налоговых льгот в виде освобождения от уплаты налога для отдельных категорий населения, введение коэффициентов, постепенно увеличивающих нагрузку на налогоплательщиков.

Внимательный анализ положений главы 32 НК РФ, практики проведения кадастровой оценки недвижимости позволяет усомниться в эффективности обозначенных выше мер социальной поддержки. Например, налоговые вычеты предоставляются всем категориям обеспеченных и необеспеченных граждан, современный вариант налоговых льгот значительно ухудшает материальное положение самой массовой категории льготников — пенсионеров. Очевидно, что никакие меры социальной поддержки не исправят несообразность проведенной кадастровой оценки.

Рост налоговых поступлений смогут обеспечить себе далеко не все муниципальные образования. Связано это, прежде всего, с тем, что большая часть облагаемых объектов недвижимости относит-

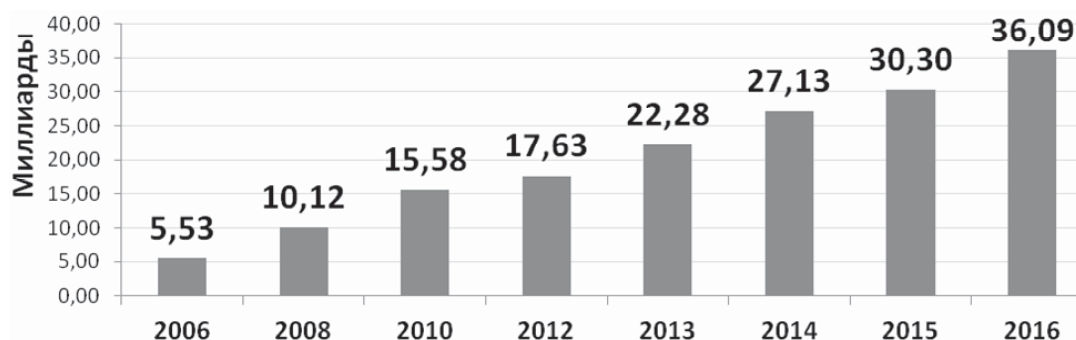

Рис. 10. Суммы налога, поступившие в бюджеты
(составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2006, 2008, 2010, 2012–2016 гг. (форма 1-НМ))

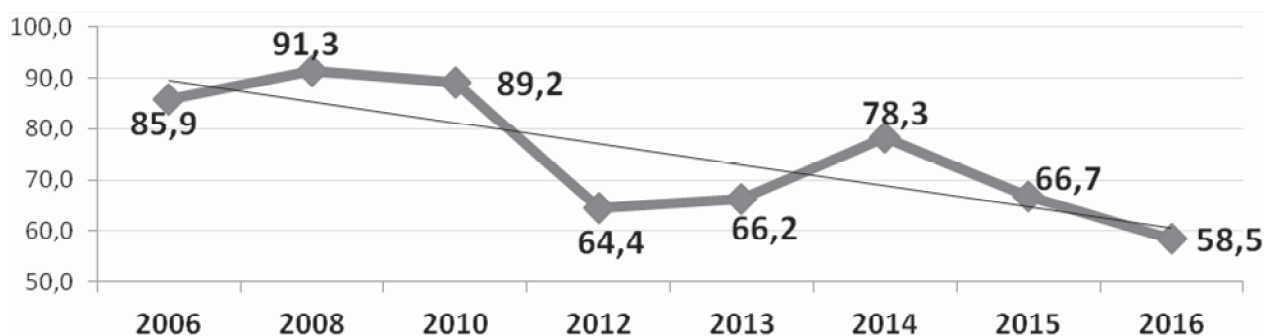

Рис. 11. Отношение поступивших сумм к исчисленному налогу, %
(составлено по данным статистической отчетности ФНС России за 2006, 2008, 2010, 2012–2016 гг. (формы 5-МН, 1-НМ))

ся к жилому фонду, в отношении которых действующим законодательством предусмотрены пониженные налоговые ставки.

Благодаря большому количеству дорогостоящей недвижимости в городах федерального значения (Москва, Санкт-Петербург) увеличится объем поступлений налога на имущество физических лиц в бюджет этих муниципальных образований. В других городах также будет замечен рост поступлений денежных средств, но не такой значительный, как в городах федерального значения.

Что касается налогоплательщиков-собственников недвижимости, то рост налогового бремени ожидает не всех [8, с. 16]. Владельцы дорогостоящей недвижимости ощутят реформирование налога в полной мере, владельцы недвижимости эконом-класса, особенно собственники недорогого жилья, имеют шанс даже снизить размер налоговых обязательств за счет налоговых вычетов и падения уровня налоговых ставок.

Если совокупно оценивать влияние реформы на налоговые поступления в местные бюджеты, то оно, конечно, в целом положительное. Тенденция прироста поступивших в бюджеты сумм налога исключительно положительная (рис. 10).

Однако значительный рост начисленных налоговых обязательств повлек обострение проблемы с соби-

раемостью налога — произошло резкое снижение доли поступивших сумм к исчисленному налогу (рис. 11). За первые два года реформы разрыв увеличился на 20 процентных пунктов, что не может не вызывать серьезных опасений относительно продолжения такой негативной тенденции в ближайшие годы.

Еще более неутешительной выглядит ситуация с размерами недоимок по налогу, которые имеют свойство ежегодно накапливаться: к задолженностям прошлых лет добавляются недоимки текущего года. Как видно из данных, представленных на рис. 12, за два года реформирования НИФЛ сумма налоговой задолженности увеличилась с 18,53 млрд рублей до 31,01 млрд рублей. А если сравнить суммы поступлений НИФЛ (рис. 10) с размерами накопившихся недоимок (рис. 12), то по итогам 2016 г. эти значения практически сравнялись.

Справедливости ради стоит отметить, что значительное увеличение размеров недоимок наблюдается в последние годы по всем налогам. Однако по НИФЛ можно наблюдать не просто рост недоимок, но и ежегодное увеличение их доли в общей сумме задолженности (рис. 12).

Усугубление проблемы недоимок по НИФЛ, конечно же, нельзя объяснять только ростом налогового бремени, обусловленного реформой самого налога. Свой вклад вносит правоприменительная практика, полно-

Рис. 12. Недоимки по налогу на имущество физических лиц
(составлено по данным статистической отчетности ФНС России 2010–2016 гг. (форма 4-НМ))

стью исключая возможность привлечения к налоговой ответственности физических лиц за неуплату имущественных налогов. Нетрудно спрогнозировать, что в ближайшие годы с учетом реформирования налога на имущество физических лиц доля самой массовой категории налогоплательщиков в создании задолженности перед бюджетами будет увеличиваться [9, с. 40].

Таким образом, реформирование налогообложения имущества физических лиц лишь абстрактно связано с реализацией справедливости налогообложения, совершенно не гарантирует увеличение фискальной составляющей для всех местных бюджетов и рост налоговой нагрузки на основную часть населения.

Список литературы

1. Беликов Е. Г. Налогообложение имущества физических лиц в свете введения в действие главы 32 НК РФ // *Налоги*. 2015. № 3.
2. Турбина Н. М. Перспективы и экономические последствия введения налога на недвижимость // *Социально-экономические явления и процессы*. 2013. № 4.
3. Косенкова Ю. Ю., Турбина Н. М., Зобова Е. В. Социальные и экономические последствия введения налога на недвижимость физических лиц в Российской Федерации // *Социально-экономические явления и процессы*. 2016. Т. 11. № 9.
4. Бастрыкин В. В., Бирюкова Л. Л., Болотских В. В. Анализ результатов судебного оспаривания кадастровой стоимости земельных участков в Кемеровской и Новосибирской областях // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2014. № 11.
5. Липски С. А. Изменение подходов федерального законодателя к определению налоговой базы недвижимого имущества // *Налоги*. 2017. № 1.
6. Богачев С. В. Налог на недвижимость: зарубежный опыт // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2017. № 4(187).
7. Пинская М. Р., Алавердян О. А., Богачев С. В., Оганян Г. К. Методологические подходы к налогообложению недвижимости и их реализация в налоговых системах России и Армении // *Финансовый журнал*. 2017. № 4.
8. Федорцова Р. П., Артемьева О. И. Налог на имущество физических лиц в формировании муниципальных бюджетов // *Налоги*. 2015. № 3.
9. Клоков Е. А. Неуплата (неполная уплата) налога: «вольности» трактовки деяния // *Налоги и налогообложение*. 2017. № 2.

Внесение денежных средств как способ обеспечения исполнения контракта: вопросы регламентации

К. Е. Мараев, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. E-mail: forvater_slik@mail.ru

Рассматривается вопрос, касающийся такого способа обеспечения исполнения контракта, как внесение денежных средств на счет, указанный заказчиком. Актуальность данной темы вызвана неоднозначным толкованием норм права, регулирующих порядок внесения денежных средств. Такое состояние регулирования ведет к противоречивой правоприменительной практике со стороны как контролирующего органа, так и судов. В связи с неоднозначным пониманием нормы права в указанной сфере, действия одних исполнителей, внесших денежные средства в качестве обеспечения исполнения контракта по частям, признавались неправомерными, однако действия других подрядчиков в подобной ситуации квалифицировались как правомерные. Такое положение дел показывает имеющиеся недостатки правового регулирования в рассматриваемой сфере. Проводится анализ судебной практики и делается вывод о необходимости внесения дополнения в законодательство о закупках в части, касающейся данного способа обеспечения исполнения контракта.

Ключевые слова: обеспечение исполнения контракта; внесение денежных средств; поставщик; заказчик.

Payment as the Way to Insure Performance of the Contract: Questions of Regulation

K. Ye. Maraev, V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: forvater_slik@mail.ru

The paper considers the issue related to such means of insuring performance of a contract as placing money on the account designated by the customer. This theme is relevant due to an ambiguous interpretation of the legal norms which regulate the procedure of placing money on the account. Such regulation leads to contradictory law enforcement practice used both by the supervising body and the courts. In connection with ambiguous comprehension of the legal norm in the mentioned sphere the actions of some performers who have placed money piecemeal as the insurance of performing a contract were recognized as unlawful, meanwhile other contractors' actions in the same situation were defined as lawful. This state of things reveals the existing drawbacks in the legal regulation of the sphere under study. The research in this area aims to develop measures of solving this problem. The author estimates judicial experience and states that it is necessary to make additions to the legislation on procurements in regard with this type of insuring the performance of a contract.

Keywords: insuring the performance of a contract; placing money; supplier; customer.

Заказчик при осуществлении закупки заинтересован в надежном, порядочном, добросовестном поставщике. Как распознать такого подрядчика? Согласно Федеральному закону «О контрактной системе закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон «О закупках») некоторыми из таких

показателей надежности и добропорядочности являются обеспечение заявки, обеспечение исполнения контракта и отсутствие подрядчика в реестре недобросовестных поставщиков¹. Из этого следует, что заказчик при выборе поставщика, во-первых, обязан удостовериться, что его нет в реестре недобросовестных поставщиков, во-вторых, должен

¹ О контрактной системе закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд : федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

устанавливать требование обеспечения заявки и исполнения контракта.

Обеспечение исполнения контракта — это платеж, счет и размер которого установлен заказчиком согласно требованиям законодательства, вносимый победителем-подрядчиком в качестве подтверждения способности исполнить данный контракт и покрытия возможного причиненного ущерба заказчику. Такие обеспечительные меры повышают уровень защиты интересов заказчиков от действий недобросовестных поставщиков и сокращают риски, связанные с неисполнением контрактов [1, с. 39].

Согласно ч. 3 ст. 96 Закона «О закупках» участник закупки может обеспечить исполнение контракта банковской гарантией или внесением денежных средств. Порядок и случаи внесения денежных средств определены ст. ст. 37, 45, 93, 96 Закона «О закупках».

Однако в законе не предусмотрено, каким образом должны поступать денежные средства на счет заказчика, что, на наш взгляд, является достаточно важным моментом, так как денежные средства могут поступать как одновременно, так и несколькими платежами или иными способами.

Так, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет» разместил заказ на закупку студенческих билетов и зачетных книжек. 10 апреля 2014 г. по результатам проведенного электронного аукциона победителем была признана заявка ООО «РегТайм». 14 апреля 2014 г. победителю была направлена копия контракта. Регламентированный срок подписания контракта, предусмотренный электронной площадкой, — 21 апреля, 23 час. 59 мин. 17 апреля на электронной площадке заявителем был подписан контракт, а также прикреплено платежное поручение № 166 от 15 апреля, подтверждающее направление на счет заказчика обеспечения — 18 284 руб. Оставшаяся сумма обеспечения — 9142 руб. — перечислена поручителем 21 апреля. Заявитель известил заказчика об этом путем направления электронного письма с приложением копии платежного поручения об оплате обеспечения исполнения контракта в требуемом размере. 24 апреля заказчик опубликовал на электронной площадке протокол о признании ООО «РегТайм» уклонившимся от заключения контракта и отказе в заключении, так как была нарушена процедура внесения средств обеспечения исполнения контракта.

ООО «РегТайм» обратилось с жалобой в УФАС по Республике Башкортостан. УФАС по Республике Башкортостан признало жалобу необоснованной, так как денежные средства в качестве обеспечения

исполнения контракта должны перечисляться единовременно. Также в законе не указано, что электронная площадка обязана предоставлять возможность отправлять обеспечение исполнения контракта несколько раз.

ООО «РегТайм» обратилось в Арбитражный суд Республики Башкортостан, где было признано недействительным решение УФАС по Республике Башкортостан. В связи с этим УФАС по Республике Башкортостан подало апелляцию.

Постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 апреля 2015 г. по делу № А07-19042/2014 решение Арбитражного суда Республики Башкортостан оставлено без изменения. В связи с тем, что ООО «РегТайм» своевременно направило средства обеспечения исполнения контракта на счет заказчика и к моменту принятия решения о признании поставщика в качестве уклоняющегося от исполнения контракта обладало сведениями о полной оплате суммы обеспечения исполнения контракта. Кроме того, «доводы УФАС по Республике Башкортостан о том, что электронная площадка обязана предоставлять возможность отправлять обеспечение исполнения контракта электронного аукциона несколько раз, отклоняется как противоречащее нормам материального права, поскольку действующим законодательством не предусмотрено направление суммы обеспечения исполнения контракта одним платежом»².

Существует иной способ внесения суммы обеспечения исполнения контракта. Поставщик вносит денежные средства в качестве обеспечения исполнения контракта, но плательщиком выступает третье лицо.

Так, Государственная инспекция по недвижимости г. Москвы разместила заказ на оказание услуг по съемке мобильным летательным аппаратом огороженных территорий г. Москвы. ООО «Коптер Экспресс» оказалось победителем аукциона, и в виде обеспечения исполнения контракта данной компании необходимо было внести денежные средства в размере 540 000 рублей. Эта компания предоставила платежное поручение, но плательщиком выступила другая компания, а именно ООО «Лайв Бюро».

Госинспекция посчитала, что ООО «Коптер Экспресс» не выполнила возложенной на нее обязанности по представлению обеспечения исполнения контракта. На данном основании заказчик отказался заключать с ООО «Коптер Экспресс» контракт. 25 мая 2015 г. компания ООО «Коптер Экспресс» направила жалобу в Московское УФАС России на действия заказчика. Комиссия Управления признала жалобу

² Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 апреля 2015 г. по делу № А 07-19042/2014. URL: <https://www.zakupki-inform.ru> (дата обращения: 23.02.2017).

обоснованной и выдала предписание об устранении нарушений.

Госинспекция по недвижимости г. Москвы не согласилась с решением УФАС и обратилась в Арбитражный суд, утверждая, что обеспечение исполнения контракта должно было поступать именно от ООО «Коптер Экспресс», а не от третьего лица.

Суд отклонил доводы заказчика исходя из следующего. ООО «Коптер Экспресс» был направлен заказчику подписанный проект контракта и Договор займа исх. № 21 от 05 мая 2015 г. с просьбой перечислить заемные средства по реквизитам, указанным заказчиком. Согласно п. 1 ст. 313 ГК РФ кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, если исполнение обязательства возложено должником на указанное третье лицо. В законе о контрактной системе закупок не содержится положений, предусматривающих исключительную обязанность победителя по предоставлению обеспечения исполнения контракта и не описан порядок осуществления таких действий. В связи с этим суд первой инстанции доводы заказчика отклонил и признал, что государственный заказчик необоснованно не принял обеспечение исполнения контракта и признал «ООО Коптер Экспресс» уклонившимся от заключения контракта.

30 сентября 2015 г. Госинспекция по недвижимости г. Москвы обратилось с апелляцией в Девятый арбитражный апелляционный суд г. Москвы. Апелляционный суд посчитал, что суд первой инстанции всесторонне и полно рассмотрел обстоятельства дела и правильно применил нормы права, и поэтому оставил решение Арбитражного суда г. Москвы без изменения, а апелляционную жалобу без удовлетворения³. Подобная ситуация встречается в практике антимонопольных органов⁴.

Анализ приведенной судебной практики позволяет сделать вывод, что в действующей редакции Закона «О закупках» не в полной мере урегулированы вопросы внесения денежных средств как способа обеспечения исполнения контракта. Текущее положение создает правовую неопределенность для заказчиков, исполнителей и контрольных органов. Кроме того, создаваемая ситуация позволяет субъектам отношений в сфере закупок толковать и реализовывать нормы права исходя из собственных соображений, что недопустимо, так как это может привести к нарушению конкуренции и прав участников.

Исходя из вышесказанного предполагаем, что необходимо путем внесения дополнений в законо-

дательство урегулировать сложившиеся ситуации. В первом случае можно определить, что сумма обеспечения контракта должна вноситься единовременно или несколько раз с указанием определенного количества внесений или без указания, но оба варианта ограничиваются сроком 5 дней со дня получения исполнителем проекта контракта. Если законом будет разрешено внесение суммы обеспечения контракта за несколько платежей, то необходимо определить, за кем закрепить эту возможность. Она может закрепиться за заказчиком или поставщиком.

Если за заказчиком закрепить право устанавливать в извещении о закупке требования о единовременном или поэтапном внесении суммы обеспечения, то заказчик, устанавливая обязанность единовременного внесения средств исполнения контракта подрядчиком, совершает действия, нарушающие конкуренцию. Предположительно два участника закупки, желающие получить контракт на поставку той или иной продукции, обязаны внести средства обеспечения контракта. При этом один из них предлагает меньшую цену контракта, но не может по некоторым причинам единовременно внести сумму обеспечения, а другой участник может, но при этом предлагает цену дороже. В связи с этим заявка первого участника отклоняется и победителем становится участник, предложивший большую цену, что противоречит принципу эффективности закупок, а именно, экономии денежных средств. Кроме того, данную схему можно использовать и в коррупционных целях.

Как верно отметил С. В. Габестро, «реальные хозяйствующие субъекты, большими финансовыми возможностями не обладающие, часто не могут участвовать в закупках. В реальности обеспечение контракта являлось и является преградой для участия в закупках в основном для добросовестных участников — реальных хозяйствующих субъектов, которые содержат персонал, материально-техническую базу и т. д. Для таких участников изыскивать дополнительные финансовые средства на обеспечение контракта — это большая проблема» [2]. Автор считает, что такая мера, как обеспечение исполнения контракта, является дополнительной финансовой нагрузкой для ряда добросовестных поставщиков. Значит, добросовестный поставщик, не обладающий соответствующими финансовыми ресурсами, не сможет принять участие в закупках.

Таким образом, предоставление рассматриваемого права заказчику приведет, как мы видим, к нарушению конкуренции.

³ Постановление Девятого Арбитражного суда г. Москвы от 14 января 2016 г. по делу № А40-126679/2015. URL: <http://www.sudact.ru/arbitral/doc/OLQgQb1rzCxr/> (дата обращения: 22.06.2017).

⁴ Решение Коми УФАС России от 27 марта 2014 г. №04-02/2548. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представим, что данное право разового или многократного внесения денежных средств в качестве обеспечения исполнения контракта принадлежит поставщику. На первый взгляд представляется, что у заказчика такой поставщик, который не сможет внести одновременно денежные средства в счет обеспечения контракта, вызывает сомнение в надежности. Возникает вопрос, если он не может внести сумму обеспечения контракта, то каким образом он будет заключенный контракт исполнять? Нужно ли заказчику подвергать себя риску? Конечно, определенный риск в данном случае есть, но встречаются и случаи, когда поставщик вносит одновременно сумму обеспечения контракта, но потом оказывается неспособным исполнить контракт.

Например, Министерство жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Калмыкия заключило договор с ООО «Водопроводстрой» на капитальное строительство объекта: «Строительство инфраструктуры для отселения жителей прибрежных территорий, затопляемых водами Каспийского моря. Наружные инженерные сети и благоустройство. Жилой район „Лагань-Сити“, г. Лагань, Республика Калмыкия». Данная подрядная организация выполнила обязанности, но в период эксплуатации в течение гарантийного срока были выявлены дефекты, препятствующие нормальной эксплуатации объекта. В связи с чем заказчик потребовал устранить данные недостатки, но подрядчик не смог этого сделать, так как в отношении общества введена процедура банкротства⁵.

Помимо указанного примера причины неспособности исполнить контракт должным образом могут быть самые разные, как не зависящие от сторон (издание акта государственной власти о запрете на ввоз или вывоз продукции, принятие нового законодательства или внесение изменений в действующее законодательство, повлиявшее на прибыль исполнителя заказа и т. п.), так и связанные с результатами деятельности (например, из-за нарушений, выявленных в деятельности подрядной организации, государственными органами принимается решение о ее ликвидации и т. п.). Поэтому данный показатель, на наш взгляд, не говорит о неспособности исполнить контракт.

Во втором случае, исходя из того, что участнику закупки предоставлено право самостоятельно выбирать способ обеспечения исполнения контракта, следует предусмотреть, что поставщик может привлекать третьих лиц для внесения суммы обеспечения контракта, если это не нарушает установленных законодательством о контрактной системе закупок требований.

Поставщик может привлекать третьих лиц для внесения денежных средств в виде обеспечения исполнения контракта не только когда по договору займа кредитор возвращает поставщику деньги, перечисляя по согласованию с займодавцем (поставщиком) на счет заказчика, но и в тех случаях, когда поставщик является кредитором, а займодавец перечисляет заемные деньги не на счет кредитора, а по согласованию с ним на счет заказчика. При этом такое перечисление может быть как одновременным, так и многократным, но не должно нарушать установленных законодательством о закупках сроков.

Справедливо отмечает А. Некрасова, что «практика оплаты третьим лицом обеспечения исполнения контракта, безусловно, несет удобства для участников хозяйственного оборота, участвующих в закупках в качестве подрядчиков (исполнителей). Но заказчик также оказывается в неопределенном положении и может нести некоторые риски относительно несогласованности норм Закона №44-ФЗ и ГК РФ, которая была обозначена в начале статьи. Так, проверяющий орган (например, при проведении внешней проверки) по формальным признакам может отнести такое обеспечение к нарушениям норм Закона №44-ФЗ, что может повлечь неблагоприятные последствия для какой-либо организации» [3].

Данный автор обозначает положительную сторону практики внесения денежных средств третьими лицами для поставщиков, а также отмечает возможные в связи с этим негативные последствия для заказчика ввиду несогласованности норм Закона «О контрактной системе», что указывает на необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство о закупках.

Однако Минэкономразвития РФ считает, что изменения не нужны, так как в письме от 19 сентября 2014 г. № Д28и-1893 высказало мнение о том, что положениями Закона «О закупках» при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд возможность третьего лица предоставлять обеспечение исполнения контракта вместо участника закупки, с которым заключается контракт, не предусмотрена.

Так какие нормы следует в таком случае применять? Безусловно, как утверждает Минэкономразвития, в Законе «О закупках» не содержится норм, которые предусматривали бы возможность привлечения третьих лиц для внесения обеспечения исполнения контракта и неоднократного внесения средств в качестве обеспечения. Но отметим, что в законе отсутствуют положения, которые содержали бы запрет на это. На что, как указано выше, ссылается и Ар-

⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 сентября 2015 г. № Ф08-6906/2015 по делу №А22-3956/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

битражный суд г. Москвы при принятии решения по делу.

Согласимся с точкой зрения исследователей [4], предлагающих поддержать позицию судов, указывающих на правомерность предоставления обеспечения исполнения контракта третьими лицами, имеющими законный интерес, если оно внесено надлежащим образом. На наш взгляд, в этом случае заказчик получит добросовестного поставщика, обеспечит конкуренцию, а поставщик получит государственный заказ, что будет способствовать его развитию.

В части 1 ст. 2 Закона «О закупках» указано, что «законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации... и состоит из настоящего Федерального закона и других федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в части 1 статьи 1 настоящего Федерального закона. Нормы права, содержащиеся в других федеральных законах и регулирующие указанные отношения, должны соответствовать настоящему Федеральному закону». Поскольку Закон «О закупках» не содержит запрета на совершение указанных действий, то нет оснований утверждать, что в данном случае нормы гражданского права ему не соответствуют. При этом отметим, что в случае противоречия норм гражданского права и Закона «О закупках» необходимо применять нормы последнего.

Данный принцип находит свое отражение в работе авторского коллектива в составе Ю. А. Тихомирова, О. А. Дворниковой, Н. Е. Егоровой, А. Н. Морозова, И. В. Плюгиной, А. Е. Помазанского «Юридические приоритеты и коллизии в федеральном законодательстве». Так, в работе указано, что «коллизии между общими и специальными законами разрешаются на основе правила об отмене действия общей нормы специальной нормой (при наличии специальной нормы общая норма не применяется). Это коллизионное правило в отдельных случаях воспроизводится в законодательстве»⁶.

Такой точки зрения придерживается и Арбитражный суд Астраханской области. Он обозначил, что «требования законодательства о госзакупках являются специальными по отношению к общим нормам Гражданского кодекса Российской Федерации

о договорах, в том числе договорах, заключаемых в обязательном порядке»⁷.

Исходя из сказанного отметим, что в случае закрепления за подрядчиком права самостоятельно выбирать способ и периодичность внесения суммы обеспечения исполнения контракта, не ущемляются права и интересы иных субъектов правоотношений в сфере закупок, а также нет противоречия нормам законодательства о закупках.

Таким образом, рассмотрев данный вопрос в рамках совершенствования контрактной системы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд, необходимо сделать следующие выводы:

— во-первых, в законодательство о закупках необходимо внести дополнение, а именно, указать, что установленная заказчиком сумма обеспечения исполнения контракта может вноситься поставщиком (подрядчиком, исполнителем) как одновременно, так и несколькими платежами, но не позднее установленного срока;

— во-вторых, право выбора способа внесения денежных средств оставить за подрядчиком, а за заказчиком закрепить обязанность принимать денежные средства, внесенные поставщиком, и контролировать срок их внесения;

— в-третьих, нормы законодательства о контрактной системе являются специальными, а гражданского права — общими в сфере регулирования данных отношений.

В связи с этим ч. 3 ст. 96 Закона «О закупках» необходимо дополнить: «3. Исполнение контракта может обеспечиваться предоставлением банковской гарантии, выданной банком и соответствующей требованиям статьи 45 настоящего Федерального закона, или внесением денежных средств на указанный заказчиком счет, на котором в соответствии с законодательством Российской Федерации учитываются операции со средствами, поступающими заказчику. Способ обеспечения исполнения контракта определяется участником закупки, с которым заключается контракт, самостоятельно. Участник закупки вправе вносить платежи по сумме обеспечения исполнения контракта как одновременно, так и несколькими платежами, а также с привлечением третьих лиц, но не позднее установленного срока. Срок действия банковской гарантии должен превышать срок действия контракта не менее чем на один месяц».

⁶ Обобщение судебной практики по спорам, связанным с применением законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг. URL: <http://astrahan.arbitr.ru/node/14439> (дата обращения: 06.07.2017).

⁷ Там же.

Список литературы

1. Астахова М. В. Договор поручительства — один из видов обеспечения исполнения обязательств по муниципальным контрактам // Российский следователь. 2012. № 1.
2. Габестро С. В. Обеспечение исполнения контракта не отменено. Реализация данного постановления может грозить заказчику привлечением к административной ответственности. URL: <http://naiz.org/news/10/2605/> (дата обращения: 03.07.2016).
3. Некрасов А. Сложности обеспечения госконтракта третьими лицами. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=9&art=5356> (дата обращения: 22.06.2017).
4. Цатуриян Е. Обеспечение исполнение контракта: теория и практика. URL: <http://отрасли-права.рф/article/16076> (дата обращения: 06.07.2017).
5. Тихомиров Ю. А. [и др.]. Юридические приоритеты и коллизии в федеральном законодательстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-prioritety-i-kollizii-v-federalnom-zakonodatelstve> (дата обращения: 20.09.2017).

ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL TOOLKIT

УДК 238.2:[348+342] © А. В. Петров, 2018

Fides как момент тождества канонического и секулярного права

А. В. Петров, Омская академия МВД России. E-mail: petrov.av.phd@gmail.com

Краткий исторический экскурс в вопрос соотношения канонического и секулярного права предваряет соображения о том, какие рудименты из сферы первого могут быть обнаружены во втором. Допускается, что если эффективность канонического права зависит от степени серьезности отношения к религиозной вере, то применительно к светскому праву может быть сформулировано тождественное суждение — в том случае, если на место веры и питающего ее религиозного чувства поставить секулярные гуманистические идеалы. При всей архаичности, патриархальности и факультативности канонического права его сближают со светским правом момент веры в то, что идеалы, лежащие в основании права, автономны и самоценны, а также апелляция к свободе как основанию правосознания.

Ключевые слова: каноническое право; секулярное право; церковное право; светское право; вера.

Fides as the Point of Identification of Canon and Secular Law

A. V. Petrov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: petrov.av.phd@gmail.com

A brief historical excursus of the question of correlation between canon and secular law precedes considerations on what rudiments from the first sphere can be found in the second one. The author admits that if effective canon law depends on the level of serious attitude toward religious belief, then for law temporal an identical statement can be formed if instead of faith and religious feelings nourishing it secular humanitarian ideals can be used. For all its archaism, patriarchal and optional character canon law is close to law temporal in the conviction that the ideals underlying the law are independent and have inherent value, and in the appeal to freedom as the basis of legal consciousness.

Keywords: canon law; secular law; ecclesiastical law; law temporal; faith.

Обыденное сознание воспринимает право весьма противоречиво. С одной стороны, право выглядит как косное и чрезвычайно сложно устроенное нечто, малоподвижное и отягощенное хитросплетениями своего особенного языка, делающего его непонятым для профана. С другой стороны, право кажется подвижным, поскольку обычно оно не только не отстает от быстро меняющейся жизни, но и пред-

писывает ей выглядеть определенным образом. Оба этих впечатления в целом верны, потому что в пользу первого говорит наличие массивного корпуса законодательства и специально обученных людей, способных с ним управляться, а в пользу второго свидетельствует наличие у права регулятивной функции, реализации которой в первую очередь от него и ожидают. В качестве примера можно привести канони-

ческое право, но, тем не менее, находящее себе место в современности.

Прежде всего необходимо сделать некоторые уточнения относительно смысла, в котором употребляется здесь понятие «каноническое право». Исторически сложилась практика разделения христианского религиозного права на каноническое и церковное, причем объем первого понятия превосходит объем второго. Есть ряд объяснений этому терминологическому различению. Конфессиональное объяснение, выглядящее самым лаконичным, утверждает, что каноническим правом называется *corpus iuris* католического мира, тогда как православные церкви используют для обозначения правил, имеющих силу закона, термин «церковное право». Иной подход предлагает объяснение с точки зрения объема этих понятий, в рамках которого каноническим правом называется право церковное по происхождению, но касающееся и церковных, и гражданских дел, тогда как церковное право — это право, касающееся Церкви самой по себе, независимо от законодателя. Существует также хронологическое объяснение, суть которого в том, что каноническое право по «срокам возникновения относится ко времени от Вселенских соборов на Востоке до конца Средневековья на Западе» [1]. Стоит упомянуть также объяснение с позиции определения источника правовых норм, которое делает акцент на том, что в католическом мире законодателем, помимо соборов, является римский понтифик, непогрешимый в суждениях *ex cathedra* и даже вторгающийся в область секулярной юрисдикции, тогда как в православии эта прерогатива закреплена за собором и не выходит за пределы религиозного измерения жизни. В целом же эти объяснения не бытуют независимо друг от друга, а составляют сочетания.

Подход, более близкий к современному православному, бытовал до случившегося в XI в. разделения вселенской церкви на православный Восток и латинский Запад, после которого на Западе закрепилось сохранившееся до сего дня понимание канонического права, а само оно вступило в противостояние со светскими властями при папе Григории VII. На Востоке же, по замечанию А. С. Павлова, церковное право и по происхождению, и по содержанию своих норм всегда было церковным, а сама Церковь не полагала принципиального различия между канонами и государственными законами — в том случае, если законодатель действовал в согласии с духом положительных канонов древней Вселенской церкви [2, с. 8]. Поэтому ответ на вопрос о том, как называть христианское религиозное право — каноническим или церковным, в значительной степени зависит от того, какая рассматривается традиция христианства — западная или восточная — и в какой исторический период. Впрочем, современная рефлексия

религиозного права находит вполне актуальной позицию дореволюционной юридической науки, не придававшей существенного значения различению канонического и церковного права; поэтому вековой давности мнение А. С. Павлова о том, что православный канонист может давать своему предмету и то и другое название, вполне современно, а значит далее они будут употребляться как синонимы.

Итак, каноническое право Запада и церковное право Востока — два аспекта одного явления, которое можно назвать религиозным или сакральным правом. Установив это, перейдем к предмету рассмотрения настоящей статьи — вере как общему месту сакрального и секулярного права. Впрочем, помимо веры, между сакральным и светским правом, при всех различиях, можно заметить немало общего (с оговоркой, что эта общность заметна в их прошлом).

Эта общность явственно видна не только в истории христианской цивилизации; ее можно найти и в истории любой культуры, в которой не произошла глубокая дифференциация ее религиозной и секулярной сторон. Примеры тому можно обнаружить в распространенной во многих культурах древности практике сакрализации власти и сочетания правителем властных и жреческих функций; в рафинированном римском праве, знавшем *sacrilegium* и обожествлявшем власть кесарей; в варварском праве германских народов, на мировосприятие которых хорошо легла идея сакральности власти, предлагаемая христианством.

Устойчивые взаимоотношения между сакральным и светским правом предполагают институционализированность и того, и другого. Хотя система церковно-государственных отношений начала формироваться на рубеже Античности и Средневековья, долгое время она имела неинституционализированный характер, несмотря на то что император Константин Великий не только был одним из инициаторов созыва Никейского собора 325 г., но и, поименовав себя «епископом внешних дел Церкви» [3, с. 50], принимал участие в его работе. Продолжительный период Церковь регулировала свою жизнь на основании апостольских посланий, соборных оросов и формирующейся святоотеческой традиции, *ad hoc* решая насущные вопросы правового благоустройства церковной жизни на соборах различного представительского уровня. Такой ситуативный подход не является чем-то уникальным в церковной жизни раннего Средневековья. Он обнаруживается и в процессе формирования догматического корпуса христианства, который также не появился в одночасье и не был сформулирован сразу во всей полноте, а формировался постепенно, по мере того, как церковное сознание отвергало идеи, объявляемые еретическими и подвергаемые соборному осуждению.

В дальнейшем на православном Востоке и латинском Западе религиозное право развивалось в несколько различных направлениях. На Западе, стремясь конкурировать со светским правом и препятствуя ему в попытках обособиться, — в общих спорах о примате духовной власти или в их частных проявлениях (например, спорах об инвеституре). На Востоке каноническое право в целом не выходило за рамки дополнительного регулятора отношений, управляемых кодифицированным светским правом или обычаем (как, например, семейное право в Русской Правде), либо вовсе не покидало сугубо корпоративных пределов. В итоге Средние века породили конгломерат светских и церковных норм, касающихся не только сферы религиозных отношений, но и гражданской жизни.

При всех нюансах исторических путей католицизма и православия их объединяет общая траектория. На фоне Запада попытки восточных Церквей утвердить свою правовую автономию, не говоря уже о примате над светскими властями, едва заметны и несущественны, однако, как и на Западе, в процессе укрепления светской власти сфера церковной юрисдикции постепенно сокращалась: сначала перестала вмещать в себя судопроизводство по уголовным делам, участниками которых были церковные люди; потом Церковь сделалась субъектом правоотношений *parēs inter parēs*; а после секуляризации XX в. утратила общеобязательную власть там, где имела самые прочные позиции — в сфере семьи и брака.

Секуляризация, среди прочего ставшая деятельным воплощением принципа автономии светского и религиозного, разрушила симбиоз двух юрисдикций, но не элиминировала религиозный компонент. Его место занял секулярный симулякр, о котором Г. Дж. Берман писал так: «Секуляризация государства... в смысле снятия с него церковного контроля сопровождалась одухотворением, даже освящением собственности и договора» [4, с. 45]. Рудименты этой связи сохранились до сего дня и в иных обликах — как в виде закрепленных норм, так и в виде обычая. К примерам первого можно отнести то, что в Великобритании юрисдикция главы государства так же, как и ранее, распространяется на Англиканскую Церковь; то, как проходит коронация в странах, где сохранились царствующие дома и где процедура восшествия государя на престол имеет не только административный, но и сакральный смысл; то, что в судебном процессе или инаугурации высших должностных лиц некоторых стран важное место занимает клятва, приносимая на Библии, и т. д. Примерами второго будут, например, обычаи церковного заключения брака, в зависимости от интенсивности религиозного чувства воспринимаемого по-разному — от таинства до красивой традиции, или крещения, рас-

сматриваемого либо как второе рождение, либо как традиционное действие, совершения которого требует культурная идентичность, либо вовсе как магический акт, к которому подталкивает суеверие. При всей внешней несхожести примеры первой и второй группы объединяет одно — архаичность, факультативность и рудиментарность (с точки зрения модерна) такого права. Установления, обладающие такими качествами, приобретают императивный характер тогда, когда становятся объектом ценностного отношения, для которого, в свою очередь, чрезвычайно важное значение имеет его интенсивность. Иными словами, условием возможности канонического права будет религиозный опыт, связанные с ним переживания, их интенсивность и качество, а также формируемый на этой почве образ жизни — проще говоря, то, на почве чего формируется религиозное правосознание. И. А. Ильин небезосновательно утверждал связь религиозного опыта и правосознания, поскольку этот опыт раскрывает в правосознании «его глубочайший корень — волю к духу, добру и справедливости, и превращает его в живую правовую интуицию» [5, с. 108]. Действительно, между светским и каноническим правом, если рассматривать их с точки зрения качества правосознания, питающего их, есть много общего, и первое здесь — момент веры в то, что норма имеет авторитет сама по себе, т. е. автономна. Очевидно, что светское право фундируется авторитетом законодателя, а каноническое право — авторитетом церковной иерархии. В первом случае авторитет апеллирует к ценностям, в содержании которых элиминировано некогда присутствующее там христианское мировоззрение, в результате чего эти ценности стали пониматься автономными: к таковым можно отнести гуманизм, эгалитарную справедливость, альтруистически понимаемое благо, неизбежное воздаяние, гражданскую совесть и т. д. Во втором случае религиозный элемент элиминации не подвергается, поскольку авторитет иерархии (если говорить о христианстве) основан на апостольском правопреемстве, т. е. является богоданным; соответственно, ценности, к которым он апеллирует, являются сугубо религиозными. Причем об этих ценностях говорится не просто как о чем-то, требующем веры — их существование утверждается безапелляционно, причем здесь, в «дольнем мире», а не как возможность, существующая в «мире горнем»; об этом красноречиво говорит католический Кодекс канонического права, утверждающий, что в епископе Римской Церкви «пребывает служение, особым образом порученное Господом Петру, первому из апостолов», поэтому он обладает верховной, полной, непосредственной и универсальной ординарной властью [6, с. 156].

При всей внешней несхожести этих ценностных ориентиров их объединяет одно и то же — *fides*, т. е.

вера в широком смысле: и как осознание того, что исповедуемые ценности обладают высшим авторитетом и достойны упования, и как твердая уверенность в том, что нечто невещественное действительно существует (здесь уместно вспомнить апостольское определение веры как «вещей обличение невидимых» [Евр. 11:1]). Эффективность светского права обеспечивается не столько верой в его безусловность и безоговорочность, сколько силой государства, чья санкция всегда принудительна и ощутима — при этом ценности светского правового поля требуют веры в себя ничуть не менее, чем ценности канонического права. Сейчас каноническое право обеспечивается только совестью, поскольку его санкция не носит действительно общеобязательный и неотвратимый характер. Может возникнуть впечатление, что каноническое право имеет обязательный и принудительный характер, по крайней мере, в отношении клира, однако оно будет верным лишь отчасти, постольку, поскольку клирик добровольно остается в той конфессии, в пределах которой оно существует; покинув ее, он отвергнет и каноническую юрисдикцию, причем без видимых последствий для своей гражданской правоспособности — последствия могут быть ощутимыми лишь для совести, чувства религиозной идентичности и социального статуса. В своем современном виде каноническое право сближается с моралью, поскольку непосредственно зависит от интенсивности переживания ценностных императивов, когда они из декларируемых становятся исповедуемыми. Проще говоря, относящийся серьезно к своей вере будет столь же серьезно относиться и к нормам канонического права, распространяя их на себя. Если дифференцировать интенсивность этого переживания, то можно представить себе следующую картину. Если условно разделить религиозные и секулярные императивы в жизни личности, то в случае доминирования первых над вторыми каноническое право либо окажется в приоритете по отношению к светскому, либо будет равновесным ему в тех вопросах, где они могут конкурировать. Примером отношения первого типа может быть жизнь всякого клирика, подчиняющегося требованиям церковного устава, со всеми следующими отсюда ограничениями, принимаемыми добровольно. Добровольно принимаются как ограничения, вплоть до аналогов ограничения свободы или принудительных работ (в виде монастырского послушания или канонического наказания в виде епитимьи — например, предписания отслужить сорок литургий в указанном в епископском распоряжении монастыре (оставим за скобками вопрос, может ли служение литургии считаться наказанием для клирика, хотя такая практика и существует)), так и права вкпе с обязанностями церковно- или священнослужителя. При всей внешней архаичности и авторитар-

ности этих правоотношений (во время архиерейского богослужения епископ называется на греческий манер деспотом, т. е. господином) они по своей сути договорные, поскольку в их основе лежит свод правил, предназначенных для исполнения добровольных соглашений согласно намерению сторон, и современное содержание светского договорного права ничем не отличается от этого.

Примером отношения второго типа, когда требования канонического и светского права оказываются равновеликими, будет равная значимость церковного таинства брака и его регистрации органами ЗАГС. Стоит отметить, что даже в этом случае дальнейшее проецирование норм канонического права в семейную жизнь не гарантировано, поскольку для современного социума характерно уменьшение родительской власти над детьми, а власти мужа — над женой, и семейно-бытовой патриархат выглядит очевидным анахронизмом.

Если же в ценностных установках личности преобладает секулярное, а не религиозное, то каноническое право может вовсе не существовать как реальность сознания, или же существовать эпизодически, как своеобразный атавизм. В этом случае обращение к религиозному происходит не по зову религиозного чувства, а формально или по суеверию. Примером этого может быть стремление обвенчаться или намерение принять крещение у людей, в обычных обстоятельствах далеких от Церкви и имеющих весьма смутное представление о христианстве. Мотивы этого стремления редко простираются дальше традиционного действия и обычая, имеющего эстетическую или даже магическую смысловую нагрузку. В таких случаях реципиент церковных таинств не воспринимает их как нечто обязывающее и требующее от него соответствия некоторой модели мышления и поведения. Такое легкомыслие имеет последствия в виде небольшой прочности поспешно заключенных церковных браков по сравнению с гражданскими, когда первые нередко воспринимаются как своеобразно декорированный аналог вторых, только без обязательств имущественного характера. Статистические наблюдения свидетельствуют, что церковные браки чаще всего распадаются по причине прелюбодеяния одного из супругов, тогда как материальные сложности, несовместимость характеров и причины подобного рода являются менее значимыми проблемами. Иными словами, церковный брак не может сохраняться, когда происходит предательство любви и нарушение клятвы верности, но может продолжаться даже если супруги сталкиваются с жизненными трудностями, которые можно преодолеть совместными усилиями [7, с. 132]. Иными словами, если церковный брак с самого начала воспринимался не как таинство, а как обряд, который можно сделать ни-

чтожным безо всяких последствий, то и совместное преодоление трудностей вполне может показаться слишком обременительным по сравнению с полным отказом от союза, не оправдавшего надежд на комфортное существование.

Очевидно, что отнесение к себе норм канонического права — дело сугубо добровольное и находится в прямой зависимости от интенсивности переживания веры, участия в религиозной жизни и, в целом, серьезного отношения к ней. Представляется, что в отношении светского права можно было бы сформулировать тождественное суждение: даже если заменить религиозное чувство на гуманистические идеалы и иные императивы, лежащие в основе гражданского правосознания, «фидеизм» по отношению к ним останется обнаруживаемым. Впрочем, это замечание справедливо едва ли не исключительно в отношении идеалов, так как в практической стороне секулярного права добровольности оставлено довольно узкое пространство, поскольку ныне публичное право формализовано настолько, что может позволить себе обходиться без апелляции не только к вере, но и к доверию. Тем не менее именно эти гуманистические идеалы декларируются в качестве основания того, что право не исчерпывается только буквой, и за ней скрывается его дух. В противном случае будет стоить больших усилий найти в праве какую-либо функцию кроме репрессивной, а за его обликом угадать черты его целостного портрета. В таких обстоятельствах право утрачивает свой внутренний стержень, и тогда совершенно не удивительным окажется его превращение в нечто, не репрезентирующее мир на языке общезначимости и необходимости, а создающее прокрустово ложе, куда должна поместиться действительность. Г. Дж. Берман по этому поводу заметил, имея в виду право XX в., что оно становится более «фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем на мораль, он больше заботится о сиюминутной выгоде, чем о последовательности и преемственности» [4, с. 53].

Несмотря на тенденцию к утилитарности, преобладающую в секулярном праве, в обоих типах правосознания (и религиозном, и светском) важное место занимает одно (хотя и по-разному определяемое) явление — душа, в которой право оживает и «выступает с силой объективной ценности» [8, с. 386]. Конечно, душа — понятие неправовое, но она (или ее смысловой аналог) служит важным основанием правосознания; она неосязема, но необходима для того, чтобы право стало фундаментом свободы и автономии, а не сделалось средоточием гетерономии и насилия. Как ни странно, но именно каноническое право при всей своей архаичности и патриархальности может быть примером пространства, где свобода и автономия субъектов, подчиняющих себя его юрисдикции,

проявляется весьма отчетливо. Вхождение в это пространство (не по внешности, а по существу) невозможно как без свободно исповедуемой веры в то, что это право легитимно и имеет источник в мире сакрального, так и без готовности превращать ограничения, налагаемые им, в самоограничения, т. е. без автономии. Впрочем, апостасия современности внесла в этот процесс свои коррективы: личное принятие норм канонического права вполне может быть частичным по отношению ко всему их корпусу и не включать все некогда подразумевавшиеся последствия этого акта; современность подходит к каноническому праву избирательно, оставляя за ним возможность быть регулятивом религиозной стороны жизни, но не распространяя его на всю ее полноту. Патриархальный образ жизни уже не является необходимым следствием отнесения к себе канонического права — поэтому его нормы, касающиеся религиозной совести, вполне могут сосуществовать и с секулярным правом, и с современной культурой. В противном случае каноническое право может заявить о себе во всей полноте только тогда, когда получает возможность действовать внутри института столь же архаичного и патриархального, как оно само, — в Церкви. В иных обстоятельствах оно вынуждено совершать шаги навстречу современности и отдавать должное успехам секуляризации, эмансипации, либерализации и прочих тенденций, вошедших в жизнь в эпоху модерна и пронизывающих современность. В качестве дани духу времени каноническое право попускает разводы или не возлагает «неудобоносимого бремени» епитимьи, чтобы не быть отвергнутым и утвердиться в мире, в котором решение о выходе из канонической юрисдикции может стать слишком легким. Едва ли запрет епархиального архиерея остановит венчанную пару, желающую развестись, скорее он приведет к разрыву с инстанцией, желающей надзирать и наказывать, а не освящать. Каноническое право работает, когда опирается на добровольное принятие нормы, и наверняка перестанет работать, если начнет проявлять охранительно-репрессивный характер. На первый взгляд, перед секулярным правом такой дилеммы нет, оно с необходимостью должно быть и охранительным, и репрессивным, как все, что имеет характер общезначимости. Но если на первый план выйдут именно надзор и наказание, что за правосознание они сформируют? Светское право в не меньшей степени нуждается в апелляции к вере в то, что гуманистические идеалы альтруистического и перфекционистского характера — не декларация, а подлинные ценности, поскольку именно такая вера, олицетворяющая fides, но не включающая в себя *latrío*, является прочнейшим фундаментом правосознания, в котором первенствует внутренняя судящая способность человека — его совесть.

Список литературы

1. *Цыпин В. А., прот.* Церковное право. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsy-pin/tserkovnoe-pravo/2_1 (дата обращения: 07.12.2017).
2. *Павлов А. С.* Курс церковного права. М., 1902.
3. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви. Т. 3. СПб., 1913.
4. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
5. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта. М., 2002.
6. *Кодекс канонического права.* М., 2007.
7. *Ремнев А. А.* Каноническая практика расторжения брака в Омской епархии за 2011–2016 гг. // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2017. № 1.
8. *Ильин И. А.* О сущности правосознания / Соб. соч. в 10 т. Т. 4. М., 1994.

Понятие справедливости в общественной психологии русского народа как отражение его бытия

С. В. Гроздилов, Ярославская государственная сельскохозяйственная академия.
E-mail: grozdilov.sergei@yandex.ru

В жизни людей имеются понятия, которые не только являются их постоянными спутниками, но и присущи их мироощущению, пониманию смысла существования. Справедливость является именно таким понятием. Нередко оно предстает в обыденном сознании русского народа как отражение его бытия через мифологическое и религиозное мировоззрение. Особый интерес для исследователя представляет анализ проблемы справедливости в системе общественных отношений через ее онтологическую противоположность — несправедливость, показанный на широком материале российского фольклора, являющегося элементом общественной психологии.

Ключевые слова: мировоззрение; мораль; общественная психология; общественное сознание; право; справедливость; социальные отношения; фольклор.

The Concept of Justice in Social Psychology of the Russian People as the Reflection of their Being

S. V. Grozdilov, Yaroslavl State Agricultural Academy. E-mail: grozdilov.sergei@yandex.ru

In people's life there are terms which are not only their eternal, constant concomitants but are inherent to their world perception and comprehension of the meaning of their existence. Justice is exactly this term. Not infrequently in common consciousness of the Russian people it is perceived as the reflection of their being through mythological and religious world outlook. A special concern for the researcher lies in the connection of the problem of justice in the system of social relations through its ontological opposition, that is injustice, the analysis being made on the abundant Russian folklore as the element of the Russian social psychology.

Keywords: world outlook; moral; social psychology; social consciousness; law; justice; social relations; folklore.

К проблеме справедливости в истории русской философской и художественной мысли обращались как философы со свойственной им критической рефлексией, так и мастера художественного слова, выражающие свое специфическое виденье этого явления [1, с. 178–182]. Поскольку справедливость является многогранным, противоречивым феноменом, а разнообразие активно проявляющихся в ней противоположностей способствует порождению многообразия взглядов, связанных с ее пониманием и определением, то однозначной и безусловной точки зрения по осмыслению понятия справедливости не выработано. Превалирующим является мнение, что справедливость или несправедливость выступают как ценностное основание для разрешения общественных противоречий, сложившихся в том или ином социуме. В то же время в каждой культурно-исторической

общности идея справедливости формируется в соответствии с исторически, эволюционно сложившимися представлениями об этом феномене. В условиях проводимых в России реформ и постреформ проблема справедливости приобрела особую значимость как в теоретико-мировоззренческом, так и в практическом отношении.

При обращении к наследию культуры русского народа становится очевидным, что идеи «царства справедливости» встречаются уже в различных народных сказаниях: мифах, сказках, былинах, легендах. Так или иначе, в своеобразных представлениях и формах, но эти идеи были присущи русскому мировоззрению и менталитету в различные времена. К мифу, сказке и фольклорным произведениям принято относиться как к чисто развлекательному жанру, что не вполне соответствует их значению,

поскольку они донесли «до нынешних дней дыхание наших далеких прапредков, осколки их мышления, наивно-целостного мирозерцания» [2, с. 42]. Известный филолог-фольклорист В. Я. Пропп полагал, что большинство сюжетных элементов волшебной сказки восходит к архаической культурной традиции, основание которой и составляет миф [3]. Именно в нем, в его «сюжетах и образах закодированы и реальные события далекого прошлого, и отголоски стародавних общественных отношений и норм поведения, и представления о мироздании и его законах...» [2, с. 38]. Русский философ-футуролог Н. Ф. Федоров был глубоко убежден, что «мифология — не басня, а истина, действительность, и никогда ее не убьет метафизика...» [4, с. 398]. Таким образом, мифы и сказки — это кладезь и хранилище народной памяти, в которой отражены и сохранены все основные вехи русской истории. И надо полагать, что они являются одним из источников сложившейся среди людей под воздействием жизненных обстоятельств определенной общественной психологии и, соответственно, взглядов на понимание справедливости.

Между наукой и фольклором (народной мудростью) имеется безусловное общее — это способ описания и воспроизведения действительности. Наука и фольклор используют универсальный язык символов. Символическую форму имеют как философские категории и логические абстракции, так и художественные образы и мифологические сюжеты: все они облачены в словесно-знаковую, а значит, в символическую оболочку. Народные сказки — это прежде всего продукт коллективного народного творчества; при этом и сам народ формируется как общность под воздействием мифологического мирозерцания. Представление же о справедливости, как одной из основных категорий, отражающих общественное бытие, — есть основа ментальности народа, под которой понимается специфика его психологии, особенность присущей ему картины мира, мотивов его действий и поступков.

Благодаря сложному переплетению исторического и мифологического в общественном сознании возникает то или иное понимание феномена справедливости, представляющего как совокупность событий, образующих неоднородное пространство, в котором справедливость выступает и объектом познания, и объектом эстетического и эмоционального переживания. В русских сказках справедливость — не просто человеческая добродетель, это и оценка деятельности человека с позиций удовлетворенности для него самого. Нередко в разных фольклорных текстах актуализируется те или иные нормы поведения человека, несоблюдение которых вредит и может разрушить его внутренний мир.

Понимание справедливости как общественно-го феномена в российском мирозерцании рассматривается на широком материале устной народной прозы и чаще всего раскрывается через ее онтологическую противоположность — несправедливость. Примечательно, что человека всегда интересовали не только проявления несправедливости в тех или иных общественных отношениях, но и ее генезис, а также причины. И видит он их в происхождении зла, жестокости, которые исходят от находящихся у власти элитарных групп в лице бояр, помещиков и т. д. Кроме того, эти причины были связаны и с представлениями о должном общественном порядке, заведенном в социуме, и его несоблюдении, нарушении.

В общественной психологии сформировалось мнение, что проблемы устранения несправедливости социальных отношений не могут быть разрешены на основе юридического права или какими-то отдельными людьми со статусом экспертов (судей, представителей властей). Ведь несправедливость исходит только от конкретных людей, а справедливость, считалось, проистекает от самого Бога. Основой для подобных мнений являлся религиозный опыт (проповеди, сказки о чудесах), из которого виделось, что справедливости можно добиться скорее через религию и церковь, чем через право и суд. Тем более, что служители церкви в одном лице выполняли, кроме традиционной религиозной функции, функции психологов, политологов, идеологов и др. В действительности же ни усердных молитв, ни продолжительных служб, ни подношений не хватало. Именно поэтому для реального решения проблем несправедливости люди обращались к общине, к народу, к широким группам лиц. Не случайно у русского народа имелась присказка: «как судить — по суду или по совести».

В данном случае совесть выступала в качестве спутника справедливости. Совесть — есть внутренне отрицательная эмоция человека в случае расхождения сущего с должным. Суд есть некое публичное формализованное начало, а совесть — это индивидуальное, совсем иное человеческое основание. Например, В. С. Соловьев, представитель религиозной и этической философии, в совести видел плод нравственного развития человека. Для него совесть не константа, совершенная и завершенная, а нечто, постоянно находящееся в развитии. Согласно его представлениям, эволюция совести берет свое начало в человеческом чувстве стыда: когда справедливость не торжествует, тогда мучает совесть [5, с. 121].

Справедливость в массовом сознании воспроизводилась также через понятия соборности и патриархальности. Основоположник раннего славянофильства А. С. Хомяков разъяснял, что соборность обозначает абсолютного носителя истины и справедливости в лице религии как феномена, а не ин-

ститута церкви в лице патриарха или духовенства. Соборность — это характерная черта церкви и общины, она применима для разрешения многих трудных проблем социальной жизни и справедливости [6]. Соборность противостоит западному индивидуализму, сводящему все на личность, и позволяет сохранить общину, которая гармонично сочетает личные и общественные начала. В этом контексте религиозный опыт является основой для реализации главной задачи проблемы справедливости — разработки концепции, что у России свой особый путь и, соответственно, свои начала в человеческих отношениях.

Под патриархальностью понимался тип жизненного уклада, социальных взаимоотношений, ценностей, основанный на жестких традициях, где конкретные лица вершат справедливость по своему статусу. Например, главным в семье является чаще всего отец, но им может быть и судья, и староста, и помещик. Недаром Н. А. Некрасов в «Забытой деревне» прописывает: «Вот приедет барин — барин нас рассудит». А наивысшим судьей в этом смысле является царь-батюшка в образе «добротного царя», либо «царя-избавителя». Но исправить несправедливое положение может и человек из народа. В сказаниях о таких заступниках на первый план выступало художественное исследование личности, в основании которой заложены традиционные мифологические модели. Такими народными заступниками могут выступать любимые герои русских сказок: Иван-царевич, Иван-дурак, Иван-крестьянский сын и т. д., являющиеся бесстрашными и благородными героями, которые побеждают всех врагов, помогают слабым вершить справедливость. Все это говорит в пользу того, что справедливость выступает уже и как индивидуальная добродетель.

Крестьянское мировоззрение являлось, по своей сути, мировоззрением мифологическим, характеризующимся наличием готовых объяснений и ситуаций: царь — хороший, значит, справедливый; бояре — плохие, следовательно, несправедливые. Конечно же и государи могли быть «неправильными», несправедливыми, даже незаконными. В любом случае, люди мыслили в неких традиционных монархических рамках. Но в истории России были и реальные заступники: Ермак, Иван Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачев и др. Они поразили народное воображение и сформировали разнообразное представление о себе в массовом сознании. Через них раскрывался народный идеал справедливой личности. Они и богатыри, и люди, которые имеют отношение к неким сверхъестественным силам: ни пуля, ни сабля им не страшны. Поэтому их художественно-мифологический образ как реализация народных представлений о справедливости — один из глав-

ных в русских сказаниях. Как в русском фольклоре социально неимущий герой становится царем, так и в преданиях люди из народа обретают наивысшую власть и устанавливают те самые, с позиции обывательского должностования справедливые, отношения: поделить имущество помещиков между собой на уравнильных началах и своим же человеком из народа заменить местное управление.

Здесь обнаруживается классическое представление, что сверхъестественные силы (при несправедливости явления) оказывают покровительство бедным, невиновным, преследуемым персонажам. Нередко в таких сказаниях мифологические элементы приобретают характер действительности и устраняют несправедливость. Как правило, народные герои судят и наказывают всех тех, кто представляет несомненное зло в глазах простых людей: кто угнетал, присвоил себе право владеть не только собственностью, но и жизнью людей.

Но и так называемые заступники аналогичным образом присваивали себе право сильного и вершили «свою» справедливость. Устойчивое сочетание слова «справедливость» с местоимением «свой(я)», по всей видимости, было связано не только с коннотациями справедливости, исходящими от божественной силы или власти, решения народа, общины, но и от личности, с ее действиями и поступками. Ведь именно в XVIII в. в России начинает формироваться понятие личности как человеческой индивидуальности, поэтому «справедливость» как понятие, постепенно начинает раскрываться и как нравственно-этическая категория, и как индивидуальное внутреннее свойство человека. Впоследствии П. А. Кропоткин, философ и геоморфолог, увидел справедливость именно в свойстве человека, генетически закрепленном в его природе [7, с.24].

Следует заметить, что в большинстве своем при изображении народного вождя или заступника используются одни и те же традиционные средства. Такое сходство объясняется генетической общностью образов, каждый из них в какой-то мере восходит к древним патриархально-родовым представлениям о вожде [2, с. 25]. Интересно, что в современной российской действительности «политическая мифология становится важнейшим инструментом консолидации общества и в то же время является средством в противопоставлении его членов на „своих“ и „чужих“». Она дает человеку силы преодолевать житейские трудности и надежду на то, что все его лишения окупятся счастливым будущим всего человечества» [8, с. 115].

Как известно, институты власти, собственности и права находились не только в сфере интересов общественной идеологии — социально-политических и философских учений, но были объектом внима-

ния и общественной психологии. А если внимательно присмотреться к русскому фольклору, то обнаруживаются весьма интересные противоречивые факты. С одной стороны, богатство и жажда власти осуждаются (на примере «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина), с другой — все к ним стремятся и, по возможности, приходят и не отказываются. Не случайно в русских сказках дети занимают положение, соответствующее статусу их родителей. Таким образом, происходит становление иерархической социальной системы и неравенства. И те, у кого есть власть и собственность, не заинтересованы в устранении этого неравенства. Ведь в этом случае они перестанут быть привилегированной группой. Выход за рамки этих представлений может привести к непредсказуемым последствиям — к разрушению устоявшихся общественных отношений. Следует помнить, что неимущие крестьяне имели статус рабов, и только с их освобождением должен был решиться, хоть в какой-то мере и форме, вопрос о правах человека, о независимом суде и т. д., а значит, и о справедливости в социальных отношениях.

В массовом сознании стремление человека сменить свое социальное положение на противоположное провозглашалось торжеством справедливости в соответствии с аксиомой: обиженный, обездоленный вознагражден, а его обидчик наказан. С одной стороны, совокупность событий и действий, направленных на исправление реальности, отражало сложившееся мировоззрение, процесс постоянного духовного поиска русского народа при сохранении вечных для него ценностей. Но с другой — в самой необходимости обращения к понятию справедливости обнаруживается противоречие, связанное с отсутствием гармонии между объективной реальностью и субъективно желаемым. Исполнение желания часто не обходится без сказочного волшебника или подобного персонажа. Отражая общественное бытие, герои народного фольклора нередко полагаются только на чудо, без которого жизненная ситуация не разрешилась бы. В жизнь человека снова вмешиваются высшие силы, и поэтому к пониманию справедливости применяются критерии, отличные от реально существующих. Причем эти критерии с опорой на чудеса ставят под сомнение построение справедливых отношений силами самих людей. В них права и обязанности, ответственность и распределение благ происходит сказочным путем, но по границам понимания справедливости простым населением и верховствующей элитой. Емеля из сказки «По щучьему велению» целый день лежит на печи, знать и делать ничего не желает, по принуждению идет за водой и, в большей степени случайно, ловит волшебную щуку. Теперь все, что он пожелает, сбывается. Человек, который побеждает эту крупную рыбу, становится

победителем, но как бы случайно. Образ «счастливой» щуки используют современные политтехнологи для политической элиты, и не только.

Получается, что народное сознание проникнуто глубоким смыслом гуманистических и патриотических идей, верой в победу справедливости, в чудодейственную силу высокой нравственности и героического подвига, но в то же время общественные отношения отражаются как безысходные и даже пессимистичны. В одноименной сказке «Морозко» ее герой является судьей — вершителем справедливости. Он спасает падчерицу от смерти в лесу, а ее сестер наказывает: справедливость восторжествовала. Но не будь чуда, все закончилось бы трагично, ведь сама падчерица бездеятельна и пассивна. Образ Морозко показывает, что жизнь человека зависит от «сверхъестественной» справедливости. В качестве некоторого оправдания можно констатировать, что и сегодня люди при невозможности противостоять несправедливости часто рассчитывают не на себя, а только на «высшие силы».

В целом российский фольклор в связи с проблемой справедливости, отражая распространенные отношения между персонажами, является попыткой сформулировать идеальную модель общественной жизни, где существуют и несбывшиеся мечты, и желания, и психологическое утешение человека при проявлении несправедливости. В ней обнаруживается и экзистенциальная составляющая идеи, заключающаяся в том, что люди не должны отчаиваться даже в безнадежных ситуациях, ведь жизнь богаче наших представлений о ней, а нестандартные поступки — верный путь к «царству справедливости». В то же время мифы и сказки, являясь элементом общественной психологии, не формируют объективную реальность, они, напротив, создают иллюзию, а порой даже и империю лжи. В них не бывает ни закономерных революций, ни эволюций, а иногда и беспристрастной справедливости. В них не хватает философского обоснования тех реальных действий, которые ведут социум к справедливым общественным отношениям. И если нет этих философских обоснований, то человек или социальная группа в случае прихода к власти начинает уничтожение всего прогрессивного. Тогда общественные отношения в лучшую сторону не меняются. В этом случае уже не сказка, а социальная реальность имеет печальный конец. Ибо эти общественные отношения приобретают черты абсурдности, в которой, по выражению А. Камю, «все позволено, но не все разрешено».

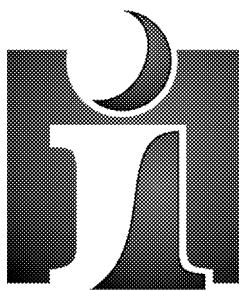
Таким образом, совокупность устойчивых мотивов в традиционном российском фольклоре, связанном с проблемой справедливости, отражает процесс непрерывного внутреннего поиска русского народа, устойчивость его мироощущения и сохранение веч-

ных ценностей, которые передаются из поколения в поколение. Само понятие справедливости представлено в массовом сознании российского социума, в его общественной психологии как отражение сложившихся социальных отношений. Решение же проблемы справедливости в народной прозе тесно связано с эволюцией общественного сознания, постепенное

движение которого происходило от мифа к реальности. В условиях преимущественно мифологического и религиозного мировоззрения, господства феодального права вряд ли была возможна целостная система понимания справедливых отношений. Справедливости для общества в своем осмыслении ищут уже философы и правоведы.

Список литературы

1. *Гроздилов С. В.* Становление понятия справедливости в российском общественном сознании // *Инновационный путь развития АПК: междунар. сб. науч. тр. по мат-лам XL Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава.* Ярославль, 2017.
2. *Голованов И. А.* Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Челябинск, 2010.
3. *Протт В. Я.* Исторические корни Волшебной сказки. М., 1998.
4. *Федоров Н. Ф.* Собор. Примечания // *Собр. сочинений*: в 4 т. М., 1995. Т. 1.
5. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия // *Собр. соч.*: в 2 т. М., 1988. Т. 1.
6. *Хомяков А. С.* Несколько слов православного христианства о западных вероисповеданиях: соч. в 2 т. М., 1994. Т. 2.
7. *Кропоткин П. А.* Этика // *Происхождение и развитие нравственности.* М., 1922.
8. *Беспалов Ю. В.* Миф в массовом сознании современного общества // *Вестник Воронежского государственного технического университета.* 2010. № 7.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», являющегося партнером и дистрибьютором компании East View Information Services, Inc.

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные спорные или отрицательные моменты рукописи, дается

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc.

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu-

рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

— список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);

— аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагаются авторская справка и цифровая или сканированная фотография автора (авторов). Размер изображения цифровых фотографий — 1024×768 точек или более, сканированных фотографий — 3×4 см, разрешение не менее 600 ppi.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу gsinchenko@rambler.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России» (с пометкой: «Клокову Е. А.»). Контактный телефон: (8-3812)31-34-83 (главный редактор Синченко Георгий Чонгарович).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, включая фотографии, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

— annotation;

— keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

Along with electronic versions of the papers digital or scanned photos of the authors should be sent. The size of the image in digital photos — 1024×768 pxl or larger, of scanned photos — 3×4 cm, with at least 600 ppi resolution.

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: gsinchenko@rambler.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia" (subject: "to Klokov Ye. A."). Telephone: (8-3812)31-34-83 (chief editor Georgiy Chongarovich Sinchenko).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata including photos in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

Сведения об авторах

Болотин Сергей Сергеевич — аспирант Тюменского государственного университета

E-mail: bolotin.ss@yandex.ru

Буряков Евгений Владимирович — кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

E-mail: bur.e2010@yandex.ru

Галкин Владимир Викторович — заместитель начальника отдела правового, документационного обеспечения и работы с обращениями граждан Управления Федеральной службы судебных приставов по Тюменской области

E-mail: vova.galkin20@mail.ru

Грибунов Олег Павлович — доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе) (г. Иркутск)

E-mail: gribunov@mail.ru

Гроздилов Сергей Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ярославской государственной сельскохозяйственной академии

E-mail: grozdilov.sergei@yandex.ru

Даш Тамир — адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: dash_tamir2001@yahoo.com

Джойс Элла Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России

E-mail: ella_smk@mail.ru

Зацепин Денис Егорович — соискатель Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

E-mail: scipion09@mail.ru

Коломеец Елена Владимировна — соискатель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

E-mail: ikolom@yandex.ru

Клоков Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России

E-mail: klokov@bk.ru

Красилова Екатерина Владимировна — участковый уполномоченный полиции отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних Управления МВД России по г. Барнаулу

E-mail: p-o-l-y-a94@yandex.ru

Малыхина Екатерина Анатольевна — адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

E-mail: Malykhina_Ek@mail.ru

Мараев Кирилл Егорович — адъюнкт Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя

E-mail: forvater_slik@mail.ru

Петров Александр Викторович — кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

E-mail: petrov.av.phd@gmail.com

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия (г. Москва)

E-mail: 11081975@list.ru

Репьев Артем Григорьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: repev-artem@yandex.ru

Симаков Александр Александрович — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры управления и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

E-mail: alex_smkv@yahoo.com

Спирин Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

E-mail: a_v_spirin@bk.ru

Сургутсков Вадим Игоревич — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

E-mail: Surgutskov55@mail.ru

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Научное обеспечение противодействия правонарушениям

- криминологические меры предупреждения экономической преступности в Республике Беларусь
- предмет мошенничества в сфере кредитования
- оскорбление и хулиганство: разграничение ответственности
- объект уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств
- круг лиц, на имущество которых может быть наложен арест при производстве по уголовным делам

Философский и методологический инструментарий

- метамодерн в праве
- политическая нация в современной России

а также

- соотношение содержания понятий «преступление» и «состав преступления»
- расширение процессуальных полномочий прокурора при производстве дознания в сокращенной форме
- праксеологические основания религии
- другие материалы

---

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*
